

СМЕРТЬ

ОДНОГО

ТУРЦА

ПОТРАСАЮЩАЯ БИОГРАФИЯ

Рабиндранат Р. Махарадж

СМЕРТЬ
ОДНОГО
ТУРЦУ

ПОТРЯСАЮЩАЯ БИОГРАФИЯ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Rabindranath R. Maharaj
«Death of a Guru»
© by Rabindranath R. Maharaj

Рабиндранат Р. Махарадж
«Смерть одного гуру»
© 1995 перевод «Свет на Востоке»

Р. Махарадж СМЕРТЬ ОДНОГО ГУРУ

01.296

Рабиндранат Р. Махарадж
«Смерть одного гуру»

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩЕНА ТЕБЕ,
ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ

ПОТРЯСАЮЩАЯ БИОГРАФИЯ

СМЕРТЬ ОДНОГО ТУРЦУ

Рабиндранат Р. Махарадж происходит из очень известной семьи брахманов. Он занимался йогой и ежедневно проводил много часов кряду в медитации. Но вновь и вновь его посещали сомнения в истинности того, чем он занимался. Искренно и честно описывает он свою жизнь, индусские нравы и обычаи, религиозную практику йоги. Он пишет о своих отчаянных поисках смысла жизни и своей внутренней борьбе между индуизмом и Христом.

Рабиндранат Р. Махарадж предлагает всем нашим современникам, которые как замороженные следуют восточному мистицизму и индуистской философии в их различных проявлениях, ясную картину внутренних противоречий этих учений и радостное свидетельство исполненной смысла жизни со Христом.

Захватывающее свидетельство о борьбе индуса с властью тьмы и лжи и его победе. Эту книгу следует прочесть каждому интересующемуся вопросами жизни и смерти.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	9
Глава 1. Происхождение брамина	12
Глава 2. Смерть Аватары	25
Глава 3. Пепел над Гангом	33
Глава 4. Карма и судьба	46
Глава 5. Пандит Джи	57
Глава 6. Молодой гуру	69
Глава 7. Шива и я	75
Глава 8. Священная корова	85
Глава 9. Бедный, богатый	91
Глава 10. Неизвестный Бог	101
Глава 11. «И это ты!»	104
Глава 12. Пуджа гуру	111
Глава 13. Карма и благодать	122
Глава 14. Просветление	129
Глава 15. Смерть гуру	134
Глава 16. Новое начало	151
Глава 17. Встреча и прощание	166
Глава 18. Где Восток встречается с Западом	175
Глава 19. Умирая, мы живем	187
Глава 20. «Новая жизнь»	199
Эпилог	217
Приложение	220

ПРОЛОГ

Я прекрасно понимал, что меня могут арестовать в то грозное утро ноября 1975 года при попытке перейти через границу из Пакистана в Индию. Риск был велик, но важность моей миссии исключала колебания и тревожные мысли о том, чем все это может закончиться...

Мне было сказано подождать, пока проверят мои документы. Минут десять я медленно ходил взад и вперед возле небольшого пограничного пункта под пристальными взглядами нескольких солдат, начиная понимать, что же может произойти. И чем дольше я ждал, тем больше утверждался в своих опасениях.

Поглощенный этими мыслями, я не заметил, как ко мне подошел офицер.

– Вы Рабиндранат Махараджа? – спросил он, сравнивая фотографию в паспорте с моим бородатым лицом и, по-видимому, не находя сходства.

– Да, – ответил я и улыбнулся.

Дружелюбие было естественной чертой моего характера, и это знали все мои друзья. Оно проявлялось в разных ситуациях, и даже в такой, как сейчас. Но я почувствовал, как внутри у меня все сжалось.

– Следуйте за мной! – сказал офицер, резко повернувшись.

В самой дальней комнате небольшого бревенчатого дома меня ждали несколько офицеров. Их лица были суровы. И именно там, вдали от глаз туристов, ожидавших проверки документов, я услышал эти леденящие душу слова:

– Вы арестованы!

И я впервые осознал, какие холодные и тяжелые – настоящие! – револьверы у окружавших меня людей.

– Вы работали по заданию индийской разведки? – спросил старший офицер, сидящий за столом.

– Я не шпион!

– И вы думаете, что мы вам поверим, не так ли? – сказал он, саркастически рассмеявшись. – Вы действительно считаете, что мы позволим вам покинуть страну?

Конечно, я был индусом, а индусы, за редким исключением, не путешествуют по Пакистану. После того, как англичане отделили от Индии часть территории и создали там государство Пакистан для мусульман, миллионы индусов были вынуждены покинуть эту страну. Тысячи из них были зверски убиты при попытке перейти границу. То же самое произошло с мусульманами, бежавшими из Индии, – тысячи были убиты индусами. Между Пакистаном и Индией происходило множество пограничных столкновений, а недавнее вмешательство Индии в войну между западным и восточным Пакистаном, в результате которой возникла независимая республика Бангладеш, вряд ли когда-нибудь будет прощено или забыто.

При таких обстоятельствах ни один нормальный индус не придет на эту враждебную территорию без очень серьезных причин. Именно так думали арестовавшие меня офицеры, и у них были для этого основания. Они считали, что моя вина очевидна, хотя и не имели доказательств. Мое имя говорило о принадлежности к высшей индуистской касте, и одного этого факта было достаточно для решения моей судьбы. Действительно, чем еще, кроме шпионажа, мог, по их мнению, заниматься в Пакистане индус, да еще брамин.

Я слышал о многих подобных случаях и понимал, что не могу рассчитывать ни на суд, ни на обычный законный процесс. Вглядываясь в непреклонные лица офицеров, я внезапно ощутил чувство полной безнадежности. Наверное, этот день будет последним в моей жизни... а еще столько нужно сделать!

Не будет ни заметки в газетах, ни объявления о моей казни. Я просто исчезну без следа, и моя мать, которая ждет меня недалеко от Бомбея и которую я не видел долгие годы, так и не узнает, что произошло и почему. После нескольких официальных запросов индийского правительства и формальных отговорок Пакистана я вскоре буду забыт – еще одна жертва этой войны, которая никогда не объявлялась.

И когда я находился под стражей, в полном одиночестве ожидая приезда из Лахора начальника полиции, который хотел допросить меня лично, мне пришла в голову мысль об одной маленькой возможности добиться освобождения. Нужно убедить начальника в том, что я говорю правду, а для этого я должен попросить его прочитать рукопись книги, в которой я рассказываю историю своей жизни, начиная с самого раннего детства на Тринидаде. Может быть, начальник поймет, что такую историю невозможно выдумать.

ГЛАВА 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БРАМИНА

Как бы ни сложилась жизнь человека, в его прошлом почти всегда есть какие-то тяжелые переживания, к которым он часто возвращается. У меня таким переживанием было глубочайшее чувство утраты отца. Его звали Чандрабхан Рагбир Шарма Махабир Махараджа. Как я хотел, чтобы он до сих пор был жив! Я сожалею не только о том, что этот необыкновенный человек умер так рано и при таких загадочных обстоятельствах, но и о том, что впоследствии, когда в моей жизни стали происходить самые невероятные события, я не мог рассказать ему об этом, получить совет.

Но это всегда было только мечтой! Мы никогда с ним не общались. Отец перестал разговаривать еще до моего рождения, и за восемь лет он не сказал ни единого слова ни мне, ни моей матери и не обращал на меня ни малейшего внимания. Скажи он только два слова, и я был бы несказанно счастлив. Больше всего на свете я хотел услышать от него эти слова: «Раби, сынок!» Хотя бы раз. Но он никогда не сказал их...

Дело в том, что мой отец, занимаясь йогой, достиг состояния транса, которое люди, незнакомые с восточным мистицизмом, считали крайне странным, и даже болезненным. Однако в наше время так называемое измененное состояние сознания вызывает большой интерес на Западе. В научных лабораториях создаются химические препараты, которые дают возможность войти в это состояние, и многие люди испытывают их на себе. Еще большее количество людей достигает измененного

состояния сознания с помощью гипноза, аутотренинга, внушения и различных форм йоги, популярных на Западе, в частности трансцендентальной медитации. Более того, растет признание наукой реальности различных психических феноменов, что меняет традиционный скептицизм материалистически настроенного западного общества на увлечение оккультизмом.

Нам же, индусам, многие тысячелетия было известно, что в йоге действительно заключена реальная сила. И мой отец доказал это. Он реализовал в жизни то, о чем говорится в различных учениях, столь популярных сегодня в Европе и Америке. Такое удавалось лишь немногим.

– А почему папа такой? – спрашивал я у матери, когда был еще слишком мал, чтобы понять это.

– Твой отец занят очень важной работой, у него особый путь, – отвечала она, всегда терпеливо относясь к моим настойчивым вопросам и недоумению. – Он ищет истинное Я, заложенное в каждом, единое сущее. И в тебе оно тоже есть, Раби.

Сначала я ничего не понимал, однако признавал, что отец сделал самый достойный выбор. Моя мать часто уверяла меня в этом, да и многие другие тоже. И когда я стал старше и начал изучать священные писания, то убедился в этом. Отречение моего отца было таким полным, таким бесповоротным, и произошло оно через несколько дней после его женитьбы. Случись это чуть раньше, – и я никогда бы не родился.

И хотя я допускал мысль о том, что высокий выбор отца не дает ему возможности разговаривать со мной, своим единственным сыном, но никогда не мог избавиться от мучительного чувства пустоты и неутолимой жажды общения, с которым я в конце концов научился жить. Однако обижаться на отца было немислимо. Он

мужественно выбрал свой путь, и разве мог я, с тем религиозным воспитанием, которое дала мне мать, осуждать его? Но, тем не менее, я все равно испытывал огромное желание общаться с ним.

Никто, даже моя мать, точно не знал, какие он дал обеты. Об этом можно было только догадываться, глядя на внезапное изменение его образа жизни. Сидя в позе лотоса на доске, которая служила ему кроватью, он проводил дни в медитации – и ничего больше. Он даже не использовал мантры, которые, как известно, помогают приблизиться к богам. Очевидно, отец не нуждался в них, так как нашел свой собственный путь к Брахману. Он настолько ушел в себя, что никогда не замечал присутствия людей, которые приходили издалека, чтобы спросить его о чем-то важном, принести дары – плоды и цветы, одежду, деньги. Но никто никогда не дождался от него ответа. Казалось, что он где-то в другом мире. Годы спустя, я с помощью медитации смог проникнуть достаточно глубоко в мир таинственных планет и высших учителей, где, по-видимому, обитал мой отец, но, к сожалению, никогда его там не встречал. Такие достижения даются нелегко, и так же нелегко объяснить их тем, кто воспринимает мир только с помощью пяти чувств. Чтобы сделать первый шаг в осознании мира, нам необходимо отказаться от старых предубеждений, особенно от утверждения, что все, чего нельзя увидеть или доказать с помощью современной техники, не может быть реальным. Даже наши представления о вещах, которые, как мы думаем, нам понятны, тоже ограничены этими рамками. Знает ли кто-нибудь, что такое жизнь, или энергия, или свет? И каким инструментом можно измерить любовь?

Меня переполняло чувство гордости, когда я слышал, как превозносят моего отца, а люди делали это часто.

С уважением и благоговением индуисты говорили, что мой отец обладает таким мужеством и такой убежденностью, что может идти высшим путем. По мнению многих, и даже известного пандита, которого я знал, отец был аватарой – воплощением бога на земле. Я услышал это слово задолго до того, как узнал, что оно означает. Как красиво оно звучало – и как-то по-особенному! И я знал, что я тоже особенный, потому что *он* был моим отцом. И когда-нибудь я тоже стану великим йогом. Сначала я чувствовал это интуитивно, но с годами пришла уверенность, которая становилась все сильнее.

Однако при всем моем воображении я никогда не мог представить, какие невероятные события ожидали меня. И сейчас я хотел бы о многом рассказать моему отцу – но его уже нет.

Как часто я стоял перед этим необыкновенным человеком, глядя ему прямо в глаза, пока не терялся в их бездонных глубинах. Я как бы падал в пространство, пытаясь за что-то ухватиться, звал кого-то, но встречал только пустоту и тишину. Позже я узнал, что отец достиг блаженства, о котором Кришна говорил Арджуне. Он сидел неподвижно и выглядел таким умиротворенным, ушедшим в себя, его дыхание было чуть заметным, ритмичным, волосы и борода, которых не касались ножницы все эти годы, выросли до пояса. В такие минуты я чувствовал себя как бы в присутствии чего-то неземного...

Мы с нежностью прикасались к фигуркам богов на нашем семейном алтаре, осторожно разворачивали их, купали, а затем снова закутывали в мягкую ткань. С моим отцом обращались точно так же. Как и боги в комнате для молитв, он не заботился о себе. Он был таким же богом, которого нужно мыть, кормить, переодевать, – и так все восемь лет. Мой отец отказался от

всего, что привязывает нас к материальному миру, – от успеха, положения в обществе, от желаний. И неудивительно, что люди восхищались им и приходили отовсюду, чтобы поклониться ему. Они торжественно и благоговейно говорили, что он, конечно же, достиг *мокши*, то есть вышел из круга перевоплощений. Он больше никогда не родится в этом смертном мире, а будет пребывать только в вечном блаженстве. Он встал на высший путь, и когда его загадочная смерть застала нас врасплох, я понял, что в этой жизни мы с ним не встретимся.

* * *

– Вишну сказал, что собирается вызвать санитарную машину и отвезти его в больницу!

Я стоял во дворе и ел только что сорванный плод манго, когда в тихом утреннем воздухе прозвучал взволнованный голос Пхувы Мохани, сводной сестры моего отца, которого она очень любила. Ее родственник Вишну был преуспевающим бизнесменом. Религия его не интересовала, а для моего отца у него находились только самые грубые слова. Я подобрался поближе к окну, сдерживая дыхание, чтобы лучше было слышно.

Однако разобрать слова, заглушаемые шарканьем щеток и всплесками воды, было трудно. Говорили что-то про Вишну, который утверждал, что мой отец прекратит свой бессмысленный пост, если люди перестанут заботиться о нем, как о божестве. Я услышал непонятные слова «психиатр» и «шоковая терапия» и еще что-то о докторам и медицине. Я очень испугался, особенно потому, что голос моей матери стал таким же нервным, как и у Мохани. Она всегда была очень спокойной, и только что-то серьезное могло так ее расстроить...

Я помчался по хорошо знакомой тропинке между

кокосовыми пальмами к маленькой хижине с глиняными стенами и ржавой жестяной крышей, где жил старый друг нашей семьи Госин. Отец моей матери, Лачман Сингх, позволил построить ее на территории своих обширных владений. Госин, худой и жилистый старик с высохшей кожей, как обычно, сидел на корточках в тени орехового дерева перед своей хижинкой, опираясь подбородком на руки.

– Зачем для тебя выглядеть так грустно, сын великого йога? – спросил Госин на ломаном английском языке, распространенном на Тринидаде.

Я верил, что он был древним мудрецом, воплотившимся снова и еще раз состарившимся. Именно поэтому он так хорошо говорил на хинди, в отличие от английского.

– Почему тебе думать, что мне так грустно? – сказал я на том же диалекте.

Моя мать пыталась добиться от меня правильной речи, но было совершенно безнадежным делом отучить меня от того языка, на котором говорили все в нашей округе.

– Ты не выглядишь так весело сам, – добавил я.

– Я не спал хорошо в прошлую ночь, парень. Я чувствую как высохшая старая тряпка, – торжественно произнес Госин, и его густые седые усы подпрыгивали при каждом слове.

Я не знал, что завораживало меня больше – его колеблющиеся усы или длинные пряди волос, растущие из ушей.

Я присел на корточки рядом с ним. Мы были хорошими друзьями, достаточно хорошими, чтобы считать разговор необязательным, и возле него я почувствовал себя лучше. Через несколько минут я смог заговорить о том, что меня взволновало.

– Знаешь ты, что такое «психиатр» – или «шоковая терапия»?

Потирая подбородок, старик задумался, а затем ответил:

– Большого города разговор – это никакого смысла здесь. Где ты слышал такое? По радио, наверно.

– Это был Вишну. Но я не слышал его самого.

– Вишну не плохой. Он просто безрассудный. Отец твой был с ним хороший, да. Это были дни...

Я молчал, чувствуя разочарование. Госин всегда был таким мудрым. Возможно, это и были слова из «разговора большого города», но они должны хоть что-то означать.

– Я не могу никогда забыть ту свадьбу, – сказал он неожиданно, как будто собирался рассказать мне что-то в первый раз.

На самом деле я слышал от него эту историю не менее двадцати раз, слово в слово.

– Парень, отец у тебя великий, умный человек. А ты отца настоящий сын. Тебе бы видеть корону, которую он носил на свадьбе. Электрические огни мигают на ней, от батарейки в его кармане. Он изобрел это сам. Тебе бы слышать людей, когда он вышел из машины прямо перед магазином!

– Ты там был? – спросил я невинно, как будто не знал.

– Мальчик, я говорю тебе, что видел сам – это не через вторые руки история. Это была самая большая свадьба, я когда-нибудь видел, и самая дорогая. Был ли я там! Ты думаешь, я это собираюсь забыть? Барабаны и танцы, и много поесть и выпить. Еды столько для того, мальчик, чтобы наполнить себя на месяц. А приданое! Тебе бы видеть это! Если бы ты так же, как твой отец... хмм!

На этом месте он, как всегда, остановился, а затем продолжил, но уже с благоговением в голосе.

– И он все бросил! Все! Ты знаешь что-нибудь? Он аватара, ты знаешь!

Госин замолчал, чтобы подчеркнуть важность сказанного, а я встал, собираясь уйти. Обычно я не спешил и слушал дальше. Он заканчивал рассказ о свадьбе и переходил к сюжетам из *Махабхараты* или *Рамаяны*. От него я узнал многое об индуизме и услышал самые интересные мифы. Но сейчас я ничего не хотел больше слушать о моем отце, особенно о его величии. Я чувствовал, что надвигается что-то страшное, а восторженные слова Госина только усиливали мое волнение.

Несколько дней прошло без особых происшествий, и я начал забывать угрозы Вишну. Я так и не понял ничего, но не решался спросить об этом у матери.

Моя мать была красивой умной женщиной, с большой внутренней силой. Брак с моим отцом был устроен ее родителями, и конечно же, в соответствии с индийскими традициями. В пятнадцать лет, будучи лучшей ученицей в классе и стремясь продолжить свое образование, она была сражена тем, что отец выдал ее замуж. Пришел конец мечтам об университете в Англии. Она заболела от такого потрясения, но все же подчинилась воле отца. Два самых известных в округе пандита изучили линии на ладонях молодоженов, оценили расположение звезд и объявили, что этот союз будет иметь особое благословение богов. Конечно же, моя мать думала иначе, но кто посмеет спорить со звездами и пандитами? И она вовсе не хотела огорчать своих родителей, показывая, что несчастна. Для индуистов преданность семье и касте является священной.

Почти сразу после этого события на мою мать обру-

шился еще больший удар – ее муж неожиданно ушел в мир безмолвной медитации, совершенно перестав общаться с окружающими его людьми. Я едва ли могу представить себе тот ужас, который овладел моей матерью, когда она, пятнадцатилетняя беременная женщина, осознала свои новые обязанности: заботиться о муже, как о ребенке, родившемся глухим, немым и слепым. Но она никогда не жаловалась, и я постоянно видел ее нежную заботу и стойкое терпение по отношению к моему отцу. Казалось, она была особо одарена сочувствием и пониманием того пути, который он избрал.

Тихая, задумчивая, глубоко религиозная, она была моим первым учителем индуизма. Я так хорошо помню эти ранние уроки, когда я сидел рядом с ней в нашей комнате для молитв перед алтарем, на котором возвышались фигурки богов. Густой запах пасты из сандалового дерева, которую наносили на эти фигурки, дрожащее пламя дейи, притягивающее мой взгляд как магнит, торжественный звук тихо повторяемых мантр создавали атмосферу таинственности, зачаровывавшей меня. Из многих индуистских богов наша семья выбрала самых знаменитых, и я, еще мало что понимая, ощущал ту власть, которую имели маленькие фигурки, стоявшие на алтаре, и картины на стенах, вокруг которых мы развешивали священные бусы. Казалось, что эти немигающие глаза из глины, дерева, латуни или нарисованные на бумаге смотрят на меня постоянно, даже когда я не вижу них. Почему-то эти бесстрастные фигурки казались мне более живыми, чем люди. Они обладали чудесной силой, заставлявшей нас благоговеть перед ними. Нашими приношениями и поклонением мы подтверждали их внушающее страх превосходство.

Когда утренняя или вечерняя пуджа заканчивалась и наши родственники возвращались к своим мирским заботам, мы с матерью оставались в комнате для молитв. Она учила меня тому, как быть истинным индуистом, непоколебимо посвящающим себя богам и безусловно исполняющим свои религиозные обязанности. Все остальное было на втором месте. От нее я впервые узнал, что моя прошлая карма привела меня к рождению в высшей касте. Я был брамином – земным представителем Брахмана, единого истинного существа. Но на самом деле я был Брахманом, и мне оставалось только осознать, что это – мое истинное Я...

С тех пор прошло двадцать пять лет, а я все еще отчетливо слышу ее мягкий, чистый голос, произносящий слова Кришны из самых любимых мест *Бхагавад-Гиты*:

«Йог должен постоянно заниматься, находясь в уединенном месте, тщательно контролируя свой ум, будучи свободным от желаний и чувства собственности, соблюдая обет безбрачия. Подчинив разум и чувства, он занимается йогой для очищения своего Я. Держа туловище, шею и голову прямо, неподвижно, нужно сосредоточиться на мне... Йог, который таким образом объединится с высшим я, достигает мира и наивысшего блаженства, которое пребывает во мне».

Кришна был учителем и создателем истинной йоги, как говорится в *Гите*, а мой отец – его преданный ученик. С каждым годом я все лучше и лучше понимал это, пока сам не стал йогом.

Внимая наставлениям матери и следуя примеру отца, я с пяти лет стал ежедневно заниматься медитацией. Сидя в позе лотоса, выпрямив спину и пытаясь смотреть в никуда, я подражал тому, кто уже тогда больше казался мне богом, чем родным отцом.

– Ты так похож на своего отца, когда медитируешь! – иногда говорила мне мать с нескрываемой гордостью. – Когда-нибудь ты тоже станешь великим йогом!

Эти слова еще больше усиливали мое стремление не разочаровать ее.

Несмотря на то, что моя мать была еще так молода, она старалась выполнять все свои необычные обязанности одна. Она скрывала от своего богатого отца, в каких трудных условиях мы живем. Мой дед Сингх узнал об этом и настоял на нашем переезде в его дом.

Сестра матери, Ревати, все время просила позволить ей жить там. Она приезжала со своими детьми, число которых постоянно росло, и показывала страшные синяки – следы побоев ее мужа-пьяницы. Но подобные случаи были достаточно распространенными, поэтому, позволив Ревати немного пожить у него, дед всегда отсылал ее назад. В конце концов, он сам выдал ее замуж за этого человека, и свое слово надо сдержать. Тетя Ревати неизменно появлялась снова, избитая и несчастная, окруженная детьми и, конечно же, опять беременная. Когда мой дед умер, тетя Ревати поселилась с нами в большом доме. Мне нравилось жить со своими двоюродными братьями и сестрами, тетями и дядями, и с Нани, моей бабушкой, которую мы все нежно называли Ма.

Дед Сингх умер, когда я был еще маленьким. Магазин деда, находившийся на первом этаже, и обширные апартаменты второго этажа долго еще хранили звук его тяжелых шагов. Нам казалось, что дух деда бродит по этому похожему на крепость большому особняку. Те, кто не верит, что оккультные силы действительно существуют, могут считать это суеверием или

выдумкой. Однако мы все слышали, как вечерами дед Сингх ходит взад и вперед по всему дому. Не было гостя, который, оставшись у нас ночевать, не почувствовал прикосновения невидимой руки или не увидел бы призрачное видение. Многие после подобных происшествий никогда больше не соглашались остаться в нашем доме на ночь. Но нам не оставалось ничего другого, как жить здесь.

Дедушка серьезно занимался оккультизмом и всегда критиковал тех, кто просто философствовал и не пытался использовать сверхъестественные силы. Однажды Ма поведала мне тайну, которую она хранила долгие годы: деда Сингх принес своего первого сына в жертву любимой богине Лакшми, супруге Вишну-хранителя. В Индии был такой обычай, но о нем не говорили открыто. Богиня богатства и процветания, она, возможно, помогла ему с невероятной быстротой стать самым богатым и влиятельным человеком на Тринидаде. Когда маленькая бревенчатая лачуга, которую Сингх построил для своей семьи и бизнеса, сгорела при загадочных обстоятельствах, на ее месте вырос огромный дом, который стал ориентиром на дороге из Порт-оф-Спейна в Сан-Фернандо. Никто не понимал, откуда у него так внезапно взялись деньги или где он раздобыл золото, которое хранил в сейфе, вмонтированном в толстую бетонную стену нового дома. Немногие индийские эмигранты смогли так легко и быстро нажить богатство. Мы все были уверены, что ему помогали какие-то могущественные силы.

Перекресток Лачмана Сингха, где мы жили, был назван в честь деда. Перед второй мировой войной он спрятал более миллиона долларов в золотых монетах в одном из своих многочисленных владений. Все считали, что их охраняют таинственные духи, и лишь немно-

гие осмеливались бросить им вызов, пытаясь найти спрятанные сокровища. Эти бесценные золотые монеты до сих пор не найдены.

Дед Сингх ценил оккультные силы намного больше, чем деньги. В его мощном железном сейфе хранился один предмет, который он не продал бы ни за что на свете, – маленький белый камень из Индии, способный исцелять и карать. Он мог спасти от укуса ядовитой змеи. Об этом говорили заслуживающие доверия очевидцы, хотя сам я не видел, как это происходит. Мой дядя рассказывал мне, как однажды он из любопытства попытался осторожно заглянуть в комнату деда, в которой находился его сейф, – и был встречен гигантской змеей, охранявшей не только деньги, но и другие секреты этой комнаты, о которых говорили только шепотом. Была ли змея настоящей или духи приняли ее облик, как говорили некоторые, но я видел ее сам. Она долго жила под нашим домом после того, как дед Сингх неожиданно умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти трех лет.

Для индуистов змеи – это боги. У меня была великолепная змея, которой я поклонялся так же, как обезьяне-богу, слону-богу, и больше всего – корове-богу. Мир был наполнен богами и духами, и моей обязанностью с детства было служить каждому из них.

Мой отец был воспитан так же. Он следовал наставлениям Кришны и великих йогов, бывших до него, и мать всегда говорила мне, что я должен делать то же самое. Я никогда в этом не сомневался. После смерти отца я буду продолжать его дело.

Но я никак не мог подумать, что этот роковой день, предопределенный богами, наступит так скоро...

ГЛАВА 2

СМЕРТЬ АВАТАРЫ

– Раби, пожалуйста, пойдём с нами! – упрашивали меня двоюродные братья и сестры.

Дядя Кумар обещал пойти с ними купаться на Обезьяний мыс, а участие брамина в любом деле, как правило, приносит удачу. Меня воспитывали, как принца, и я ощущал себя таковым.

– Не сегодня, – сказал я решительно, так как собирался закончить рисовать картину религиозного содержания.

– Ну пожалуйста!

– Я не могу!

Больше не требовалось никаких объяснений. Все родственники знали, что для меня важнее всего были религиозные обязанности. Я часами мог рисовать моих любимых богов – Ханумана, Шиву, Кришну, Ганешу и других. Я чувствовал единство с богами, мне было гораздо интереснее рисовать их, чем купаться в море или играть с друзьями. Я вешал эти картины на стены своей комнаты, чтобы всегда видеть их и поклоняться. Я посвятил свою жизнь индуизму, который, как учила меня мать, был самой древней, великой и единственно верной религией.

Мать всегда брала меня с собой, когда шла ухаживать за моим отцом (он жил теперь у своей сестры Мохани), но сегодня отправилась к нему одна. Я был огорчен, но начал рисовать и вскоре увлекся. Мама будет очень довольна, когда вернется и увидит, как на свернувшемся кольцами змее Ананте лежит четырех-

рукий Нараяна, а рядом с ним Лакшми и Брахма, восседающий на цветке лотоса, растущего из пупка Вишну, и все они плывут на черепахе в мировом океане...

Я с наслаждением работал над своей картиной, тихо напевая мантры, когда услышал знакомые шаги матери, торопливо поднимавшейся по лестнице. Дверь с грохотом распахнулась и раздались взволнованные голоса. Я выскочил из комнаты и услышал слова матери:

– Он мертв! Чандрабхан мертв!

Я оцепенел.

– У меня было дурное предчувствие, когда я проснулась сегодня утром, – голос моей матери был полон горя, но звучал ясно и сильно. – Я примчалась в больницу, когда медсестра начала его стричь. Это было сделано по указанию доктора.

– Но почему он оказался в больнице? – спросила тетя Ревати. – Он ведь не был болен, не так ли?

– Его отвез Вишну. Чандрабхан выглядел как обычно – сильным и спокойным.

Последовала долгая пауза. Затем мать продолжила:

– Они отрезали ему волосы. Доктор сказал, что в больнице запрещается иметь такие длинные волосы. И когда они их отрезали... он... он упал на спину. Я подбежала к нему. Мы хотели дать ему воды – но доктор сказал, что он умер. Не могу в это поверить!

Я подбежал к кровати, упал на нее и уткнулся лицом в подушку, пытаясь заглушить рыдания, раздирающие мне грудь. Отец был моим богом, аватарой – и вот он умер... Когда Госин в тот день рассказывал мне о свадьбе родителей, я почувствовал, что это случится. И вот это произошло, и я никогда уже не услышу его голос. У меня было столько вопросов, которые я хотел задать ему, и я надеялся, что когда-нибудь он сам будет меня учить. Больше всего я хотел, чтобы он произнес мое

имя, назвал меня сыном. Но теперь этим мечтам уже не суждено сбыться.

Наконец мои рыдания прекратились. Казалось, я выплакал все слезы. Я лежал, пытаюсь найти утешение в словах, которые Кришна сказал Арджуне, посылая его на битву. Я так часто слышал их, что знал наизусть: «Мудрые не скорбят ни о живых, ни о мертвых... и никогда не будет так, чтобы кто-то из нас прекратил свое существование... Тот, кто родился... обязательно вновь родится, поэтому не следует предаваться скорби, исполняя свой долг».

Медленными, неуверенными шагами человека, несущего тяжкий груз, в комнату вошел дядя Кумар и сообщил мне о смерти отца, не догадываясь, что я уже все знаю. Он подумал, что я сумел сдержаться. На самом деле я уже был настолько обессилен, что не мог больше плакать.

Неожиданная и загадочная смерть моего отца была потрясением не только для нашей семьи, но и для всех, кто знал его. Врачи не могли дать никакого объяснения. Здоровье его было превосходным. Может быть, он достиг полного слияния со своим высшим Я и навсегда покинул землю. Я хотел в это верить. Но некоторые говорили, что его жизнь была отнята из-за нарушения им обетов. Это казалось мне несправедливым. Ведь не он это сделал, а другие: Вишну, который насильно отправил его в больницу, и доктора, которые не были индуистами и ничего не знали об обетах. Мой отец всей душой следовал наставлениям Кришны, и Вишну должен был знать это – ведь он вырос в индуистской семье. Но он считал, что жизнь йога – это фарс и что боги и духовные силы существуют лишь в воображении людей. Я никогда не сделал бы подобной ошибки. Моя вера в индуизм никогда не поколеблется. Нас всех

учили не отвергать то, чего мы не можем понять, но этот урок сейчас обошелся слишком дорого.

Когда мы приехали в дом Пхувы Мохани, я старался не смотреть на простой деревянный гроб, возвышавшийся на столе. В присутствии смерти необходимо тщательно соблюдать все ритуалы: в доме нельзя зажигать огонь, не должна готовиться пища, пока умерший отдыхает там перед далеким путешествием к иным мирам. Во время долгой пуджи друзья и родные плакали, особенно Мохани, преданная ученица моего отца. Я спрятался за спиной матери, защищаясь по-детски от одной из главных ролей в драме, смысл которой я не вполне понимал. После церемонии наша соседка мягко взяла меня за руку и подвела к гробу.

– Это твой отец, – сказала она, как будто я не знал этого, но внутри у меня все сжалось.

Странно, но этот бог, аватара, перед которым я так часто стоял, чувствуя, насколько он далек от меня, вдруг сейчас стал мне гораздо ближе. Выражение его лица не изменилось, только он был очень бледным. Веки его казались восковыми. Я отвернулся...

Похоронная процессия была очень длинной, так как моего отца любили и уважали многие индуисты из ближних и дальних окрестностей. Машины, велосипеды и повозки, на которых сидели плачущие люди, тянулись вдоль узкой дороги, ведущей к побережью. Я был слишком растерян и испуган, чтобы спросить у матери, почему мы едем не на кладбище, где похоронен дедушка, а к Обезьяньему мысу, куда всегда ходили купаться. Ощущение таинственности, окружавшей смерть отца, от этого усилилась, и я еще крепче сжал руку матери.

Стараясь не смотреть на гроб, стоявший на катафалке, я разглядывал побеги сахарного тростника, рос-

шего по обеим сторонам дороги. Все во вселенной – люди, животные, растения – имеет общее бытие, и казалось, что вся природа оплакивает смерть аватары. Когда еще на землю явится Бог в облике человека? Этого никто не знает, даже пандиты, которым известно очень многое...

Обволакивающий нас тяжелый и горячий воздух был угнетающе неподвижен, тогда как обычно в это время здесь дуют пассаты. Впереди, над заливом Пария, сгущались темные тучи. Как часто я вместе с братьями, сестрами и друзьями бежал купаться по этой хорошо знакомой дороге, переполненный силами и радостью, чувствуя свою сопричастность всему, что видел. Сейчас же я ощущал только оцепенение внутри и пугающую отъединенность от рабочих на тростниковых полях, с интересом смотревших на нашу длинную процессию. Они теперь были частью другого мира, к которому я сам принадлежал когда-то.

Тростниковые поля остались позади. По дороге, проходящей через мангровые заросли, то взбираясь вверх, то спускаясь, мы добрались до площадки, покрытой гравием. Внизу шумели волны небольшого залива, где мы обычно купались. Он был защищен от штормов бетонной стеной, с которой старшие мальчики прыгали в воду и уплывали далеко от берега. Я был еще слишком мал для этого и плескался с друзьями в мелкой заводи у мангровых зарослей. Какими нереальными казались мне сейчас воспоминания, связанные с этим любимым местом!

Когда мы вышли из машины, меня охватил озноб, несмотря на жару. Гроб сняли с катафалка и понесли к краю площадки. Пандит распевал мантры, чтобы отогнать злых духов. Я шел прямо за гробом, крепко держа мать за руку, и вдруг увидел большую кучу дров,

аккуратно сложенных возле заводи. Раздались причитания плакальщиц, то нарастая, то затихая в ледящем ритме. Я с ужасом смотрел, как одеревеневшее тело отца извлекли из гроба, положили на бревна и начали быстро обкладывать его поленьями до тех пор, пока не осталось открытым только лицо, обращенное к небу. Сандаловой пастой пандит начертил на лбу отца кастовые знаки.

Но что это значило? Ритуальные сожжения были обычным делом в Индии: их совершали на берегах Ганга и в других специальных местах, но я никогда не слышал, чтобы это делали индусы на Тринидаде. Мысль о том, что тело моего отца будет отдано в жертву Агни – богу огня, только увеличивала пугающую таинственность и глубокое чувство потери, захлестнувшее меня.

Рис готовился тут же, рядом, чтобы предложить умершему. Пандит продолжал разгонять злых духов. Это было необходимо делать до тех пор, пока бог огня не высвободит дух отца из тела и не сопроводит его в высшие миры. Невидящими глазами смотрел я на то, как совершался незнакомый ритуал.

– Пойдем, Раби! – прозвучали слова, напоминавшие мне, что я тоже должен сыграть здесь свою роль.

Поглощенный горечью и страхом, я не заметил, как ко мне подошел пандит с большим бронзовым подносом, на котором горел священный огонь. Он взял меня за руку. Я испуганно посмотрел на мать. Она кивнула, погладила меня по плечу и, наклонившись, прошептала мне на ухо:

– Это твоя обязанность. Смелее.

Когда мы подошли к погребальному костру, я старался не смотреть на лицо отца. Три раза пандит обвел меня вокруг тела, повторяя вместо меня молитву на санскрите, потому что я был еще слишком мал: «Я

отдаю огню все члены тела этого человека, который, желая или не желая того, мог совершать грехи, а теперь он в когтях смерти... пусть он достигнет сияющих обителей».

Я увидел кубики камфоры, разложенные в определенном порядке на поленьях, и почувствовал ее резкий запах. Высокий человек в чалме и дхоти начал поливать тело и поленья маслом и керосином. Механически исполняя то, что говорил мне пандит, я зажег факел от священного огня, который он держал, и поднес его к ближайшему кубику камфоры. Пламя вспыхнуло, начало расти и быстро поползло от одного кубика к другому. Огненные языки взметнулись над телом отца. Я стоял, ошеломленный, глядя, как пламя поднималось все выше и выше, пока пандит не отвел меня в сторону.

Сдерживая слезы, я судорожно стал искать свою мать, но не увидел ее среди людей, окружавших костер. Невозможно было подавить душевную боль, и она выплеснулась из меня в детских рыданиях, усиленных причитаниями, звучащими вокруг. Я был почти в истерике, когда наконец увидел мать. Она стояла так близко к огню, что казалась его частью, на ее белом шелковом сари вспыхивали оранжевые блики. Я слышал раньше о вдовах, которые бросались в костер. Неужели я потеряю мать, так же как потерял отца?!

– Мама! – закричал я. – Мама!

Если она даже и услышала мой голос сквозь рев и треск огня и крики людей, то никак не показала этого. Она неподвижно стояла возле бушующего пламени, прощаясь с телом отца и поклоняясь Агни, всепоглощающему богу огня. Затем она бросила в костер горсть приготовленного риса, подошла ко мне и встала рядом, подняв голову. Как истинная индуистка, мать нашла в

себе силы следовать наставлениям Кришны – не оплакивать ни живых, ни умерших. Мы простояли несколько часов, глядя на умирающее пламя. Я только слышал, прижавшись к ней, как она тихо пела мантры.

Солнце зашло. На тлеющие угли было брошено семь щепок, и все стали ходить вокруг, поливая остатки костра приносимой в жертву водой. Наконец пандит собрал пепел моего отца, чтобы мать смогла увезти его в Индию и развеять над священными водами Ганга. Как и когда это произойдет, я не знал. Я был слишком измучен и разбит горем, чтобы думать об этом.

Я знал аватару – бога в облике человека – и вот его не стало... Он пришел, чтобы указать людям путь, ведущий к Брахману. И я знал, что мне предстоит стать продолжателем его дела.

ГЛАВА 3

ПЕПЕЛ НАД ГАНГОМ

Пылающее солнце поднималось все выше и выше, описывая в небе круг и создавая причудливый кружевной узор на траве под кокосовыми пальмами. Спустившись по ступенькам с веранды, я направился к сараю, где мы держали корову, которая обеспечивала молоком всю нашу семью. Я открыл деревянные ворота, и корова с радостным мычанием направилась к выходу. Я отвел ее на большую поляну, где росла густая трава. Вокруг шелестели широкие ветви кокосовых пальм.

Никакое другое животное не почитается индуистами больше, чем корова, священная корова. Я с благоговением смотрел, как, забыв обо всем остальном, это белое в черных пятнах божество, подергивая ушами и помахивая хвостом, с удовольствием жевало сочную траву. Пасти корову было моим любимым занятием, и я с радостью включил в список своих ежедневных обязанностей служение этому богу. Я сорвал большой оранжевый цветок и украсил им голову коровы. Она посмотрела на меня своими коричневыми глазами, продолжая пережевывать траву. Ей на нос села муха, и она замотала головой и фыркнула. Цветок-приношение упал на землю. Я не успел подхватить его, и он исчез во рту коровы вместе с очередным пучком травы.

Грустно вздохнув, я сел на землю, пытаюсь представить себе, что значит быть коровой. Возможно, я был ею в моей прошлой жизни, хотя и не помнил этого. Госин рассказывал мне, как один древний индийский мудрец первым увидел в ночном небе это великолепное

зрелище – как бы нарисованную звездами корову. Именно так стало известно, что корова – это бог. С тех пор в Индии стали поклоняться корове. Я слышал и другие объяснения, но то, что говорил Госин, нравилось мне больше. На небесах все свято, и, конечно же, все коровы на земле происходят от той небесной коровы. Я часто слышал, как пандиты говорили, что мать-корова – наша общая прародительница, так же, как и Кали – супруга Шивы. Каким-то образом я чувствовал, что они, должно быть, одно и то же, только в разных формах. Кали, могущественная индуистская богиня, которой мы преданно служили, наводила на всех страх и ужас. Она изображалась стоящей на распростертом Шиве, с гирляндой отрубленных голов и рук и кубком крови, которую она пила. Я предпочитал поклоняться единому существу в более кроткой форме и зарабатывал себе хорошую карму для будущей жизни, проводя много времени в обществе коровы. Знала ли она, что является богом? Я внимательно всматривался в нее, но не находил ответа. В конце концов, этот вопрос растворился в благоговении и почтении, которые я испытывал к корове.

В небе послышалось слабое жужжание, которое постепенно становилось все громче и громче. Я вскочил на ноги и выбежал из-под пальм, чтобы лучше видеть. В те дни самолет был большой редкостью. Следя за его полетом, я вспомнил, как, пытаясь понять тайну своего происхождения, решился однажды спросить мать, откуда же я взялся. Она очень серьезно ответила:

– Ты как-то раз упал с неба, из самолета, Раби, и я тебя поймала.

– А я предназначался для тебя? – спросил я, неожиданно почувствовав себя неуютно при мысли, что мог приземлиться в чьем-нибудь другом дворе.

Мать уверила меня, что я был предназначен именно для нее и отца. Еще долгие месяцы после этого я ждал, что мой маленький брат упадет мне в руки из пролетающего самолета. Потом я перестал верить в это, но, хотя появление детей все еще оставалось для меня тайной, я каким-то образом понял, что у меня уже никогда не будет брата или сестры, потому что мой отец умер.

Почтительно и преданно я поклонялся каждый день духу отца. По утрам я приносил воду, чтобы полить особую траву, которую мы посадили, когда он умер, и, аккуратно подсчитывая дни, следил за ее ростом. Сегодня наступил сороковой день, и мне предстояло лишиться моих длинных черных вьющихся волос, которые я отращивал несколько лет, чтобы больше быть похожим на отца. Я очень боялся этого дня. А что если духи лишат меня жизни так же, как и отца, когда ему отрезали волосы?

Моя мать вышла на веранду и позвала меня. Настало время отправляться к месту церемонии. Я с трудом привел корову обратно в сарай, так как она изо всех сил упиралась и выражала свое недовольство.

Небольшая группа людей проследовала по знакомой дороге к Обезьяньему мысу. На месте кремации отца не осталось никаких следов, напоминающих о том горестном дне, – все было смыто в море приливами и отливами. Только память невозможно было стереть. И я снова видел языки пламени, выплясывающие свой ритуальный танец вокруг тела, и чувствовал запах горячей плоти...

Сегодня центром внимания был я.

Друзья и родные встали передо мной небольшим полукругом, и вперед вышел пандит. Короткая пуджа прошла почти незаметно для меня, так как реальность происходящего отступила перед нахлынувшими воспо-

минаниями о том, как однажды ночью я почувствовал, что кто-то сильно дергает меня за волосы. Я попытался дотянуться до головы, но не смог даже пошевелить руками. Услышав мои крики, на помощь прибежала мать. Поглаживая меня по спине, она сказала, что это был всего лишь страшный сон, и ничего больше. Но я-то знал, что это не так. Я не спал, и даже не дремал, а острая боль в том месте, где меня тащили за волосы, не проходила до утра.

Эти воспоминания и недавняя загадочная смерть отца наводили на меня страх, но церемония закончилась быстро. Мои волосы упали на землю, где сорок дней назад полыхал погребальный костер. Следующий прилив унесет эти пряди в море, чтобы соединить их с тем, что осталось от отца...

Небольшая часть пепла была сохранена для особой церемонии. Мы с Госином несколько раз говорили об этом.

– Он был аватара – нет ошибки, – уверял меня Госин. – Это нет вопроса о мокше. Не о нем!

– Что имеешь в виду? – спросил я. – Ты не думаешь, он достиг мокши?

– Он достиг ее давнее время – в другой жизни. В этой жизни он лишь пришел показать истинный путь.

– Ты имеешь в виду, он один из учителей?!

Госин многозначительно закивал головой:

– Тебе надо смотреть на сороковой день. Там не будет следа на пепле. Его дух улетел обратно к Брахману. Он был богом, Бхай – вот кто был отец тебя!

Почтительно глядя на меня, он еще раз с благоговением повторил эти слова.

Я и сам догадывался об этом, когда отец был еще жив. Но Госин *знал* это, а я считал Госина очень умным человеком, прекрасно разбирающимся в индуизме.

Возвратившись домой, я с нетерпением ждал подтверждения слов Госина. Пандит отпер дверь комнаты, в которой со вчерашнего вечера стоял поднос с пеплом моего отца. Все члены семьи подошли, чтобы посмотреть, какие следы отпечатались на поверхности, предсказывая следующее воплощение моего отца. Я не раз был свидетелем подобных церемоний, но сейчас не видел в ней никакого смысла. Мой отец вышел из колеса перевоплощений, он вернулся к Брахману, так зачем же беспокоить его этим ритуалом? Я хорошо помнил слова Госина: «Там не будет следа на пепле.» Вдруг я услышал сдавленный стон матери. Пандит закричал:

– Смотрите! След птицы!

Трудно передать словами ужас, охвативший меня. Я протиснулся между матерью и тетей, чтобы увидеть самому. Прямо в центре гладкой поверхности пепла находился четкий отпечаток маленькой птичьей лапки! Вывод из этого был однозначен: отец перевоплотился в птицу!

Мой маленький мир разбился вдребезги. Что теперь скажет Госин? Но ведь даже главный пандит острова считал моего отца аватарой! И если *отец* не достиг единства с Брахманом, на что же надеяться мне или кому-нибудь другому? Я почувствовал себя больным и не захотел участвовать в обсуждении того, что произошло. Мы вышли во двор, чтобы продолжить церемонию.

Слишком ошеломленный увиденным, я почти ничего не услышал из долгой пуджи. После ее окончания все пошли к дому, чтобы приступить к традиционной большой трапезе. У меня совершенно пропал аппетит, хотя накануне соблазнительные запахи многочисленных угощений, которые готовились на кухне, испыты-

вали мое терпение. Перед началом трапезы нужно было каждое блюдо предложить духу умершего. Наполнив едой большую тарелку, сделанную из священного листа коа, пандит поставил ее под большое банановое дерево, а затем мы один за другим пошли к дому.

– Никто не должен оглядываться назад! – предупредил нас пандит. – Если вы обернетесь, дух может напасть на вас. Это приношение предназначено только для него.

Я никогда не мог даже представить, что смогу нарушить это правило. Но ведь он – мой отец, и я должен увидеть его хотя бы еще раз! Только один раз! Я не мог преодолеть искушение. Замедлив шаги, я немного отстал от всех и, трясаясь от страха, быстро посмотрел назад. Тарелка с едой стояла под деревом, но духа моего отца не было... Я был уверен, что следующий мой шаг будет последним, так как я сделал то, что запрещено. Но ничего не случилось. Почему? Потому что боги были милосердны ко мне? Эта загадка еще больше усилила мое внутреннее смятение.

Поднявшись на веранду, я стал почти без страха следить за тарелкой. Я помнил, как соседская собака съела приношение духу дедушки, и не хотел, чтобы это повторилось. Прошло около получаса, но ничего не изменилось. Я не мог больше сдерживаться. Все еще опасаясь, но чувствуя себя как-то посмелее, я спустился с веранды и осторожно приблизился к банановому дереву. К моему изумлению, тарелка была пуста! Но ведь я не спускал с нее глаз, никто к ней не подходил. Значит, все съел дух моего отца. Было ли это доказательством, что он не достиг мокши? Может быть, он стал птичкой, которая сидела на дереве и смотрела на меня?

Совершенно сбитый с толку, я бродил по двору, пытаюсь отыскать в кустах и на деревьях птицу, боль-

шую или маленькую, которая хоть как-нибудь напоминала бы мне отца. Даже если я не узнаю его, он может дать какой-нибудь знак. Но я напрасно ждал, что одна из этих порхающих, поющих птичек вдруг задержится и многозначительно посмотрит на меня. Они даже не замечали меня, пока я не подходил слишком близко, и тогда они улетали. Да и мой отец никогда не обращал на меня внимания, почему же он сейчас должен был это сделать?

Я пошел по знакомой тропинке к хижине Госина. Его сын чинил во дворе свой велосипед, на котором ездил по всему городку, продавая разные специи. Он недавно женился на женщине с двумя детьми, и все они жили теперь в хижине Госина. Увидев меня, он поклонился.

– Сита-Рам, – сказал он почтительно. – Ты ищешь старого человека? Он внутри. Он чувствует, он стар.

– Это неправда, парень! – раздался из хижины голос Госина. – Я вовсе не чувствую, что ты говоришь! Холод положил меня.

И чтобы доказать это, он вышел, прихрамывая, и устроился на своем обычном месте. Я сел на корточки рядом с ним. Около него я всегда чувствовал себя спокойным и защищенным.

– Красивые волосы у тебя быстро отрастут, – сказал он, покачивая головой.

– Мои волосы не заботят меня, – ответил я, собираясь с силами, чтобы поделиться внутренним беспокойством и сомнениями.

– Ты знаешь, Бхай, я никогда не забуду, как жил отец твой. Святейший человек, я когда-либо знал в моей жизни... И как оставил все!

Раньше такие слова всегда пробуждали во мне гордость, но сейчас они не доставили никакого удовольст-

вия. След той маленькой птички, четко отпечатанный на пепле, перечеркивал все. Чувствуя огромное разочарование и болезненное смятение, я рассказал Госину обо всем.

– Почему он такой маленький сейчас? – спросил я. – Мне было бы легче, если бы он стал большой птицей.

– Смотри, Бхай, он не маленький совсем, нет! – воскликнул Госин, потирая подбородок. – Слышишь, что я говорю, да. Никакая птица с такой маленькой ногой не съест так много еды так быстро.

Конечно же! Вскочив на ноги, я побежал домой. Хорошо ли было закрыто окно? Я не мог вспомнить. Я внимательно осмотрел навес крыши и увидел маленькое гнездо. Возле него было несколько отверстий, и я с радостью подумал, что некоторые из них достаточно велики и через них птичка могла проникнуть в комнату. Было ли там гнездо до смерти отца? Я не был уверен, но мне казалось, что было.

Значит, это не отец оставил след на пепле! Какое облегчение! Но как же быть с едой? Кто-то же съел ее. Может быть, один из асуров или ракшасов – демонов, о которых говорили *веды*, – вмешался, пытаясь запутать нас? Да, именно так! Но мой отец защитит меня от злых сил – он и другие высшие учителя. Я буду верить в моего отца и буду продолжать его дело.

* * *

– Раби! Где ты? Баба приехал! – звала меня Нани.

– Иду, Ма!

Все в доме радостно приветствовали нашего друга.

– Раби! – воскликнул он, схватив меня в объятия.

Джанкхи Прасад Шарма Махараджа, родом из Индии, был главным пандитом на острове и близким другом моего отца. Его визит – самая большая честь

для нашей семьи. Баба разъезжал по всему Тринидаду и часто заглядывал к нам, когда была такая возможность. Он в основном говорил на хинди, очень мало по-английски, зато хорошо знал санскрит. Высокий, светлокожий, с длинной седеющей бородой, Баба немного походил на Санта-Клауса. Может быть, с кем-то он был очень строгим, но со мной – всегда веселым и добрым, и мы любили друг друга.

– Раби! – воскликнул Баба снова, держа меня на руках. – Я все больше и больше вижу в тебе твоего отца. У тебя глаза отца – и у тебя снова скоро будут его волосы, – добавил он со смехом, глядя мои короткие волосы, которые, как мне казалось, так медленно росли.

Он опустил меня и повернулся к моей матери, сиявшей от гордости.

– Когда-нибудь Раби станет великим йогом, как и его отец! – сказал Баба с уверенностью.

Я расправил плечи, пытаюсь выглядеть как можно выше. На глаза навернулись восторженные слезы. Да, я буду великим йогом!

Этот визит был недолгим. Баба направлялся в Порт-оф-Спейн, чтобы совершить особую пуджу для одного богатого индустриала, который тяжело заболел и хотел подготовить себе путь в новую жизнь. Некоторые пандиты за хорошую цену обещали даже нирвану. Пандит Джанкхи никогда не давал подобных гарантий, но тысячи людей были уверены, что он может оказать им помощь, так как общается с высшими силами.

Баба благословил нас, а мы поклонились ему в знак величайшего уважения. Секунду спустя он уже спускался по ступенькам вниз. Я выбежал на веранду и помахал ему рукой, когда он садился в машину. Его слова еще долго звучали у меня в ушах. Невозможно было их забыть. Все говорили мне о том, что я буду

великим пандитом, и йогом, святым человеком, как мой отец.

Мать подошла ко мне и обняла за плечи. Мне показалось, что я знаю, о чем она думает – о том, что мы вместе с ней пойдем по пути, указанному отцом.

Но я ошибался. Сейчас она пыталась подыскать нужные слова, чтобы смягчить удар, который меня ожидал.

– Раби, пепел твоего отца должен быть доставлен к берегам Ганга, – сказала она наконец, – и развеян над этой святой рекой, чтобы его унесло в океан. Я бы хотела, чтобы ты сделал то же для меня, когда я умру.

Ганг! Какой таинственный ореол окружал эту реку, стекающую с высочайших вершин Гималаев к Бенгальскому заливу!

– Ты ведь возьмешь меня с собой, да, мама? Пожалуйста! Пожалуйста, мама! Я должен поехать с тобой! Ты возьмешь меня?

– Я бы хотела, Раби, но это слишком далеко для тебя. Ты устанешь. И конечно же, тебе нельзя бросать школу...

– Я не устану, обещаю! А учиться я могу в Индии.

Она медленно и грустно покачала головой.

– Мне очень жаль... Не волнуйся, я скоро вернусь, обещаю тебе.

– Пожалуйста, не оставляй меня! – настаивал я. – Я не хочу оставаться здесь один, без тебя!

– Ты не будешь один. С тобой будут Ма, и тетя Ревати, и все твои двоюродные братья и сестры, и дядя Кумар, и Лари... А я скоро вернусь, Раби, обещаю. Что тебе привезти из Индии?

– Слона! – сказал я очень серьезно. – Такого, как на картинках!

* * *

Мать учила меня без жалоб принимать все, что преподносит судьба, как подобает индуисту. Но в тот день, когда она уезжала, эта обязанность оказалась для меня непосильной ношей. Мы сели в машину, чтобы ехать в Порт-оф-Спейн, откуда пароход доставит мать сначала в Англию, а затем – в Индию. Я решил, что обязательно поеду вместе с ней. Когда машина тронулась, Нани из окна помахала нам рукой. Над нашим домом развевался на сильном ветру флаг Ханумана – моего любимого бога-обезьяны, который Нани сшила недавно из разноцветных кусков ткани. Мне показалось, что Хануман прощается и со мной. Добрый знак!

На пристани собрались наши знакомые, друзья и родственники, приехавшие попрощаться с моей матерью. Не больше года назад многие из них на этом же самом месте провожали в Англию дядю Деонарина, старшего брата матери, который уезжал учиться в Лондонском университете. Я очень любил его. Мы все тогда стояли на пристани и плакали, глядя, как корабль медленно покидает гавань. А сейчас уплывала моя мать... Я украдкой вытирал слезы. Мне хотелось казаться сильным и смелым, но все без конца обращались ко мне со словами утешения, лишая меня последних сил.

– Твоя мама отправляется в Индию, Раби, к берегам Ганга! Она так счастлива! – говорили они. – Не грусти, она скоро вернется.

Я чувствовал, что мое сердце готово было разорваться.

Мы поднялись на борт. Я оцепенело слушал восхищенные высказывания о том, насколько велик и комфортабелен этот голландский корабль, какие удобные каюты, а пицца – потрясающая иностранная кухня! Все это звучало так нелепо. Неужели мою мать интересуют удобства? А что касается пиццы, то она попросила род-

ственников купить ей фруктов и овощей на всю дорогу. Ведь она была вегетарианкой, и я сам с четырехлетнего возраста тоже вегетарианец. Мы соблюдали ахимсу – принцип отказа от насилия над всем живым. И как посмели они вообразить, что моя мать сможет хотя бы зайти в ресторан, где мясо священной коровы поглощается людьми!

Мое религиозное рвение объяснялось не только желанием угодить богам и следовать по пути отца, но и стремлением радовать мать, которая учила меня индуизму. Мы были так близки, и я так любил ее! И было совершенно неправильно, что я должен расстаться с ней. Ведь у нас одни и те же идеалы, и я понимал ее гораздо лучше, чем все эти люди, которые громко желали ей счастливо-го пути и глупо рассуждали о приятных перспективах путешествия, причиняя мне такие страдания.

Раздался громкий и протяжный корабельный гудок.

– До свидания... счастливо добраться... пиши, не забывай... мы будем скучать! – говорили все на прощание.

– Ну, поцелуй маму, Раби! – тетя Ревати подтолкнула меня вперед.

Вся неотвратимость одиночества вдруг отчетливо предстала предо мной.

– Я тоже еду в Индию! – закричал я и обеими руками вцепился мертвой хваткой в дверную ручку каюты.

Дядя Кумар быстро достал из сумки большой пакет земляных орехов, которые я очень любил.

– Смотри, Раби! – сказал он, пытаясь успокоить меня. – Бери, это тебе.

Но я не поддался на хитрость. Ничто в мире не могло заставить меня разжать руки.

Мать начала уговаривать меня:

– Раби, пожалуйста! Это не похоже на тебя. Иди с тетей Ревати. Ты можешь помахать мне с берега.

Но я вцепился еще крепче.

– Я поеду с тобой, мама! Пожалуйста! Возьми меня с собой!

– Пойдем, пойдем. Нам нужно идти, – сказала тетя Ревати, вытирая слезы. – Корабль сейчас отплывает.

Она мягко попыталась увести меня, но страх только удвоил мои силы. Я заметил растерянность на лице матери. Для нее было невыносимо принуждать меня к чему-то или причинить боль. Я был святым ребенком, брамином, сыном великого йога.

Раздался еще один предупредительный гудок.

– Нам всем пора уходить – немедленно! – решительно сказал дядя Кумар.

Но я был непреклонен и начал кричать, отчаянно держась еще крепче. Никому не удавалось разжать мои руки. Мои крики еще больше накаляли обстановку.

– Я поеду с мамой! Я поеду с мамой!

Никогда в жизни я себя так не вел. Родственники были потрясены. Но больше нельзя было терять времени. Лари и дядя Кумар отодрали меня от двери и оттащили от каюты матери. Я с яростью вырывался и кричал, но они унесли меня с корабля на берег.

Вот так попрощались! Вся ярость вдруг куда-то ушла. Из-за слез я не мог видеть, как мать махала мне с борта уходящего корабля.

Всю дорогу домой и всю ночь я безутешно плакал, несмотря на все попытки успокоить меня. На следующий день я отказался от пищи, продолжая плакать. Я знал, что должен терпеливо принимать все, что предназначено моей кармой, но я был всего лишь маленьким мальчиком, нуждавшимся в любви, которую могла дать мне только мать.

Я никогда ее больше не увижу! Эта ужасная мысль с каждой минутой становилась все реальнее.

ГЛАВА 4

КАРМА И СУДЬБА

– Ты должен научиться быть терпеливым, Раби. Это очень важно, хотя и трудно.

– Но ведь мама сказала, что она *скоро* вернется! А прошло уже почти два года, и она опять пишет, что приедет в следующем году. Каждый раз в *следующем году!*

Я все время говорил своим друзьям, что мама вернется в следующем году, но сам уже почти не верил в это.

Нани сидела на своем обычном месте, у окна. Я приходил каждое утро и, поклонившись, садился перед ней на полу. Большую часть дня она занималась вышиванием, и я любил наблюдать за ее ловкими, быстрыми пальцами. Почти все свои вышивки она раздаривала.

У Нани были парализованы ноги. Это случилось после тяжелой болезни и, возможно, было следствием жестокости деда Сингха, из-за которого ей часто приходилось проводить дождливые ночи во дворе, под манговым деревом. Но свою боль и горе Нани переносила без жалоб. Она вообще была самым жизнерадостным человеком во всем доме, и если нам нужно было успокоиться или посоветоваться, мы всегда шли к ней.

– Имей терпение, Раби, – повторила она. – Терпение. Мы все скучаем по твоей маме. Но ей удалось получить стипендию, чтобы учиться в университете, в Бенаресе. Ты не знаешь об этом, но она мечтала об университете еще до замужества. Это ее карма, и никто не сможет здесь ничего поделать.

– Как ты думаешь, Ма, только честно, она вернется в следующем году? – спросил я.

– Никогда не теряй веру в твою маму, Раби, – и ни во что другое. Сегодня она говорит, что приедет в следующем году. Но если этого не произойдет, то знай, что есть причины, из-за которых она не смогла выполнить свое обещание, и прими это с терпением.

Я понимал, что мне будет очень трудно следовать этому совету.

У Нани был очень хороший характер. От нее невозможно было ожидать грубого слова и даже малейшего признака раздражения, в отличие от остальных обитателей нашего дома. Она всегда выступала в роли миротворца в семейных ссорах, иногда таких бурных, что казалось, будто их разжигает злой дух Наны. И доброжелательность Нани всегда была как бальзам на рану.

Зато дедушка был странным человеком. Порой он казался воплощением доброты и великодушия, особенно когда давал деньги бедным, и даже неграм, которых индусы, как правило, презирали. Дедушка был для них лучшим другом и благодетелем. Иногда, стоя на веранде, он бросал горсти серебряных монет в толпу, к великой радости детей и взрослых, собиравших как будто упавшие с неба деньги. Он был первым человеком в нашей округе, который стал владельцем радиоприемника – большой дорогой модели, привезенной из Соединенных Штатов, и он часто приглашал всех желающих послушать этот волшебный ящик. Тогда в гостиной рядами выстраивались стулья, и приемник включали на полную громкость. Такой чести удостоивались все одинаково – и бедные, и богатые, и все они с восхищением слушали передачи.

Однако зло, скрытое в дедушке, внезапно прорывалось наружу. Обслуживая покупателей в магазине, на

первом этаже, он мог вдруг в середине разговора резко повернуться и, взбежав по ступенькам наверх, где мы жили, схватить толстый кожаный ремень и в приступе ярости бить всех подряд – кроме меня – без всякой на то причины. В такие моменты казалось, что в нем просыпаются какие-то злые силы. Мы считали это его кармой, чем-то из прошлой жизни, что он должен искупить. Ходили слухи, что, возможно, духи, охранявшие его сокровища, владели и его душой, так как в силе и жестокости, проявлявшихся в этих взрывах гнева, было что-то сверхъестественное. Но, несмотря на все это, он был религиозным человеком и каждое утро и вечер собирал вокруг себя всю семью, чтобы вместе молиться и петь индуистские бхаджаны и мантры.

И хотя дедушка женился на другой женщине после того, как Нани парализовало, иногда он проявлял большую заботу о ней. Он покупал ей дорогие лекарства, платил большие деньги пандитам, обещавшим исцеление, возил ее к знахарям и колдунам, и в больницу, в Порт-оф-Спейн. Но ни деньги, которые дедушка потратил на это, ни духи, к которым он обращался, не принесли ни малейшего улучшения. Нани оставалась парализованной и почти не могла передвигаться.

По дому Нани с нежностью переносили ее дети – к окну, где стояло ее кресло, в столовую, в гостиную, когда друзья или родные приезжали в гости. Почти все время она проводила на своем любимом месте, у окна, откуда были видны поля сахарного тростника, мангровые заросли и проблескивающий сквозь кокосовые пальмы далекий залив.

Временами, отрываясь от своей работы, чтобы дать отдых глазам, она любила смотреть на ярких бабочек и птиц, перелетавших с дерева на дерево. Одна из них – я был уверен – и оставила след на пепле моего отца.

Когда Нани была в больнице, в Порт-оф-Спейне, кто-то подарил ей Библию, и она привезла ее домой. Она полюбила эту книгу, особенно Псалтирь, и часто тайком читала ее детям. Когда дедушка узнал об этом, он пришел в ярость.

– Я запрещаю тебе приносить в мой дом эту христианскую ложь! – заревел он и, схватив свой ремень, начал бить ее, а затем выволок на веранду и сбросил с лестницы. И пока она лежала и стонала от боли, дед разорвал и выбросил ненавистную ему книгу. Каким-то образом Нани смогла достать другую Библию и снова была жестоко избита. Не имея возможности уйти из дома, она терпеливо переносила подобное обращение, считая его своей кармой.

Для меня было загадкой, почему Нани читала эту христианскую книгу, а когда знакомый пандит привел цитату из Библии, я взорвался от негодования. Он был поклонником Рамакришны, считавшего, что каждая религия содержит истину и в конечном итоге приведет своих последователей к Брахману. Я был уже слишком фанатичным индуистом, чтобы согласиться с этим. И когда я прочитал в *бхагавад-гите*, что господь Кришна говорил о том же, мне это очень не понравилось, хотя и пришлось принять из уважения к священной книге. Но я утешал себя мыслью о том, что моя религия все же была самой лучшей. И я считал, что нельзя соединять индуизм с христианством, как это делала Нани, но мы никогда не обсуждали это.

Моя тетя Ревати была убежденной индуисткой. Она не признавала Библии.

– Читай *бхагавад-гиту*, Раби, снова и снова, – часто говорила она.

Я уважал тетю Ревати за ее религиозную жизнь. Она старалась заменить мне мать и учила меня многому:

читала *веды*, которые любила больше всего, и другие книги.

Я принимал все, о чем говорилось в священных писаниях, несмотря на то, что многое мне было трудно понять и казалось противоречивым. Я был твердо уверен в том, что Бог существовал всегда и что Он все сотворил, но в *ведах* утверждалось, что было такое время, когда ничего не существовало – и Брахма появился из ничего, а Кришна в *гите* говорил: «Все то, чего нет, не может быть никогда». Этого не мог объяснить даже Госин.

Меня как индуиста учили, что бог – это каждый лист, каждый мотылек, каждая звезда, что Брахман – это все, и все – Брахман, но мое понимание Бога было иным. Я считал, что Бог – не часть вселенной, а ее Творец, Он велик и вовсе не заключен внутри меня, как говорили. Тетя Ревати и Госин объясняли мне, что я, как и почти все люди, был жертвой майи, иллюзии, которую воспринимал как реальность, в отличие от просвещенных. Мой отец преодолел эту иллюзию и соединился с Брахманом, и я решил сделать то же самое.

После загадочной смерти отца мной заинтересовались многие хироманты, астрологи и другие предсказатели, которые часто приходили к нам. Наша семья почти никогда не принимала серьезных решений, не посоветовавшись с астрологом, и мое будущее определялось таким же путем. Я должен был стремиться к тому, что предписано мне звездами, и поэтому меня очень радовало, что и линии на ладони, и звезды говорили о том, что я стану великим индуистским лидером. Йог, гуру, главный пандит в храме – такие предсказания будоражили мое юное воображение.

Одна хиромантка, красивая молодая дочь брамина, жила в маленькой деревне Майо, в семи милях от нас.

Люди съезжались к ней со всего острова, чтобы получить совет. Однажды она посетила наш дом и, изучив мою руку, объявила:

– Ты тяжело заболеешь, когда тебе будет двадцать лет, а после этого будешь жить очень долго. Ты станешь известным йогом, и еще до того, как тебе исполнится двадцать пять, женишься на прекрасной девушке. У вас будет четверо детей, и ты будешь очень богат!

Мог ли я мечтать о большем? Истинно, боги улыбались мне!

В нашем доме часто бывал очень популярный на острове брамин, который любил тетю Ревати и надеялся жениться на ней. Он тоже говорил, что в будущем я стану знаменитым, и я сиял от радости. Он обладал большими магическими силами, исцелил многих людей, и его предсказания считались непогрешимыми. Выслушивая все это, можно ли было сомневаться, что у меня особая судьба, как часто говорил Баба Джанкхи?

Каждый раз, когда мне предсказывали удачу, я больше и больше убеждался в своем высоком призвании. То, что я родился сыном йога, которого многие считали аватарой, не было случайностью. Это была моя судьба. И по мере того, как росло мое понимание кармы, крепло решение, которое я в конце концов принял: учитывая влияние моих предыдущих жизней, я должен в нынешнем воплощении очень серьезно учиться, чтобы стать индуистским пандитом.

Когда я заявил, что хочу провести следующие летние каникулы, учась в храме, Пхува Мохани очень обрадовалась. Она была глубоко религиозна и часто выступала с речами на больших церемониях. Я уважал Мохани за мудрость и всегда внимательно выслушивал ее советы. После смерти моего отца она очень заботилась обо мне и всегда приносила подарки: сладости,

одежду или деньги. Такие дары брамину нравились богам и обеспечивали хорошую карму дающему. Узнав о моем решении, Мохани крепко обняла меня.

– Раби! – воскликнула она. – Твой отец будет гордиться тобой! В какой храм ты поедешь?

– В такой, где служит пандит из Индии, – ответил я.

– Ну, тогда храм в Дурге подходит для тебя больше всего! Пандит, который его возглавляет, приехал из Индии, когда ты был еще маленьким, и твоя мама и Ревати принимали участие во всех пуджах. Он хорошо служит в храме.

Она положила руку мне на голову и пристально посмотрела на меня. Ее глаза светились гордостью, но в голосе было что-то еще, кроме гордости, – уверенность пророка, от которой у меня побежали мурашки по коже.

– Ты станешь великим йогом, более великим, чем даже можно вообразить! – произнесла она торжественно.

Я всем сердцем верил ей. Я знал, что это была моя карма.

Чести быть принятым на учебу при храме в Дурге достаивались единицы. Мне было всего десять лет, однако я уже был известен в нашей части острова. Многие пандиты предсказывали мне большое будущее не только из-за моего отца, но и потому, что я сам вел строгую религиозную жизнь. И все помнили, как на двенадцатый день после моего рождения был совершен очень большой барахи.

Полностью подчиняясь *ведам* и законам Ману, я выполнял все пять ежедневных обязанностей брамина. Я не позволял себе никаких компромиссов: например, в отличие от тех индуистов, которые носили кожаные ремни и обувь, я содрогался при мысли, что смогу надеть на себя кожу какого-нибудь животного, особен-

но коровы. Ведь это мог быть мой предок или близкий родственник!

Меня все больше уважали как будущего пандита.

Просыпаясь на рассвете, я с молитвой обращался к Вишну и просил его руководить предстоящей мне работой, а также повторял, что я – одно целое с Брахманом: «Я – господь, ничем не отличающийся от него, Брахман, не страдающий от печали и гнева. Я есть сущность, знание и блаженство и вечно свободен. О господь всего мира, всего разума, верховное божество, супруг Лакшми, о Вишну, я буду исполнять все обязанности моего земного существования.... О господь, владеющий моими чувствами, с тобою в моем сердце я буду делать все, что мне поручено».

После этого следовала церемония купания – акт очищения, подготавливавший меня к дальнейшей работе, и пение Гайатри-мантры: «Ом, Бху, Бхува, Сува – мы медитируем на восхитительное сияние блистающего жизнедателя, Савитры; да разбудит он наши разумы.» Я считал ее мантрой всех мантр, самой сутью духовной власти Брахмана, и мог повторять эту оду солнцу, взятую из *риг-веды*, каждый день сотни раз, на санскрите – языке богов. Ценность мантры – в повторении: чем больше, тем лучше, и я, будучи еще ребенком и не понимая, что она значит, повторял ее много раз. Гораздо важнее понимания смысла было правильное произношение санскритских звуков, что и делает мантру эффективной. Я был твердо уверен, как и все индуисты, что мантра является воплощением самого божества и благодаря правильному повторению Гайатри-мантры и ежедневному поклонению солнцу удерживалось на своем месте.

Затем я отправлялся в комнату для молитв. Торжественно, благоговейно я зажигал светильник – дейю,

сосредотачивая внимание на дрожащем пламени, которое тоже было богом. Я брал пасту из сандалового дерева и с почтением наносил ее на лоб каждого бога, ощущая, какая мне оказана честь. Запах, наполнявший комнату, вызывал новый прилив волнения и радости от того, что я находился наедине с богами.

Я садился в позу лотоса, лицом на восток, маленькими глотками пил воду и окроплял ею себя и все вокруг, с помощью йоги контролировал дыхание, а потом призывал божество, которому служил, символически войти в мое тело. Я ощущал мистическое единство с каждым богом, которому поклонялся. Сидя перед алтарем, я проводил час в глубокой медитации, концентрируя все свое внимание, пока не терял контакт с окружающим миром и не начинал осознавать свое единство с Брахманом. Следующий час я посвящал солнцу, снова повторяя гайатри-мантру, веря, что это спасет душу, преданную ему. Я любил свою религию. И когда я поклонялся памяти моего отца, я знал, что он будет доволен.

* * *

Наступило утро, когда дядя Кумар должен был отвезти меня на своем большом желтом грузовике, единственном в своем роде на всем острове, в храм, в Дургу. И хотя я был переполнен радостным волнением и нетерпеливым ожиданием, мне взгрустнулось. Я пошел попрощаться с моим добрым другом Госином, который, казалось, с каждым днем старел все больше и больше. Он сидел под лучами утреннего солнца и тихо повторял свои мантры.

– Итак, ты сегодня уезжаешь, – сказал он после того, как мы торжественно поклонились друг другу. – Я думал о тебе рано, когда проснулся утром, а потом мои

мысли перешли на твоего деда Аджаха. Это добрый, добрый знак! Не думай о том, что он много пил в его последние дни, но он был хороший пандит.

– Был бы он жив сейчас, – печально произнес я. – Он был такой красивый! Я очень хорошо помню его – высокий, светлокожий, с серыми глазами, почти как европеец, но каждым дюймом брамин.

– Воздавай человеку то, что он заслуживает, – важно произнес Госин, как будто он был судьей, тщательно взвешивающим свои слова. – Ему не было необходимости уезжать из Индии и приезжать сюда... Я помню то время очень хорошо, да. Но он приехал и сделал большую работу, и много помогал нам. Индийские люди моего поколения много пользовались его помощью.

– Значит, ты его знал?

Конечно же, я знал, что ответит Госин, но было бы невежливо не спросить его об этом.

– Знал ли я его? Ты это спрашиваешь старого Госина? Люди давали ему тонны разных вещей. У него было много масла, риса, муки, дхоти. Но я уверен, он жил лучше в Индии.

Понизив голос, он перешел на заговорщицкий тон и наклонился ближе ко мне.

– Мы очень-очень были друзья. Он был богатый – не так, как в конце, когда ром прикончил его. А я никогда не был кем-нибудь, кроме нищего. Это моя карма. Но он все равно был Госину другом. Хороший человек, великий пандит. Делал настоящую пуджу, не короткую. Это полная тайна, почему он стал такой несчастный, стал так много пить. И только представь, сегодня я думал о нем – он просто пришел ко мне в голову, очень просто. Добрый знак! Это хорошее время ехать в храм. Ты будешь великим пандитом, великим йогом! Бхай, я тебе говорю, ты настоящий сын отца тебя!

Мои глаза наполнились слезами, когда машина тихо тронулась и выехала на дорогу. Нани махала мне вслед, а мои двоюродные братья и сестры кричали что-то на прощанье. Мне было нелегко расставаться со всем этим, но я знал, что принял верное решение и что отец был бы очень доволен. Я гордился тем, что иду по стопам моего отца. Слова Госина звенели у меня в ушах, и я чувствовал растущее волнение. У меня была хорошая карма, и моя судьба звала меня.

ГЛАВА 5

ПАНДИТ ДЖИ

Храм в Дурге, посвященный Вишну, супругу Лакшми, на первый взгляд ничем не отличался от других храмов в маленьких городках Тринидада. Невысокие стены, потемневшие от времени, крыша из оцинкованной жести, знамена и разные святыни в маленьком внутреннем дворике были самыми обычными. Он совсем не был похож на величественные старые храмы Индии, которые я видел на картинках. Но внутреннее святилище было действительно сердцем храма, как и сердце человека, и там обитало само божество. Над внутренним двориком, напротив входа, возвышалась огромная статуя Вишну, за которой можно было увидеть священное место, отгороженное невысокими перилами.

Несмотря на незатейливый внешний вид, храм в Дурге считался одним из лучших на всем острове, так как его главный пандит, досконально знавший индуизм, пользовался большим уважением. Он принял обет безбрачия, то есть стал брахмачари, был красив, спокоен и обаятелен. Я считал большой удачей учиться у такого достойного индуиста. Казалось, что он рад познакомиться со мной.

Комната, в которой меня поселили, была очень простой, без всяких украшений, и не имела двери, что полностью исключало возможность уединения. Там стояли две узкие и низкие кровати, сделанные из деревянных досок. Мой сосед, юноша лет восемнадцати, был необычайно религиозен, но он не был брамином и

поэтому не мог принимать участия в обучении, которое предстояло мне.

Наш день начинался очень рано. В последней четверти ночи совершалась церемония пробуждения Вишну, божества этого храма. В половине шестого утра мы все собирались, чтобы послушать *веды*, читаемые на хинди, а затем проводили два-три часа в медитации. Первая назначенная мне мантра была *хари ом там сат*. Брахмачари всегда начинал свою медитацию с повторения мантры *ом*, соединяющей человека с Брахманом. Этой высшей и наиболее трудной мантре, как и всем остальным, должен научить гуру. Считалось, что если брамин будет поститься много дней, сидя на священной траве, лицом на восток, и повторять *ом*, для него все сущее становится понятным и все, что бы он ни делал, получится.

Для нас не было ничего важнее ежедневной медитации, самого сердца йоги, ведущей к вечному блаженству. Но она была также и опасна. Если медитирующий не был подготовлен, его поджидали тяжелые психические расстройства и жуткие видения, как под воздействием наркотиков. Было известно, что демоны, описанные в *ведах*, иногда овладевали некоторыми йогами. Энергия кундалины, которая поднимается вдоль позвоночника, вызывает в медитации ощущение экстаза и силы, но если она неправильно контролируется, то может нанести огромный вред телу и рассудку. Граница между блаженством и ужасом была очень зыбкой, и поэтому мы, начинающие, находились под строгим наблюдением брахмачари и его помощника.

Во время медитаций я начал видеть необычные цвета, слышать неземную музыку и посещать экзотические планеты, где боги общались со мной, вдохновляя на достижение еще более высоких ступеней сознания.

Иногда в трансе я сталкивался с теми демоническими созданиями, которые были изображены в индуистских храмах. Я пугался этого, но брахмачари объяснил, что это было нормальным явлением, и убедил меня продолжать поиски своего истинного Я. Иногда я ощущал мистическое единство со вселенной. Я сам был вселенной, господом всего, всемогущим, вездесущим. Наставники поражались моим результатам. Я, без сомнения, был тем избранным, которому было предназначено рано достигнуть соединения с Брахманом. Силы, направившие моего отца, теперь помогали мне...

Я всегда ел мало, но за три месяца, проведенных в храме, стал есть еще меньше – один раз в день, в богатой индуистской семье, содержащей по соседству молочную ферму. Они были очень довольны тем, что с ними обедал брамин, так как это гарантировало им улучшение кармы. В свою очередь, я был очень рад общению с целым стадом коров, которых так любил.

К своему великому удивлению, я узнал, что люди, делающие слишком большой упор на самоотречении в какой-то одной области, могут потакать своим слабостям в других. Один молодой человек, который собирался стать святым, прилагал, как мне казалось, слишком много усилий, следя за внешностью: подолгу укладывал свои длинные черные волосы и уделял много внимания одежде. Единственное, чем он пренебрегал, – это его живот, который рос неумолимо из-за постоянного переедания. И я был шокирован, узнав, что он находится в интимных отношениях с некоторыми девушками, часто посещавшими храм.

– Эй, парень, как тебе Шама? Она мила, не правда ли? – спросил он меня однажды.

Шама, лет двенадцати, с приятным лицом и длинными блестящими волосами, была из тех девушек, кото-

рые постоянно вертелись вокруг храма, но не очень-то думали о религии.

– Она в тебя влюбилась! Вот, возьми, она приготовила эти пирожные для тебя, – добавил он.

Я почувствовал, что краснею.

– Я не влюблялся ни в нее, ни в кого другого! – резко ответил я.

Ничуть не смутившись, он подмигнул мне и ухмыльнулся.

– Тут есть одно хорошенькое местечко, где можно с ней уединиться, и никто не узнает!

Теперь все мое лицо просто пылало.

– Замолчи! Я вообще не желаю говорить о таких вещах!

– Ты только не пытайся меня одурачить. Думаешь, я не вижу, как ты заглядываешься на девчонок!

– Неправда! Я никогда не женюсь. Я буду, как брахмачари!

Тут он захохотал, запрокинув голову:

– Ты думаешь, что он брахмачари? Послушай-ка внимательно, что я тебе расскажу...

В зале послышались шаги, и он замолчал. Пытаясь сдержаться, я бросился прочь из комнаты и чуть не столкнулся с брахмачари. Я смутился от мысли, что он мог подумать, будто я слушал эти сплетни о нем.

– Ты, наверно, куда-то спешишь, – сказал он с улыбкой и пошел дальше, по направлению к своей комнате.

Несколько дней спустя, прогуливаясь вдоль комнат, где все уже спали после вечерней церемонии, я услышал чьи-то всхлипывания. Удивившись, я подошел поближе и застыл на месте от гневного голоса брахмачари.

– Так это ты распространяешь сплетни обо мне? Не пытайся отрицать! Конечно же, в каждом храме быва-

ют девушки. Они имеют право на это, как и все остальные. А я имею право проводить с любой из них столько времени, сколько захочу. И если я услышу еще хотя бы раз одну из твоих историй, тебе придется отсюда убраться!

Я даже не мог себе представить, что это были за истории. Без сомнения, какая-то ложь. Мои симпатии и уважение всегда были на стороне пандита. Я никогда не стал бы сомневаться в его святости. Конечно же, это было вполне нормально, что женщины и девушки бывали в этом храме, как и во всех остальных.

Однако потом я стал замечать, что красивая, грациозная девушка, которую звали Парбати, без сомнения, была влюблена в брахмачари. И совсем того не желая, мне пришлось признать, что он обращался с ней очень нежно, хотя и старался вести себя сдержанно, когда кто-нибудь видел их вместе. Странно, что я не замечал этого раньше. Парбати проводила много времени с ним наедине в его комнате, якобы готовя и подавая ему пищу, но вряд ли это могло занимать столько времени. И хотя я не все еще понимал, но чувствовал, что его поведение вряд ли соответствовало поведению того, кто поклялся никогда не жениться. Восхищаясь поначалу этим брамином, я сейчас был очень разочарован и встревожен.

Как-то раз я нечаянно услышал разговор нескольких прихожан об этом деле. Они сидели на корточках во внутреннем дворике:

– Это их личное дело – нам лучше не вмешиваться, – сказал мужчина лет сорока.

Другой, постарше, которого я часто видел в храме, седой, с длинной бородой, поддержал его:

– Конечно же, это их карма. У них есть что-то от прошлой жизни, что нужно доделать вместе.

Послышались возгласы одобрения, и все дружно закивали головами. Это немного успокоило меня.

Мои дни были слишком насыщены, чтобы много думать о прегрешениях брахмачари. В конце концов, карма сама все сделает. Я не мог сомневаться в этом. Даже соседская собака, за которой я наблюдал годами, была живым доказательством действия кармы. Эта тощая черная гончая, по имени Йоги, была строгой вегетарианкой. Она решительно отказывалась прикасаться не только к костям и мясу, но даже к яйцам. И хотя ее хозяин был мусульманином, она, казалось, исповедовала индуизм и постоянно посещала все большие религиозные церемонии. Очевидно, получив тяжелый урок в предыдущей жизни, сейчас Йоги зарабатывала себе хорошую карму. Тот факт, что она постоянно лаяла и ссорилась с другими собаками, убеждал меня в том, что в нее воплотился индуист с дурной кармой. К тому же я знал пандита, который вел себя точно так же, как и Йоги. А когда я понял, что Йоги приходит на церемонии потому, что ей нравится пища, которую там подают, это только укрепило мою веру в закон перевоплощения. Ведь многие индуисты не меньше Йоги любили эти деликатесы и получали гораздо большее наслаждение от пищи, чем от религиозных ритуалов.

Я очень огорчился, когда видел, что некоторые люди плохо обращаются с животными. Если они верили в переселение душ, то как они могли поступать таким образом?

* * *

Лето закончилось. Вернувшись домой, я заметил, что обучение в храме заметно возвысило меня в глазах религиозных людей. Когда я шел в школу через весь город, то сразу становился центром почтительного внимания.

– Сита-Рам, пандит Джи, – раздавалось то справа, то слева, и люди подбегали, спеша низко поклониться.

Мне это нравилось. Особенно я радовался тому, что был признан пандитами.

И хотя я понимал, что еще не достиг полного самосознания, но чувствовал, что уже очень близок к высшему состоянию человека, описанному в *бхагавад-гите*. Если я уже в этом воплощении получу *знание*, то никогда больше не буду рожден на земле, а навечно соединюсь с Брахманом. Я был уверен, что мой отец достиг этого состояния, и искал того же освобождения. Вполне естественно, что другие люди, понимая, насколько я близок к идеалу, почтительно поклоняются мне.

Больше того, я, сидя перед зеркалом, поклонялся самому себе. А почему бы и нет? Я был бог. Кришна в прекрасной *бхагавад-гите* обещал дать божественное знание тому, кто занимается йогой. Я не считал, что *стал* богом, а просто понял, кто я есть на самом деле и кем был все это время – господом всей вселенной, перед которым склоняются его творения.

И хотя мне было трудно быть скромным, принимая поклонение, я постепенно научился этому, не принимая в то же время своей божественности. Нужно только помнить, что все люди имеют одинаковую сущность. Я учил индуистов тому, что они *по своей сути* божественны, но должны избавиться от цепей невежества, и очень гордился этим. Я стану гуру, учителем, без помощи которого нельзя даже надеяться избежать колеса перевоплощений.

В то время самым известным гуру был Свами Сивананда. Мы регулярно получали из Индии журнал, рассказывавший о больших пуджах и других религиозных событиях, происходивших в его ашраме, и о книгах, одна из которых называлась «Мой бог Сивананда».

В ней описывалось учение Свами и приводились различные свидетельства и письма многочисленных последователей. В журнале всегда было несколько его фотографий, и одна из них занимала почетное место на нашем семейном алтаре. Мы получили письмо от матери, в котором она рассказывала о своем визите в ашрам Сивананды. Она была потрясена его божественным присутствием и уверяла нас, что он святой человек, учитель. Я решил стать таким же, как он. И даже после его неожиданной смерти мы продолжали поклоняться ему как одному из высших учителей.

* * *

Несмотря на то, что у меня была репутация благочестивого человека и почтительное внимание ко мне постоянно росло, я еще во многом оставался ребенком. Я все так же восторженно ждал подарков, принесенных дедом Морозом, так как Тринидад, будучи британской колонией, праздновал христианское Рождество. В этом принимали участие все. Индуистские, буддистские и мусульманские торговцы без всяких угрызений совести занимались делом, которое приносило большую выгоду, и никакие религиозные убеждения не могли помешать им. Дед Мороз становился всеобщим святым и самым любимым богом.

Маленькие дети в ночь перед Рождеством должны были рано ложиться спать, в то время как взрослые были заняты последними приготовлениями к празднику или попросту пьянствовали. Дети постарше что есть силы дули в свои свистки, колотили по большим кастрюлям и барабанам, гремели хлопушками и размахивали бенгальскими огнями. Вряд ли при таком шуме кто-нибудь мог заснуть, но мы знали, что дед Мороз не остановит своего северного оленя и не оставит нам

никакого подарка, если мы не будем лежать тихо. Однако в это Рождество я твердо решил хоть одним глазком посмотреть на деда Мороза, даже если мне придется всю ночь не спать. Я хотел, чтобы он не заметил, как я за ним наблюдаю.

– Эй, а что это ты делаешь? – спросил меня Ананда, мой двоюродный брат, вместе с которым я спал на большой двуспальной кровати.

Я пытался вырезать ножницами в простыне две маленькие дырочки. В нашем тропическом климате почти никогда не пользовались одеялами, но простыни были необходимы для защиты от moskitov.

– Ш-ш-ш! – ответил я. – Тише!

– А почему ты не спишь? – снова спросил он, слыша, как я ворочаюсь, пытаюсь устроиться поудобнее и закрыться так, чтобы смотреть через эти дырочки.

– Тише! Тебе уже надо спать!

– Тебе тоже! Кто же сможет заснуть, если ты так шумишь? Перестань ворочаться.

– Это ты шумишь!

В конце концов Ананда тихонько захрапел. Я изо всех сил пытался не заснуть, сосредоточив все свое внимание на окне, через которое должен был войти в комнату дед Мороз и принести подарки. Время тянулось ужасно медленно. И когда я почувствовал, что не смогу продержаться больше ни минуты, послышались шаги, но не у окна, а с противоположной стороны! Я вздрогнул от неожиданности, но вовремя спохватился и осторожно повернул голову, пытаюсь смотреть через дырочки. В темноте я едва разглядел дядю Кумара, крадущегося к нашей кровати с пакетом в руках. Он достал из него подарки, положил их возле нас и тихо вышел из комнаты в полной уверенности, что остался незамеченным.

Потрясенный своим открытием, я еле дождался окончания завтрака, чтобы сообщить эту новость Кришне и Шанти, самым старшим из моих двоюродных братьев и сестер.

– Никакого деда Мороза не существует! – заявил я драматично.

– Чего? – воскликнула Шанти с явным недоверием.

– Нет никакого деда Мороза, – повторил я, – если, конечно, не называть дедом Морозом дядю Кумара.

– Ты шутишь или как? – потребовал ответа Кришна тоном старшего, а значит, и более мудрого. – Откуда же тогда, по-твоему, берутся все эти подарки? Если хочешь знать, дед Мороз привез их прямо с северного полюса!

– Нет, подарки принес вовсе не он, – уверенно сказал я. – Это был дядя Кумар!

– Зачем ты нас дурачишь? – спросила Шанти, почти готовая расплакаться, с выражением полного разочарования на лице.

– Этой ночью я сыграл с ним хорошую шутку, и я видел его своими собственными глазами!

– Видел кого?

– Видел, как дядя Кумар принес подарки! Я вам сразу так и сказал.

Эта потрясающая новость моментально распространилась среди всех детей в нашем доме, а потом и у соседей.

Я долго размышлял и пришел к выводу, что в этом нет ничего удивительного. Конечно же, христианские боги – всего лишь выдумка, не то что индуистские, которых иногда можно было увидеть во время медитации или другим образом. Мы тогда еще ничего не знали ни о серьезных исследованиях подобных феноменов парапсихологами и учеными, ни о том, что такие же виде-

ния бывали у разных людей, как, например, у известного швейцарского психолога Карла Юнга. Мы же считали реальным только то, что видели и чувствовали сами.

* * *

– Ай! Ревати! Ай! Посмотри туда!

Я подскочил на своей кровати и, протирая глаза, пытался хоть что-нибудь разглядеть в темноте. За дверью послышались быстрые шаги и взволнованные голоса, а Нани продолжала кричать.

Когда в доме загорелся свет, я нашел в себе силы встать и пойти в спальню Нани.

– Я только что видела... Это был дедушка Сингх! – испуганно говорила Нани собравшимся вокруг нее родственникам. – Я уверена, это был он... но у него не было головы! Я проснулась и почувствовала что-то странное... и он там стоял! Я видела его хорошо, так как луна светила в окно.

– Может быть, тебе это приснилось?

– Нет, я не спала! Он стал подходить ко мне, и я закричала. Я и не знала, что могу так громко вопить...

– Ты не можешь знать точно, что это дух деда Сингха, – задумчиво произнес Госин, когда мы с ним разговаривали об этом на следующее утро после происшествия. – Вокруг очень много духов.

– Но Нани убеждена, что *видела* дедушку!

– Это не так просто, – сказал Госин. – Некоторые пандиты для себя используют духов. И у нас есть один недалеко – ты знаешь, о ком я говорю. Им дух делает, что они скажут. Иногда плохое, иногда хорошее.

– Ты говоришь, пандит может использовать духа?

Госин пожал плечами и посмотрел вокруг.

– Я не говорю, что все они это делают. Некоторые могут работать и без черепа.

– А как он заставляет духа работать на него?

– Бхай, это все знают, он идет на кладбище и выкапывает чей-нибудь череп. Когда есть череп, ты можешь заставить дух этого человека работать на тебя.

– Ты говоришь, кто-то взял череп деда Сингха? Вот почему у него не было головы... Но у его могилы есть охранник!

Госин почему-то занервничал. Он снова пожал плечами, с трудом поднялся на ноги и озабоченно посмотрел на небо. Над заливом собирались грозовые тучи.

– Я думаю, скоро будет дождь.

Покачав головой, Госин повернулся и с растерянным видом направился в хижину.

– Я не играю с духами, – сказал он, остановившись в дверях. – Это дело ада.

Молния рассекла небо пополам и прогремел удар грома. Хлынул проливной дождь. Я испуганно бежал по дорожке к дому. Наверное, боги были рассержены.

ГЛАВА 6

МОЛОДОЙ ГУРУ

Через распахнутые окна класса слышались звуки барабана, вызывая сильное волнение учеников. Шла подготовка к открытию фестиваля Рамы, проводившегося в Махабире, где и была расположена школа. Представление, длившееся целую неделю, было основано на эпосе *рамаяна*. Я часто мечтал об Индии, пытался представить себе деревню, в которой, как сказал мне пандит, я жил в своей предыдущей жизни. Ритмичный бой барабанов усиливал мое воображение. Я представлял себя Рамой, потом Хануманом – обезьяной-богом, сражающимся против злого Раваны, и поэтому школа казалась мне особенно скучной. Почему же я, господь всей вселенной, единый с Брахманом, сидел и страдал на уроке английской грамматики? Я не слышал ничего из того, что говорил учитель.

Мне было всего лишь одиннадцать лет, но многие люди кланялись мне и приносили подарки, а во время религиозных церемоний надевали на шею гирлянды из цветов. Может быть, стоит бросить школу и вернуться в храм для дальнейшего обучения? Но Нани и тетя Ревати были против, но я все чаще думал об этом, особенно в такие жаркие дни в душном классе. Долгие часы, которые я проводил в медитации и выполнении своих религиозных обязанностей, почти не оставляли мне времени на учебу.

Когда прозвенел последний звонок, я с радостью выбежал из класса. В компании нескольких друзей я помчался к базарной площади, стараясь одним из пер-

вых увидеть представление. Бой барабанов становился все громче и громче.

– Я хочу, чтобы ты стал моим гуру, Раби! – признался Рамджит, родители которого были кшатриями. Его отец работал бригадиром на тростниковых полях.

– И моим! – сказал Мохан, очень религиозный мальчик, регулярно посещавший группу, куда я был приглашен для обучения молодых индуистов. Отец Мохана принадлежал к касте вайшья и был богатым торговцем сахаром.

– Я не могу разговаривать об этом на бегу, – сказал я, тяжело дыша. – Когда добежим, тогда и поговорим.

Многие уже обращались ко мне за духовной помощью, и когда-нибудь я стану гуру для тысяч людей.

Узкие улицы Махабира были заполнены народом. Мы бежали мимо празднично украшенных магазинов к большой площади, где каждый вечер разыгрывалось представление какого-нибудь сюжета из *рамаяны*. Продавцы зазывали шумную толпу к своим прилавкам, лоткам, ручным тележкам, где можно было купить разные напитки, сладости, фрукты. То тут, то там стояли астрологи и хироманты, предлагая всем желающим узнать свою судьбу.

У меня было достаточно денег, которые я мог тут потратить. Дома я складывал в тайник подаренные мне деньги.

Многие пандиты были очень богаты, и я уже понял, насколько быстро и легко это происходит. Люди из низших каст были основным источником их доходов. Я знал одного пандита, который специализировался на лотереях и скачках. Бедняки, которые платили ему за предсказания выигрыша, так и оставались бедняками, в то время как его богатство росло, и он считал это доказательством действенности своих магических сил.

Я оказался в первом ряду зрителей, когда раздался протяжный громкий звук, возвещающий о начале представления. Две армии противников, которых играли люди из высших каст, выстроились в своих ярких костюмах по обеим сторонам поля и начали свой танец, приближаясь друг к другу под барабанный бой. Злой Равана похитил жену Рамы, Ситу, которую играл юноша, одетый в яркое сари, так как женщинам не разрешалось принимать участие в представлении. Хануман, царь обезьян и главный герой этой истории, обнаружил, где была спрятана Сита. Рама со своими братьями и приверженцами и Хануман с обезьяньей армией выступили против Раваны и его войска. Каким великолепным, красочным зрелищем было это сражение! Его участники то сходились, то отступали под воинственный бой барабанов и пронзительные крики зрителей. Я наслаждался каждой минутой, ментально забыв, что в школе воображал себя молодым Махатмой Ганди, стремящимся сохранить мир между мусульманами и индустами. «Ненасилие – это обязанность всех каст!» – часто говорил я мальчикам-индуистам, и они обычно подчинялись мне как своему духовному наставнику. Но на фестивале я, как и другие сторонники ненасилия, восхищался подвигами Рамы и Ханумана на поле битвы, и чем более жестокими они выглядели, тем больше нам это нравилось.

Моя мать давно объяснила мне скрытый смысл этого эпоса: Рама представляет добро, а Равана – зло. Их битва изображает постоянный конфликт между добром и злом в сердце каждого человека. В праздничной атмосфере фестиваля, под бой барабанов я мог забыть об этом на какое-то время, но в тот же вечер, вернувшись домой вместе с Шанти, Сандрой, Анандой и Амаром, я снова стал думать о проблеме добра и зла, кото-

рая пока была для меня загадкой. Если Брахман – это единственная Реальность, а все остальное – иллюзия, тогда, конечно, злой Равана тоже Брахман, как и аватара Рама, как и я. Погружаясь в транс, я был господом вселенной, не имеющим никаких проблем, никакого беспокойства, никакой неуверенности. Но как сохранить это сознание и в то время, когда я не медитировал? Может быть, единственная возможность – это повторить опыт моего отца, то есть полностью выйти из мира иллюзий. Но тогда я не смогу стать гуру и учить других.

Пятилетний Амар, младший сын тети Ревати, был одним из лучших моих учеников. Он был похож на меня в этом возрасте, и я очень его любил. Амар делал большие успехи в религиозном служении, уже сам совершал пуджу и каждое утро приносил воду в жертву солнцу. Я учил его медитации и мантрам, а он, в свою очередь, проявлял ко мне огромное уважение.

* * *

– Ты что-то не очень хорошо выглядишь, Раби! Я беспокоюсь о твоём здоровье, – озабоченно сказала Ма, когда я утром, как обычно, сел рядом с ней поговорить. – Ты такой бледный и так много кашляешь!

– Ничего особенного, Ма, – уверял я ее, – со мной все в порядке...

И тут сильный приступ кашля буквально согнул меня пополам.

– Раби, дядя Кумар обязательно покажет тебя врачу перед тем, как поедет в Англию!

– Ну, Ма, ничего страшного, – произнес я, переводя дыхание и чувствуя боль в груди.

– Ты так кашляешь вот уже несколько недель! Я слышу это каждую ночь.

– Ничего особенного, не волнуйся, Ма. Все кашляют. А как ты себя сегодня чувствуешь?

Я постарался сменить тему, опасаясь, что она узнает правду. Дело в том, что уже несколько месяцев я тайком курил, и, конечно же, все будут очень огорчены, если узнают об этом, но привычка стала сильнее меня. Странно, что я, такой строгий во всем, что касается религии, не могу бросить курить, несмотря на то, что понимал, как это вредит моему здоровью. Я уходил в поля и там в одиночестве курил одну сигарету за другой, глубоко затягиваясь. Но хуже всего было то, что мне приходилось воровать сигареты. Денег у меня было много, но я не хотел, чтобы хоть кто-нибудь узнал о моей тайной привычке. Это очень беспокоило меня. В моей душе происходила битва между Рамой и Раваной, и мне казалось, что я не в силах повлиять на исход сражения. Равана побеждал, несмотря на мои пылкие молитвы Раме.

В тот день я впервые почувствовал внутреннюю пустоту, услышав знакомые приветствия: «Сита-Рам, пандит Джи». И меня беспокоил не только разговор с Нани, когда я ей солгал, но и случай, произошедший утром.

Держа в одной руке латунную чашку со святой водой, я, как обычно, украсил голову коровы только что сорванным цветком и почтительно поклонился ей. Вдруг корова фыркнула, наклонила голову и бросилась на меня. Я отпрянул назад, еле увернувшись от ее рогов, и пустился наутек, уронив чашку и четки. К счастью, я еще не отвязал корову. Веревка натянулась и остановила ее в тот момент, когда, казалось, ее рога вот-вот проткнут меня насквозь. Потрясенный и задыхающийся, я смотрел то на копыта, скребущие землю, то на ее большие коричневые гневные глаза. На меня напал мой бог, которому я верно служил в течение стольких лет!

Когда через два часа после этого я шел в школу, меня все еще немного трясло – уже не от испуга, а, скорее, от растерянности. За что? Я боялся Шиву, Кали и других богов, но к корове всегда относился с обожанием. Пасти ее и заботиться о ней было для меня радостью. Я очень хорошо обращался с коровой, как и со всеми другими животными. Почему же она напала на меня? Этот вопрос еще долго преследовал меня, и даже Госин не мог на него ответить.

ГЛАВА 7

ШИВА И Я

Много лет назад дедушка Сингх за большую плату заказал себе портрет у лучшего на острове фотографа. На портрете он сидел в позе патриарха и смотрел на всех пронизывающим взглядом. Фотографию поместили в большую дорогую раму и повесили в гостиной на самом видном месте. И каждого, кто заходил в гостиную, – а пройти в любое другое место в доме можно было только через нее, – сразу встречал сверлящий взгляд деда. Казалось, его глаза следили за нами всюду, куда бы мы ни шли, будто сам дух его наблюдал за тем, что происходит в доме после его смерти. Я боялся смотреть в эти глаза. Они все время преследовали меня. И я никак не мог задобрить дух деда Сингха. Он продолжал пугать нас, то громко топая, то тихо крадясь по коридору, то выбрасывая вещи из шкафов или сталкивая у нас на глазах что-нибудь со стола.

Те же чувства я испытывал по отношению к Шиве – богу, которого я боялся больше всего и которому больше всего поклонялся, стремясь угодить ему. Несмотря на все мои усилия, я ощущал его возрастающее недовольство. Я старался изо всех сил повторять мантры, совершать разные ритуалы, но никак не мог добиться мира в своих отношениях с этим устрашающим богом. Часто в медитации я оказывался один на один с Шивой, и он всегда ужасал меня. Как-то раз я бежал по двору моей тети Суминтры и напоролся босой ногой на гвоздь. В рану попала инфекция, и когда я лежал в постели с высокой температурой, никак не мог отде-

латься от мысли, что именно Шива направил мою ногу на этот большой гвоздь. Когда я рассказал об этом моему двоюродному брату Кришне, то выяснилось, что он меня понимает. У него тоже было подозрение, что Шива нападал на него. Как-то Кришна допоздна сидел за уроками, и вдруг его ударила невидимая рука, да так сильно, что он свалился на пол. В другой раз, когда он лежал на кровати, его стали душить, и снова он почувствовал, что это был Шива. У меня было еще несколько случаев, в которых, как мне казалось, был замешан Шива, но ни я, ни Кришна не понимали, почему так происходит. Госин тоже не мог нам помочь. Он не любил разговаривать на подобные темы.

Все эти таинственные события очень нервировали обитателей нашего дома. Внутри нас накапливалось нечто такое, что не укрепляло, а, наоборот, разрушало отношения в семье, особенно между мною и тетей Ревати. Раньше мы были очень близки, а теперь с трудом могли выносить друг друга и иногда ссорились даже во время семейной пуджи. Моя мать уже много лет была в Индии, и я устал от того, что тетя обращалась со мной так же, как со своими детьми, которых она то баловала, то наказывала, в зависимости от настроения. Порой мне казалось, что под маской жизнерадостной женщины, привлекавшей в наш дом многих друзей, скрывается несчастная личность – ведь она так много страдала из-за своего мужа. Я думал, что в прошлой жизни она была мужчиной, который бил свою жену, и теперь карма заплатила ей тем же.

Раньше в нашей семье религиозным лидером была тетя Ревати, но теперь, когда я подросток, мы оба претендовали на эту роль, что породило натянутость в наших отношениях. Я подозревал, что это была не просто зависть. Каждый день она проводила долгие часы в

комнате для молитв, совершая пуджу, медитируя, поклоняясь богам, и у нее оставалось очень мало времени на выполнение домашних обязанностей. Это не давало ей покоя, и она изливала свое раздражение на всех нас – и особенно на меня. В свою очередь, я возмущался тем, что она пыталась взвалить на меня некоторые домашние заботы, которые я считал ниже своего достоинства. Меня не устраивало, что я должен тратить время, предназначенное для выполнения моих религиозных обязанностей, на какую-то грязную работу, которую с успехом могли делать и другие. Единственное, что я охотно соглашался делать, – это пасти корову, но после того, как она на меня напала, я потерял удовольствие от этой работы и перестал поклоняться корове.

Я очень беспокоился из-за того, что состояние блаженства и мира, которого я достигал в медитации, быстро разрушалось, если тетя ругала меня за что-нибудь. Вообще-то я был миролюбивым человеком, но в такие минуты взрывался и начинал грубить, защищая себя. Я начал думать, что мною иногда овладевал злой дух деда Сингха. Бывало, что я вел себя точно так же, как он, когда до изнеможения хлестал плетью бетонный столб, поддерживающий веранду, а затем вдруг резко останавливался и смотрел на осыпавшуюся известку, не понимая, что со мной происходит. Как-то раз я схватил старый кожаный ремень деда, которым он часто бил своих домашних, и несколько раз ударил им по спинам младших двоюродных сестер, после чего убежал с чувством растерянности и стыда. Эта сцена была точной копией взрывов ярости дедушки. Теперь, если я нечаянно бросал взгляд на его портрет, мне казалось, что он смеется надо мной. Я вздрагивал и быстро отворачивался. Конечно же, он преследовал нас, и

не только звуком своих шагов, но и с моей помощью. Почему он выбрал меня, самого религиозного члена семьи, чтобы досаждать нам через столько лет после своей смерти? Я не находил ответа на этот вопрос.

Пытаясь забыть эти случаи, я жил ради религиозных церемоний, проводившихся или в храме, или у нас дома, когда собирались друзья и родственники. Там я становился центром всеобщего внимания. Мне нравилось ходить между людьми, окропляя их святой водой или нанося на их лбы пасту из сандалового дерева, нравилось собирать пожертвования и видеть, как медное блюдо, которое я нес, заполнялось деньгами. Но больше всего я любил сидеть рядом с алтарем, позади совершающего пуджу пандита. Я так наслаждался сильным ароматом цветочных гирлянд, украшавших мою шею! А после церемонии все низко кланялись мне и подносили подарки.

Через некоторое время я с радостью заметил, что мистические силы, которые должны пробудиться с помощью йоги, начали расти и проявляться. Я знал, что только эти силы могут сделать мое будущее великим. Часто люди склонялись передо мной и чувствовали внутренний свет, когда я благословлял их. Мне тогда было всего тринадцать лет, но я уже совершал *шакти пат* – передачу энергии от Кали, богини силы, подтверждая подлинность моего призвания. Как замечательно, что я стал каналом для этой силы!

Когда я был в состоянии глубокой медитации, боги становились видимыми и разговаривали со мной. Мне казалось, что они переносят меня на далекие планеты или в миры, находящиеся в другом измерении. И только через много лет я узнал, что подобные ощущения возникали у людей под действием гипноза и ЛСД и были зарегистрированы учеными. Находясь в трансе, я

чаще всего видел Шиву, а огромная кобра, обвивавшаяся вокруг его шеи, смотрела мне прямо в глаза и устрашающе шипела. Иногда я задумывался над тем, почему среди богов, с которыми я встречался, не было ни одного доброго, нежного и любящего. Но я не сомневался, что все они были настоящими, а не мифическими, как христианский дед Мороз.

* * *

В тот день, когда наконец-то вернулся дядя Деонарин, старший сын Наны, я был вне себя от радости. Он приехал из Англии, с отличием закончив Лондонский университет. После того как дядя Кумар несколько месяцев назад уехал в Лондон, воцарившийся в доме матриархат тети Ревати стал невыносимым. Теперь, с возвращением дяди Деонарина, главой семьи снова станет мужчина. Он всегда старался, насколько это возможно, заменить мне отца. Может быть, и моя мать когда-нибудь приедет. Она по-прежнему писала нам каждые два-три месяца, но по поводу возвращения там не было ничего, кроме «через год».

Несколько дней спустя после своего приезда дядя Деонарин отозвал меня в сторону.

– Раби, я хочу, чтобы ты благословил мою новую машину, – сказал он тихо. – Я никуда не поеду на ней без твоего благословения.

Я светился от счастья. Подумать только, ведь я боялся, что он в Лондоне совсем забудет индуизм, к которому и раньше не проявлял большого интереса, но оказалось, что это не так.

– Подожди немного, дядя Деонарин. Я все сделаю и скоро вернусь.

Я благословил машину, изгнав злых духов и призывая могущественных богов защитить ее. Дядя Деона-

рин дал мне за это деньги, несмотря на то, что я отказывался. В конце концов, я уступил, не желая лишать его тех преимуществ, которые получает человек, приносящий дары брамину.

– Тебе необходимо продолжать учиться после школы, Раби! – сказал мне дядя Деонарин, когда как-то утром мы сидели рядом с Ма.

Я скоро должен был закончить школу в Махабуре и думал о том, что вернусь в Дургу или поеду в большой храм в Порт-оф-Спейне.

– Раби, тебе необходимо получить высшее образование, – продолжал он настойчиво, а Ма одобрительно кивала головой. – Я имею в виду университет. Нужно много учиться, чтобы уметь выражать свои мысли. Вне зависимости от того, насколько ты одарен и просветлен, ты не сможешь никого ничему научить, если не сумеешь все объяснять четко и ясно. Так же, как и глубокое знание *вед*, тебе необходимо и общее образование!

– Да, видимо, ты прав, – ответил я с неохотой, грустно опустив голову.

Я так ждал, когда же закончится весь этот ужас, связанный со школой, но то, что он говорил, было вполне логично. И я решил попытаться сдать вступительные экзамены в тот же институт на юге, где учился мой двоюродный брат Кришна. Я мог бы жить у дяди Рамчанда, которого очень любил. Его дом находился рядом с институтом.

* * *

– Раби идет! К нам идет Раби! – послышался голос Даади, возвещающий о моем приезде.

Было очень жарко. Обливаясь потом, я еле тащился с небольшим чемоданом от автобусной остановки к дому Рамчанда Махараджи, старшего брата моего

отца. Мне нравилось приезжать к ним в гости. Его жена Даади, добродушная и гостеприимная, всегда радостно приветствовала меня. Но сейчас в ее голосе звучали тревожные нотки, и вскоре я понял причину этого беспокойства. Как только я вошел в дом, мне в ноздри ударил ужасный запах жареного мяса. Я никогда не думал, что они могут есть мясо. Какое разочарование!

– А мы не знали, что ты приедешь сегодня! – сказал дядя Рамчанд, стараясь скрыть свое смущение.

– Я хотел преподнести вам сюрприз.

Я не знал, в какую сторону смотреть, остро чувствуя, как ему тяжело. Какой стыд! Брамин, который ест мясо! И причем, как я думал, такой религиозный! Дядя попытался начать общий разговор и спросил, как здоровье Ма и какие новости в семье, но я отвечал холодно, и в конце концов беседа заглохла. Зная, о чем я думаю, дядя Рамчанд попытался оправдаться.

– Раби, а ты знаешь, почему христиане едят мясо? – спросил он.

Этот вопрос показался мне очень странным. Какая разница, что там придумали христиане, чтобы оправдать свои преступления против моего бога – коровы? Я покачал головой, не в силах говорить от отвращения. Как я жалел о том, что решил доставить им удовольствие своим неожиданным визитом.

– Бог опустил с неба большое-большое полотно, на котором были разные животные...

– А ты откуда это знаешь? – спросил я.

– Из Библии – христианской книги.

– Ты что, читал ее?

– Нет, сам не читал, но мне говорили.

– И что же случилось с большим-большим полотном?

Я становился все более рассерженным и разочарованным. Именно за то, что Ма читала эту книгу, дедушка сбросил ее с лестницы. Книга христиан – книга тех, кто ест коров! И это брат моего отца!

– В ней было много всяких животных – и ты знаешь, что Бог сказал Петру? Он сказал, чтобы Петр убил и съел их столько, сколько пожелает! – торжественно провозгласил дядя Рамчанд, как будто он привел неоспоримое доказательство в оправдание запаху насилия и смерти в своем доме.

– Может быть, – резко ответил я, – но он же не сказал это тебе!

– Но мы делаем это во имя Кали! Пандиты в знаменитом храме Кали в Калькутте каждое утро убивают по шестнадцать коз.

– Но брамины не едят их! – сурово напомнил я.

Весь день я не притрагивался ни к чему на их столе. Сам запах мяса отравлял воздух во всем доме. Меня всегда уважали за мои принципы, которым я не изменял. Я даже не ел ни хлеба, ни печенья, если при их приготовлении использовались яйца. И дядя Рамчанд знал это. Раньше мне нравилось разговаривать с ним на самые разные темы, а сейчас мы сидели в неприятном молчании, изредка прерываемом короткими неловкими фразами. Тетя старалась не попадаться мне на глаза. В конце концов дядя Рамчанд предложил пойти прогуляться и посмотреть на голландский нефтяной танкер, который вчера прибыл в порт. Я с радостью согласился, так как появился повод уйти из этого дома с его отвратительным запахом.

Танкер был очень большой и красивый. Мы наблюдали, как он медленно погружается в воду по мере того, как огромные насосы перекачивали в него нефть с нескольких барж. Недалеко от нас на пристани вы-

грузжали контейнеры, длинные стрелы кранов взмывали ввысь, а лебедки пронзительно скрежетали. Портовые грузчики с обнаженными потными спинами трудились под лучами безжалостного солнца.

Мне всегда очень нравилось бывать в порту. Его бурная жизнь приводила меня в восхищение, а загадочные названия судов манили в далекие края, в экзотические страны. Дядя Рамчанд тоже любил порт. Незаметно напряженность между нами куда-то исчезла, и мы стали непринужденно разговаривать о моих планах на будущее и о том, что я осенью, возможно, поступлю в институт. Он был очень доволен и заверил меня, что я принимаю верное решение, такое, которое одобрил бы мой отец.

– А почему на этом корабле никого нет? – спросил я, когда мы проходили мимо старого грузового судна, которое казалось безлюдным.

– Правда, странно, – задумчиво произнес дядя, рассматривая корабль.

Я увидел канат, привязанный к высокой мачте, и, схватившись за него, проверил, выдержит ли он мой вес. Мне показалось, что даже несколько тонн были бы ему нипочем.

Я разбежался, взлетел в воздух и стал раскачиваться, взмывая ввысь и опускаясь к самой земле.

– Смотри, я прямо как Тарзан! – закричал я, а дядя Рамчанд весело смеялся.

И вдруг, когда я был в самой верхней точке, канат оторвался от мачты.

– Раби, берегись! – услышал я дядин крик еще до того, как понял, что случилось.

И вот я лечу вниз, с ужасом видя, что попадаю прямо в узкий проем между бортом корабля и бетонной стеной пристани. Каким-то чудом мне удалось уце-

питься за борт, и я повис в этом проеме, наполовину оглушенный. Дядя Рамчанд успел вытащить меня как раз в тот момент, когда волны качнули корабль и он ударился бортом о стену причала.

– Раби, тебе не стоит испытывать судьбу! – с трудом выговорил дядя Рамчанд трясущимися губами.

У меня не было сил стоять. Мы оба тупо смотрели то на канат, то на мачту, возвышавшуюся над нашими головами. Тому, что произошло, не было никакого объяснения. Канат был очень прочным, и вдруг как будто чья-то рука перерезала его. Дрожь пробежала у меня по спине от потока воспоминаний: однажды невидимая рука столкнула меня с едущего грузовика, и я получил серьезную травму; в другой раз что-то не давало мне оторвать ногу от дорожки, по которой двигался тяжелый каток, раздробивший мне ступню... Вспомнились и другие похожие «случаи». И теперь, возле странного заброшенного корабля, я вновь отчетливо ощутил угрожающее присутствие Шивы, которое было так хорошо мне известно. Неужели это он отвязал канат? Я попытался отбросить эту мысль, боясь гнева Шивы, но ощущение не исчезало. За что он наказывает меня?

Мы молча брели назад, к дому, думая каждый о своем. Возможно, это была моя карма, связанная с прошлой жизнью, но я почувствовал, что это несправедливо. Почему я должен нести наказание за какие-то грехи, о которых даже ничего не знал?

ГЛАВА 8

СВЯЩЕННАЯ КОРОВА

– Раби, у меня есть потрясающая новость! Я буду преподавать в Королевском колледже, в Порт-оф-Спейне! Почему бы тебе не поступить туда? – сказал дядя Деонарин, показывая мне письмо с приглашением.

– Ты действительно считаешь, что я смогу учиться в таком престижном колледже?

– Ну конечно! Мы будем каждое утро вместе ездить туда на машине. Ну, как?

Я любил дядю Деонарина. Ездить с ним – это просто великолепно, у нас будет такая прекрасная возможность обо всем поговорить. И я согласился.

У меня захватывало дух, когда мы ехали по широким улицам Порт-оф-Спейна мимо длинных рядов магазинов, забитых товарами, и больших домов с красными крышами, мимо огромных парков с футбольными полями и площадками для крикета, покрытыми зеленой травой. Наконец, показалось величественное здание Королевского колледжа. Дядя Деонарин был доволен не меньше, чем я, и всем гордо представлял меня как своего молодого племянника-брамина. Потом все собрались в большой аудитории, где ректор колледжа обратился к нам с долгой и абсолютно непонятной для меня речью. Я очень редко слышал, как говорят англичане, и плохо понимал их, но из того, что сказал ректор, я едва разобрал хотя бы одно слово.

– О чем он говорил? – прошептал я студенту, сидевшему рядом со мной, когда ректор закончил свою речь.

Он странно посмотрел на меня.

– Ты что, глухой? – спросил он.

– Нет, я не глухой, но о чем он говорил?

– А, так, всякие инструкции и прочие вещи. А ты, наверное, с юга, откуда-нибудь из деревни?

Я утвердительно кивнул и подумал, что мне было бы лучше поступить в другой институт, туда, где учиться Кришна. К концу дня я уже всем сердцем желал никогда в жизни не слышать о Королевском колледже.

В той части острова, где я жил, почти все население состояло из индусов, а подавляющим большинством жителей Порт-оф-Спейна были негры, и это сразу привело меня к внутреннему конфликту. Всю свою жизнь я очень неприязненно относился к неграм, потому что они ели мясо коровы. Я считал их ниже самой низкой касты. И как я смогу сидеть рядом с ними в одном классе, прикасаться к ним, играть в футбол? Но в первый же день моим предубеждениям и моей гордости была дана хорошая встряска. Негры, которых я знал в деревне, почти все были бедными или совсем нищими. Однако здесь студенты и с черной, и с коричневой, и с белой кожей в основном происходили из богатых семей и гораздо лучше меня говорили по-английски. Потешаясь над моим корявым деревенским диалектом с его неправильным произношением и плохой грамматикой, многие хихикали у меня за спиной, когда наступала моя очередь отвечать. Мне стоило огромных усилий научиться говорить правильнее, чтобы избежать насмешек. В течение следующих недель общение со многими неграми, жителями Востока, англичанами и представителями других рас бросило серьезный вызов моим религиозным убеждениям. Кастовая система являлась основой индуизма. Сам Брахма создал четыре касты из своего тела, и никакие постановления никаких правительств не могли опровергнуть то, что напи-

сано в *ведах*. А как же существовали все остальные? Ведь мир был буквально заполнен людьми, не входившими ни в какую касту. Как они смогли появиться на свет? Почему в индуистских писаниях не сказано о пути спасения для них? Ясно, что с точки зрения моей религии у них не было никакой надежды. И они вовсе не собирались мне подчиняться, да и учился я хуже многих из них. Там, где я жил, на меня смотрели с уважением и обожествляли. Я считал это правильным, был уверен, что я действительно Бог. Но эти непросвещенные юноши из Королевского колледжа обращались со мной как с равным, а порой даже и похуже. И все вопросы, которые они мне задавали, – иногда в шутку, иногда всерьез – касались моей религии.

– А правда, что индуисты верят, будто все является богом?

Я кивнул, исподлобья глядя на ребят разных национальностей и религий, собравшихся вокруг, чтобы подразнить меня. Это уже становилось обычным делом. Другие индуисты старались не ввязываться в разговор, видимо, стесняясь или опасаясь насмешек.

– То есть ты считаешь, что и муха – это бог, и муравей, и клоп-вонючка? – взрыв хохота раздался среди собравшихся.

– Вы смеетесь, потому что не понимаете, – смело ответил я. – Вы видите всего лишь иллюзию, но не видите единого сущего – Брахмана.

– А ты бог? – с недоверием спросил мальчик из Португалии.

Я не посмел уклониться от ответа или колебаться.

– Да, – ответил я решительно, – как и все индуисты. Им просто нужно это осознать.

– Как ты собираешься осознать то, что неверно? Ведь ты же не создавал этот мир! – сказал один англи-

чанин, который, похоже, что-то знал об индуизме. – Я слышал, что ты вегетарианец – веришь в то, что нельзя отнимать жизнь.

– Я верю в ненасилие. Как Ганди. Его все уважают. Он был великим индуистом! Нельзя отнимать чужую жизнь.

– Любую жизнь?

Я не заметил в его голосе особых ноток, которые предупредили бы, что он снова пытается заманить меня в какую-то ловушку, и утвердительно кивнул.

– Любая жизнь священна. Так говорят *веды*.

В поисках поддержки я посмотрел на нескольких китайских мальчиков, которые, как известно, были буддистами. Почему они не хотели это подтвердить? Я попал в затруднительное положение и очень хотел, чтобы они помогли мне сейчас, хотя я и был их противником по другим религиозным вопросам. Я уже узнал на занятиях по биологии о семи признаках жизни. И я прекрасно знал, что даже овощи соответствуют этим критериям. Следовательно, я отнимал жизнь, когда срывал банан или манго и ел их. Я не мог найти никакого способа опровергнуть тот факт, что вегетарианцы тоже отнимают жизнь, но решил отстаивать разницу между растительной и животной жизнью.

Мой противник подмигнул своим друзьям.

– Неужели ты не знаешь, что овощи имеют все семь признаков живого? – спросил он. – Выходит, вегетарианцы тоже убивают.

Я было открыл рот, чтобы попытаться объяснить разницу между животной и растительной жизнью, как услышал другой голос.

– А что происходит, когда ты кипятишь воду для чая? Подумай о тех миллионах бактерий, которых ты при этом убиваешь! Бедные, беспомощные, маленькие

животные – вот кто они такие! А ты знаешь, что потом они могли бы воплотиться в коров или даже людей!

И все весело рассмеялись.

– Ну и ну! Он же настоящий убийца! – крикнул кто-то.

– И неудивительно, что он такой худой! Ведь он ест одни овощи! Парень, тебе просто необходимо есть мясо!

– Вы ничего не понимаете! – отважно запротестовал я.

Мои щеки пылали, и я чувствовал себя сбитым с толку и загнанным в угол.

* * *

– Не пытайся смотреть на индуизм с логической или научной точки зрения, – посоветовал мне дядя Деонарин, когда мы в тот вечер ехали домой. – Религия – это то, во что ты решаешься верить, а не то, что ты будешь доказывать.

– Но истина остается истиной! – настаивал я. – Индуистские писания – это истина.

– Большинство из того, что в них рассказывается, – это чистая мифология, – сказал дядя Деонарин покровительственным тоном. – Ни Кришна, ни Рама никогда не существовали, а *рамаяна* и *бхагавад-гита* – всего лишь мифы, красивые истории.

Мне стало ясно, что спорить с ним бесполезно. Он никогда не интересовался религией, не занимался йогой, не встречался с богами и не мог понять то, что понимал я. Возможно, его карма не давала ему такой возможности в этой жизни. Но у него будет много других жизней, в которых он познает истину, когда будет готов к этому...

В тот вечер я решил попасть корову и отвел ее под кокосовые пальмы за хижинкой Госина. Я был с ними осторожен с того дня, как одна на меня напала. Вряд ли было правильно не доверять такому великому богу, но

нужно быть практичным. Этому я научился в колледже. Ясно, что невозможно буквально следовать религиозным правилам в реальной жизни, и я перестал поклоняться корове из практических соображений. Ведь нельзя одновременно поклоняться и защищаться от нападения. Но я никогда не перестану верить, что корова – это бог. К тому же я считал, что для меня будет великим шагом на пути к Брахману стать в следующей жизни коровой, если не получится достичь мокши.

– Ведь ты бог, правда? – спросил я корову очень серьезно.

Она продолжала с большим удовольствием поглощать сочную траву, медленно ее пережевывая. Трудно было представить, что корова могла так злобно на меня напасть, но воспоминания об этом были еще свежи.

– Ну конечно же, ты бог! Я это знаю. Неужели это не так?

Подняв голову, она уставилась на меня сонными глазами, продолжая жевать свою жвачку.

– Му-у! – сказала она важно. – Му-у-у!

ГЛАВА 9

БЕДНЫЙ, БОГАТЫЙ

Как-то раз я спросил дядю Деонарина:

– А почему дед Сингх так быстро разбогател?

Мысли об этом до сих пор не давали покоя ни мне, ни остальным, но я никогда не высказывал их вслух. В тот вечер мы стояли на веранде и наслаждались видом ярко освещенных домов. Похоже, что каждая индуистская семья соревновалась с соседями в том, кто сможет зажечь больше дей во время ежегодного праздника Дивали.

– Пандиты говорят, что золото ему дали духи, – тихо ответил дядя Деонарин.

Действительно, этому трудно найти какое-либо логическое объяснение. Конечно же, дедушка много работал. И хотя он был из высокой касты кшатриев, работать начал еще ребенком – косил траву для фермы за десять центов в день. Потом он каким-то образом купил у одного китайца хибарку за пятьдесят долларов и там начал заниматься ювелирным делом. Вскоре эта хибара неизвестно почему сгорела в одну ночь, а после этого он стал миллионером, хотя, кроме его семьи, об этом долго почти никто не знал.

По мере того как сгущались сумерки, священные огоньки в домах казались еще ярче. Это было так красиво! Дивали был одним из самых моих любимых национальных праздников. Мне было особенно приятно видеть, что свет в индуистских домах горел намного ярче, чем в христианских на Рождество, – и не электрический, а живой свет маленьких лампадок. Дейи мер-

цали на подоконниках, столах, на перилах веранд и ступеньках лестниц, и каждая – в честь Лакшми, богини богатства и процветания.

Дядя Деонарин сказал:

– Дедушка всегда совершал на Дивали особую пуджу для Лакшми два раза в день, в одиночестве, перед своим большим железным сейфом. Он также выполнял в своей комнате и другие мистические обряды, но никому не позволял наблюдать за этим.

– А как ты думаешь, это Лакшми сделала его таким богатым, или духи? – спросил я.

Наш семейный пандит периодически проходил по всем комнатам дома с зажженной дейей, поклоняясь дому и его духам – особенно духу деда, который его построил. Он торжественно три раза обводил дейей портрет деда Сингха, висевший в гостиной. Мы почитали духов так же, как и богов, и порой даже не могли определить разницу между ними.

– Какая разница, как это называть? Во вселенной есть только одна сила.

Я важно кивнул:

– Да, есть только одна реальность – Брахман. Все остальное – это иллюзия, майя.

Мы молча смотрели на огни. Можно было даже почувствовать присутствие Лакшми и то, что она довольна. Но я хотел задать еще один вопрос и поэтому нарушил тишину.

– Говорят, что те же духи, которые охраняли богатство, убили деда до того, как он смог его потратить. Я не понимаю этого. А что ты думаешь?

Дядя Деонарин ничего не отвечал несколько минут. Я ждал с нетерпением. Но когда он наконец-то прервал молчание, можно было понять по его голосу, что говорить ему нелегко.

– Я не знаю. Каждый раз, когда наступает Дивали, я думаю о богатстве моего отца, которое появилось таинственным образом и таинственно скрылось так, что никто из нас не способен его отыскать, и о его преждевременной смерти... Я не люблю говорить об этом, – тихо добавил он и ушел в дом.

Я еще долго оставался на веранде и смотрел на это великолепное зрелище, восхищаясь массой горящих дей и размышляя над тайнами множества духов, богов и о единой реальности.

На другой день я объяснял смысл праздника Дивали мальчику-мусульманину, когда мы вместе сидели и ели свои бутерброды:

– Огни зажигаются для Лакшми, и для нее же совершаются особые пуджи. Она является богиней богатства и процветания.

Казалось, что ему было интересно, но вокруг уже собралась небольшая группа насмешников.

– Если Лакшми – это богиня богатства и процветания, то почему же тогда почти все индусы такие бедные? – спросил высокий чернокожий парень. – Поклоняться ей – это пустая трата времени!

– Ты не понимаешь, что есть карма и закон перевоплощений! Человек может быть беден в одной жизни и богат в следующей.

– Ну и сколько же жизней для этого понадобится? Посмотри вокруг! Большинство индусов работают на тростниковых плантациях, живут в нищенских лачугах...

– Моя семья вовсе не бедная!

– Он имеет в виду индусов вообще, – вмешался в разговор худощавый английский подросток. – Посмотри на Индию, она одна из самых нищих стран в мире!

– А с чего ты это взял?

– Мне рассказывал мой отец. Он жил в Индии до того, как я родился. Там больше крыс, чем людей, а кругом нищета и болезни!

– Возможно, так было тогда, когда ею управляли англичане, но не после независимости!

Тут же раздалась одобрительные возгласы. Тринидад боролся за освобождение от британского владычества, и поэтому слово «независимость» зажигало огонь в сердце каждого патриота.

– Люди в Индии умирают от голода, крысы жиреют, а священные коровы умирают от старости! – вступил в разговор еще один юноша. – Вот что сделали с Индией ее боги и перевоплощение душ!

– Это все неправда! Моя мать живет в Индии, и она никогда не пишет нам ни о чем подобном!

Я прекрасно знал, что мои противники правы, но признать это стоило бы мне слишком дорого. Нищета Индии была той темой, которую моя мать старательно избегала. Она описывала сады, ярких птиц и экзотических животных, храмы и праздники. Она рассказывала о своем гуру, но ничего не писала о том, как живут люди. Однако я прочитал несколько книг, после которых у меня не осталось сомнений в том, что родина моей религии была катастрофически бедной. Как это может быть результатом тысяч лет йоги, улучшения кармы и перевоплощений, приближающих к Брахману? Почему те индийские фильмы, которые я смотрел, никогда не показывали картину реальной жизни в стране? И почему я так настойчиво доказывал ребятам в колледже то, во что сам не верил? Неужели я боялся правды? Я никогда не смог бы с этим согласиться – это было выше моих сил!

– Что заставляет тебя думать, что этот мир единственный? – спросил меня Госин, когда мы обсуждали

эти проблемы в его хижине, где день и ночь, пока шел праздник Дивали, горели дейи. – *Веды* говорят, что существует много миров. Может быть, в этом мире живут только бедные индийцы. А когда они получают хорошую карму, они идут в лучший мир.

– Да, но разве здесь нет богатых индусов, как дедушка Сингх и пандиты?

Госин кивнул:

– Я что хочу сказать, Бхай, может быть, это и не для всех... но, наверное, в других мирах живут только богатые.

– Но ведь в *гите* Кришна говорит, что когда в другом мире карма вырабатывается, ты снова возвращаешься назад.

– Некоторые вещи не так просто ухватить...

Неужели глаза предали Госина и я заметил в них тень сомнения? Но он быстро поправился:

– Для йога нет никакой разницы, бедный он или богатый. И такой йог, как твой отец, никогда больше не вернется в этот мир. В *упанишадах* говорится, что если медитировать на Брахмана, то все невежество уйдет. Тогда поймешь *ом*. И только йоги достигают просветления.

В этих словах Госин как раз выразил основную цель, которой я хотел добиться. Моим самым большим сокровищем была книга, которую прислала из Индии мать. В ней описывалась продвинутая техника йоги, которой я мог овладеть на базе уже достигнутого раньше. Кришна говорил Арджуне, что нет ничего важнее, чем усердные занятия йогой. На этом «божественном плоту» можно, преодолев невежество и изменив себя, достигнуть вечного блаженства. Я давно занимался йогой: принимал различные позы, делал дыхательные упражнения и медитировал на веранде около своей

комнаты с двенадцати часов до половины второго ночи, когда все уже спали. Медитация уводила меня в царство сознания, абсолютно не имеющее никакого отношения к окружающему меня миру.

Я все больше и больше ощущал присутствие духовных существ, которые вели меня и давали силы. Боги были реальны! И никакие аргументы ребят из колледжа не могли этого изменить. Порой я бывал настолько возбужден увиденным, что когда наконец-то ложился спать, не мог заснуть. И если бы мне удалось вовлечь дядю Деонарина и многих других индуистов в занятия йогой и медитацией, то они узнали бы правду о своей религии. Я не должен идти в нирвану один. Гуру — это учитель, который ведет остальных к вечному блаженству.

* * *

— Раби! Раби!

Я сидел в одиночестве в комнате для молитв перед маленькой фигуркой Кришны, глубоко и ритмично дыша, пытаясь изобразить улыбку Кришны. Мы с тетей Ревати этим утром снова серьезно поругались, и я даже не мог вспомнить, с чего все началось. Я надеялся с помощью медитации восстановить свой внутренний мир, который так легко ускользнул от меня из-за этого случая. Сейчас в доме были только я и Нани, и на ее призыв, кроме меня, ответить было некому.

— Что случилось, Ма? — крикнул я.

— Там кто-то пришел и ждет на улице. Пойди посмотри, кто это.

Наша семья уехала на побережье, на праздник Картикнахан. Почти все индуисты на Тринидаде в этот день купались в реках, лагунах и в море в надежде на духовное очищение. Для пандитов это был самый до-

ходный день в году. Они спешили от одной пуджи к другой, от одних купающихся к другим, от одного пиршества к другому, конечно же, за большую плату и хорошие подарки. В этот день можно было значительно улучшить свою карму, накормив брамина. Но я стал сомневаться в пользе подобных ритуалов. Ничто внешнее не могло изменить карму – даже купание на Картикнахане. После купания многие индуисты возвращались домой и снова ели мясо, били и обижали своих жен. Конечно, такие праздники были нужны, но, как сказал Кришна, не для йога. Я избрал гораздо лучший способ проводить свое время.

– Хорошо, Ма, – крикнул я.

Почтительно завернув фигурку Кришны в священную ткань, я поставил ее на алтарь, вышел на веранду и услышал, что кто-то стучится внизу. Перегнувшись через перила, я увидел старого нищего индуса.

– Что тебе нужно? – крикнул я ему.

– Я хочу есть! – сказал он, протягивая руку.

И хотя здесь никто никогда не впустит нищего в дом, я решился на это, настолько несчастным он выглядел.

– Иди сюда! – крикнул я, жестом приглашая его подняться по лестнице. – Я посмотрю, что у меня есть.

В конце концов, помощь нищим была для индуистов достойным способом улучшить свою карму. Покачав головой, он взглянул на свои босые ноги:

– Я не смогу туда взобраться!

– Хорошо, тогда иди направо, к другим воротам.

Я показал ему, куда нужно идти. Нищий был похож на неприкасаемого, на того, кому я не позволил бы даже подходить ко мне, – ведь это осквернило бы брамина. Но увидев, с каким трудом он передвигается, тяжело опираясь на палку, шатаясь и спотыкаясь, я

почувствовал глубокое сострадание к старому нищему. Он тоже человек. И мне было приятно, что я осознаю это. Торопливо спустившись по задней лестнице, я открыл ворота и с радушной улыбкой провел его во внутренний дворик.

– Садись сюда, – сказал я, указывая на кресло у стола.

Он холодно посмотрел на меня своими большими круглыми немигающими глазами, а затем с тяжелым вздохом рухнул в кресло. Он отказался от воды, которую я предложил ему, чтобы помыть руки, с таким видом, как будто ему это безразлично.

– Я сейчас принесу тебе что-нибудь поесть, – сказал я.

На кухне мне удалось найти то, что осталось от завтрака: тонкие роти, похожие на блины, и бхаджи – шпинат с острыми специями. Я поставил на стол тарелку с едой, а сам сел напротив, с интересом наблюдая за нищим. Наверно, он был одним из странствующих святых, часто встречавшихся в нашей части острова, которые отказались от всего, что имели. Как правило, это было совсем немного. Его длинные седые спутанные волосы были грязны, а в бороде застряли остатки пищи, которую он ел раньше. Его дхоти, которое когда-то было белым, сейчас стало серым, сплошь покрытым пятнами. Мне пришлось отодвинуть свое кресло подальше, так как запах, исходивший от него, был невыносимым. Но тем не менее я испытывал растущее чувство сострадания к этому внешне неприятному человеку, что давало мне возможность почувствовать собственную добродетельность. Это поможет моей карме.

– Ты пришел издалека? – спросил я, пытаясь завязать с ним разговор.

Нищий, жадно пережевывая пищу, только нахму-

рился в ответ. Он отрывал куски роти, набивал полный рот бхаджи, облизывая пальцы, и, очевидно, наслаждался едой. Я подумал, что принес слишком много для него, но он прикончил все, вылизав тарелку дочиста. Затем он все это хорошенько запил и громко рыгнул. Вытерев рот своим дхоти, он добавил к его пестрой окраске еще одно пятно.

– Туалет! – вдруг прокричал он и начал нервно озираться вокруг.

Я вскочил, чтобы помочь ему, он ухватился за мое плечо и с трудом встал с кресла. Опираясь на меня и на свою палку, он проковылял к туалету позади дома, которым мы почти не пользовались. Старик неуклюже забрался внутрь и приказал мне подождать. Затем я услышал, как он отчаянно зовет меня.

– Эй, что тебе нужно?

– Зайди!

Я, немного поколебавшись, открыл дверь. Он не мог подняться с сиденья. Мне показалось, что в его глазах проскользнула насмешка. Я зашел и, стараясь не дышать, схватил его под руки и потянул изо всех сил. Он закричал, но мои усилия оказались недостаточными. Не знаю, как мне это удалось, но в конце концов он снова стоял на ногах, качаясь из стороны в сторону и опираясь на палку. Похоже, что он неспособен был говорить. Жестикулируя и бормоча, он дал мне понять, что не может согнуться. Я, смутившись, поднял его дхоти и, не имея больше сил сдерживать дыхание, сделал несколько коротких вдохов, несмотря на отвратительную вонь. Видимо, он не мылся несколько месяцев. Но он был человеком, и, несмотря на его холодный взгляд и недружелюбность, я хотел помочь ему. Мне было приятно делать это, и я уже давно не испытывал подобного чувства.

Я подвел его к бассейну, думая, что он захочет помыться, но старик не проявил к этому ни малейшего интереса. Он негодуяюще проворчал что-то, и его холодные глаза засветились злобой, которая, как мне казалось, таилась в нем все это время. Он отпихнул меня и, опираясь на палку, заковылял к воротам, хромя и шатаясь, как раненый зверь. Я подошел к воротам и распахнул их. Старик вышел, а затем повернулся и плюнул мне под ноги. До этого безмолвный, сейчас он изрыгал на меня поток брани и грязных выражений на смешанном хинди и английском, выражая всю свою ненависть.

Неужели он ненавидел меня за то, что я богат, а он нищ? Я был ошеломлен и сбит с толку. Он даже не сказал «спасибо» за то, что я для него сделал! Я запер ворота и сразу же побежал мыться, а затем в задумчивости поднялся на веранду. Я был слишком потрясен, чтобы вернуться в комнату для молитв и продолжить медитации. Блаженная улыбка Кришны была позабыта. Я прошел в свою комнату и сел на край кровати, опустив голову. Может быть, в нищете больше духовности, чем в богатстве? Но почему же тогда существует Лакшми – богиня богатства и процветания, если то, чем ты владеешь, является злом или просто майей? Почему она наградила дедушку миллионами? И где теперь его золото? А может быть, и сами боги, как и все храмы, возведенные в их честь, являлись частью этой огромной иллюзии?

Я все еще сидел на кровати, обхватив голову руками и думая об этом кошмаре, не в силах справиться со всеми навалившимися на меня вопросами, когда неожиданно вернулись домой все родственники, радостные, очистившие свои души...

ГЛАВА 10

НЕИЗВЕСТНЫЙ БОГ

Моя тетя Суминтра жила на ранчо в Гуара Каре, в горах. Мне очень нравилось бывать в ее семье: со мной здесь обращались, как с принцем, а тетя Суминтра готова была сделать для меня все. Ее муж, серьезный и трудолюбивый человек, руководил работами на принадлежавших им карьере и большой плантации какао. Их сын Шарма, на год старше меня, был одним из моих самых близких друзей.

Мне было приятно находиться в обществе восьми двоюродных братьев и сестер, но больше всего я наслаждался красотой и спокойствием гор, отдыхая от грохота и шума мотоциклов, машин и их сирен, сопровождавших мою жизнь в Порт-оф-Спейне. О, как я любил природу! Глубокое чувство единства со вселенной давало мне таинственное ощущение моей тождественности со всем живым: с прекрасными цветами, бесконечным множеством щебечущих птиц, блестящими после грозы листьями деревьев в джунглях. Я был каждой тварью, пробиравшейся по лесным тропкам. Каждая из них была одним из моих многих тел, и я был их высшим разумом. Я проводил долгие часы, гуляя по этому раю, окружавшему ранчо, что наполняло меня чувством огромной радости. Я был Брахманом, а это был мой мир, созданный моими мыслями...

Когда закончился второй год учебы в Королевском колледже, я, как обычно, отправился на несколько недель к тете Суминтре. Я долго ехал по жаре и, почти добравшись до ранчо, присел отдохнуть на краю обры-

ва, восхищаясь великолепным видом, полностью поглощенный царством животных и растений. Я смотрел вниз на великолепный ковер оранжево-розовых цветов, покрывавший землю в долине подо мною. На другом конце плантации колыхались на ветру высокие узкие листья бамбука; далеко на горизонте зеленые поля тростника, еле различимые в дымке, сливались с голубым морем. Птицы в ярком оперении перелетали с ветки на ветку и сновали в кронах деревьев.

Мне казалось, что вся вселенная пела одну песнь, дышала одной жизнью. Все – от крохотной бактерии до огромного далекого солнца – происходило из одного источника, все являлось частью единой реальности. Мы все – проявления Брахмана. Природа была моим богом и другом. Я восхищался и радовался этому вселенскому братству всех предметов и существ.

Напевая *ом намах шива* – ведь забывать о разрушителе было нельзя, я вертел в руках орхидею, поражаясь ее бледному мягкому рисунку, потрясающей глубине окраски, открывавшей, как мне казалось, дверь в иные миры. Мои размышления были прерваны внезапным угрожающим шорохом за спиной. Я резко обернулся и, к своему ужасу, увидел большую змею, ползущую ко мне. Ее маленькие глазки смотрели прямо на меня. Я был загипнотизирован, парализован, безнадежно пытаюсь сдвинуться с места. Мне некуда было бежать: сзади – обрыв, а впереди – змея. Я был поражен ее сходством с коброй, обвивавшей шею Шивы, и сейчас меня пронзило то же чувство его присутствия, что и в медитации, когда я оказывался в странном мире. И та ситуация, в которую я попал, казалась мне моей судьбой, воплотившимися видениями. В этот раз мне не удастся ускользнуть от разрушителя!

Подобравшись совсем близко, змея подняла свою

широкую заостренную голову и отклонилась назад для нападения. И в тот момент, когда я застыл от ужаса, из глубины моей памяти прозвучал голос Нани, как будто она стояла здесь и повторяла слова, которые я давно уже забыл: «Раби, если ты окажешься в серьезной опасности и никто не сможет тебе помочь, то знай, что есть один Бог, к которому ты можешь обратиться. Его зовут Иисус».

– Иисус! Спаси меня! – попытался крикнуть я, но вопль отчаяния захлебнулся в горле и вряд ли мог быть услышан.

К моему величайшему изумлению, змея опустила голову и торопливо удалилась в заросли травы. Осторожно ступая дрожащими ногами, готовыми подогнуться, я, спотыкаясь, пошел к тропинке, ведущей к дому. С трудом переводя дух и чувствуя слабость во всем теле, я рассказал своему испуганному брату Шарме о чудесном избавлении. Я был переполнен благодарностью к этому удивительному и могучему Иисусу...

После этого я очень часто задумывался над тем, кем же действительно был Иисус. Я слышал о нем что-то по радио, в рождественских песнях и знал, что он – христианский Бог. Все мои представления о христианстве сводились к тому, что первых христиан звали Адам и Ева, и что кто-то по имени Каин убил своего брата Авеля.

Впоследствии я много размышлял об этом происшествии. Очевидно, Иисус был могущественным и удивительным Богом. Как быстро Он ответил! Богом чего Он был? Богом защиты? Почему моя мать или пандит в храме ничего не рассказали мне о Нем? Я спросил Госина об Иисусе, но он тоже ничего не знал и, как мне показалось, был недоволен тем, что я спрашиваю его об этом.

ГЛАВА 11

«И ЭТО ТЫ!»

Когда я учился на третьем курсе колледжа, я стал все острее и острее ощущать нарастающий во мне внутренний конфликт. Мое понимание Бога как Творца, отдельного и отличного от вселенной, созданной Им, понимание, которое было частью меня даже тогда, когда я был еще маленьким мальчиком, противоречило тому, чему учил индуизм, утверждающий, что бог был всем и что творец и творение едины. Я чувствовал, что разрываюсь между этими двумя несовместимыми взглядами. То, что я ощущал во время медитации, полностью соответствовало велическому учению о Брахмане, но то, что я видел в реальной жизни, казалось совсем противоположным. В трансе я чувствовал единство со всей вселенной и ничем не отличался ни от насекомого, ни от коровы, ни от далекой звезды. Мы все были частью единого сущего. Все было Брахманом, и Брахман был всем. «И это ты!» – говорили мне *веды*, объясняя, что Брахман был моим истинным Я, внутренним богом, которому я поклонялся, сидя перед зеркалом.

Мне было очень трудно снова включаться в повседневную жизнь после часов, проведенных в трансе. Это противоречие, конфликт, эта абсолютная непохожесть двух миров казалась неразрешимой. В высших формах сознания, в которые я входил при медитации, я, по-видимому, воспринимал реальность такой, какой она была на самом деле. Но этот мир радости и печали, боли и наслаждения, рождения и смерти, мир, наполненный конфликтами с тетей Ревати и настойчивыми

вопросами студентов Королевского колледжа, мир, в котором были святые люди, которые дурно пахли и изрыгали проклятия, и брахмачари, которые влюблялись в молоденьких девушек, – в этом мире мне приходилось жить, и я не осмеливался признать его иллюзией, если только не назвать сумасшествие истинным просветлением. Моя религия предлагала прекрасную теорию, но мне не удавалось найти ей применение в повседневной жизни.

Настоящий конфликт заключался в двух противоположных представлениях: или Бог является всем, или то, что Он создал, существует отдельно от Него. Если есть только одна реальность, то Брахман одновременно – добро и зло, жизнь и смерть, любовь и ненависть. Но в таком случае все становилось абсурдом! Нелегко совместить здравый смысл с такими представлениями. Более того, если добро и зло – это одно и то же, то и в карме не было никакого смысла. И зачем тогда быть религиозным? Это противоречило рассудку, но Госин напоминал мне, что он тоже – часть иллюзии.

Если и рассудок был майей, как учили *веды*, тогда как же я мог доверять какой-либо теории или утверждению, что все – иллюзия, и лишь Брахман – реальность? И как я мог быть уверен в том, что блаженство, к которому я стремлюсь, тоже не является майей? Чтобы согласиться с тем, чему учила моя религия, мне пришлось бы отказаться от того, что говорил разум. Но как же тогда другие религии? Если все было единым, то тогда и они были бы одинаковы. Я был полностью сбит с толку.

Вся моя надежда была на йогу. Кришна в *бхагавад-гите* говорил, что она уничтожит все невежество и человек сможет осознать, что он – бог. Порою это внутреннее ощущение восхищало и поражало меня. Я был

так близок к самосознанию, что почти мог видеть себя Брахманом. Почти, но не совсем. Я убеждал себя в том, что это так, и притворялся, что был богом, но во мне всегда был внутренний конфликт, голос, предупреждавший об опасности заблуждения. Я боролся с этим как с остатками изначального невежества и порою даже чувствовал, что был на грани победы над иллюзией. Но я не был способен преодолеть пропасть, отделявшую меня и все творение от Творца.

Я начал думать о Творце как об истинном Боге, ни в чем не похожим на многих индуистских богов, с которыми, по моему убеждению, я встречался в трансах. Во мне все более и более возрастало ощущение той разницы между ужасом, который они вселяли в меня, и чувством того, что истинный Бог должен быть любящим и добрым. Среди всех индуистских богов не было ни одного, которому можно доверять, и ни один из них не любил меня. Во мне нарастало желание познать Творца, но все чаще казалось, что мое стремление к самосознанию не приближало к Богу, а, наоборот, удаляло от него. Меня также очень беспокоило то, что, несмотря на мои попытки осознать себя Брахманом, чувство умиротворения, которого я достигал в медитации, не могло продлиться в этом мире...

– Раби Махараджа! Где тебя носит? – сказала тетя Ревати раздраженным тоном, обычным при обращении ко мне. – Я же велела тебе подмести лестницу!

Она стояла в дверях кухни и заметила меня, когда я шел из комнаты для молитв, где провел два часа в медитации. Блаженное состояние внутреннего мира, которым я так наслаждался во время короткого уединения, было прервано ее резким голосом.

Хотя такая грязная работа была немислима для брамина, я ответил:

– Я как раз собираюсь этим заняться, не кричи на меня!

– А как еще я могу обратить на себя твое внимание? Ты всегда витаешь где-то в другом мире!

– Это лучше, чем быть в одном мире с тобой! – проворчал я достаточно громко, чтобы она услышала.

– Выбирай выражения!

– Сама выбирай, – ответил я неслышно.

Подметая ступеньки, я думал про себя: «И это ты, Брахман, господь всей вселенной! Это так просто понять, когда медитируешь, но с метлой в руках?..»

– Эй, Раби, мы после обеда собираемся на пляж. Пойдешь с нами? – спросил мой двоюродный брат Кришна, с которым я тоже не всегда легко мог поладить. Сейчас он чистил кресла, стоявшие во внутреннем дворике, где я несколько недель назад кормил нищего. Положив метлу, я лениво подошел к нему.

– Может быть, и пойду, если ее королевское высочество не пожелает, чтобы я подмел еще и крышу!

– Посмотрите-ка на него! Попридержи свой язык! – крикнула тетя Ревати, оказавшаяся за моей спиной. – Возвращайся и продолжай мести лестницу, на ней еще слишком много пыли.

– Не могу же я удержать ветер, который приносит ее! – ответил я оскорбленно.

Легкий ветерок дул со стороны сахарной фабрики и снова засыпал пылью только что подметенные ступеньки. Это происходило не по моей вине. Почему она не оставит меня в покое?

– Ты лентяй! – грубо сказала она. – Ты такой же ленивый, как и твой отец!

– Как мой отец! – вырвался из моей груди гневный крик, испугавший меня самого. Никто не смеет так говорить о нем! Ненависть, таившаяся во мне, взорвалась

как вулкан. Я увидел штангу, которой раньше пользовался дедушка. Она лежала на своем месте, в одном шаге от меня. В слепой ярости, с трудом понимая, что делаю, я схватил ее за один конец, как будто это была клюшка для гольфа, и размахнулся. Когда штанга уже описывала дугу в воздухе, Кришна сделал отчаянный бросок и выбил ее из моих рук. Штанга со страшным грохотом упала, пробив бетонную плиту.

В этот момент как будто исчезли чары и вся моя нечеловеческая сила куда-то подевалась.

Казалось, что я простоял целую вечность, уставившись на побледневшее лицо тети. Ее рот застыл полукруглым, выражая безмолвный вопль. Меня трясло. Я смотрел то на штангу, то на Кришну, который стоял рядом со мной, тяжело дыша, то снова на охваченную ужасом тетю. Потом я побежал вверх по лестнице, захлебываясь рыданиями.

Я заперся в своей комнате, упал на кровать и проплакал несколько часов, не в силах поверить в то, что произошло. Мой мир был окончательно разрушен. Я уже никогда не смогу посмотреть в глаза своей тете. И вообще ни одному живому существу. Никогда!

Я был сторонником ненасилия, как Ганди, и проповедовал его среди своих молодых друзей-индуистов. Я был строгим вегетарианцем, не смог бы ни у кого отнять жизнь и всегда старался не наступать на жуков и муравьев. И вот теперь я поднял эту штангу и хотел обрушить ее на голову моей тети!

После полуночи, когда все уже спали, я тихонько вышел из своей комнаты, через кухню прокрался во внутренний дворик и нашел штангу, которая все еще лежала там, где я ее бросил. Мне было необходимо удостовериться в одной вещи. Я взял штангу обеими руками – но в этот раз уже посередине – и потянул изо

всех сил. Я не смог приподнять ее даже на дюйм! Тихо всхлипывая, я пошел назад к лестнице.

Вернувшись в комнату, я снова лег на кровать, уткнул лицо в подушку и заплакал. Откуда взялась эта невообразимая сила? Просто гнев, даже самый яростный, не был способен совершить это. Неужели мной завладел один из тех духов, с которыми я встречался в медитации? Тот, кто поднял эту штангу, несомненно, был злым. Но ведь я искал единства с Брахманом. Не был ли он столь же злым, сколько и добрым? Неужели я в конце концов сам доказал это? Неужели это и было моим истинным Я – злое существо, обладавшее огромной силой, которое в один миг сбросило с себя вуаль религиозности? Нет! Я не мог в это поверить! Я был в ужасе от того, что произошло. Но могу ли я быть уверенным, что злая сила не сможет снова когда-нибудь завладеть мною – и, возможно, с более тяжелыми последствиями?

Этот вопрос мучил меня. Кто были эти боги и духи, эти силы, которых я призывал к себе во время медитации? Были ли они добрыми, или злыми, или теми и другими, – или все было майей, и я глупо пытался придать этому хоть какой-нибудь смысл?

Я несколько дней оставался в своей комнате, отказываясь от еды. И когда я наконец решил снова взглянуть на мир – мир иллюзий, который якобы был нереальным, но доставлял мне так много бед, – я с трудом смог смотреть на него. Я почти ничего никому не говорил. Тетя Ревати избегала меня. От нее больше не поступало никаких указаний о работе по дому. Мои утренние визиты к Ма были недолгими и неестественными.

Однако, как я и надеялся, время справилось с этим ужасным эпизодом в моей жизни и окутало его пеленой давности. Тетя Ревати и я по-прежнему старались

избегать друг друга, но когда мы встречались, я все-таки мог посмотреть на нее и даже сказать ей то, что требовалось, вполне доброжелательным тоном, и она тоже не проявляла никакого чувства обиды, по крайней мере, не показывала его открыто. Но самым ужасным было то, что я теперь с трудом мог признать себя Брахманом. Появилась глубокая внутренняя неуверенность. Я не мог понять, чем или кем же на самом деле были Брахман и многие боги, которым я поклонялся. И кто же такой я сам?

На своем пути к самосознанию я был серьезно отброшен назад.

ГЛАВА 12

ПУДЖА ГУРУ

– Вокруг столько лицемеров и эгоистов! И еще все эти разговоры о самосознании...

Я стоял за дверью комнаты Ма и не решался войти. Резкие слова дяди Деонарина, которые так трудно было от него ожидать, просто шокировали меня. В моем присутствии он никогда так не разговаривал. Неужели он имел в виду меня?

– Но ведь есть так много хороших пандитов. Что ты скажешь о Бабе? – спокойно сказала Ма.

– А откуда мне знать, может, он тоже лицемер! Это касается их всех – они ничего не делают бесплатно. Ничего! – гремел гневный голос дяди.

Я никогда не предполагал, что в нем может быть скрыто столько негодования. Зачем же тогда он просил меня благословить его машину и затем настаивал на том, чтобы я взял деньги за это?

– Тебе же платят за преподавание в колледже. Почему пандиты должны работать бесплатно?

– Но ведь многие пандиты настолько богаты! Они получают так много денег – особенно от бедных. Сколько сотен пудж совершается для удачи на скачках, а сколько в результате выигрывают? Пандиты, конечно же, знают, что все победить не смогут, но деньги почему-то они берут со всех! Если бы это не совершалось под прикрытием религии, то их всех уже давно посадили бы в тюрьму за мошенничество!

– Но люди просят их совершить пуджу, и они должны это делать.

– Конечно же, это их работа. А когда большинство людей проигрывает, пандиты говорят, что это их карма, следствие того, что они поступали неправильно в своей прошлой жизни. Если полагаться на пуджи Бабы, то твои шансы попасть на небеса равны шансам выиграть на скачках!

– Тише! Ты говоришь слишком громко. Тебя может кто-нибудь услышать.

– Да, я думаю, об этом стоит услышать всему миру!

Ошеломленный нападением на самое сердце моей религии, я тихонько ушел. Мне казалось, что дядя Деонарин начинает любить индуизм, хотя и не всегда дает повод так думать. Он старался быть очень логичным, а именно это настораживало меня больше всего. Из религии невозможно сделать науку. Я должен убедить его начать ежедневные медитации. Ему поможет только это. Конечно же, Кришна прав: если занимаешься йогой, то все остальное уже не имеет для тебя никакого значения.

На следующее утро, когда мы с дядей Деонарином ехали в колледж, он, к сожалению, погрузился в утопические мечты о том, какие чудесные изменения совершит на Тринидаде прогрессивная система образования. Он был влюблен в просвещение и настолько увлечен своим монологом, что начать разговор о йоге было просто невозможно. И в этот момент я вдруг ясно увидел, насколько мы противоположны. Он любил обсуждать мировые проблемы, которые я считал просто иллюзией, с энтузиазмом говорил о том, что только массовое просвещение сможет привести Тринидад к процветанию и независимости. Как я мог обсуждать с ним то внутреннее просветление, которого достигает гуру и передает своим ученикам? Противоречие между миром, в который я переносился в медитации, и миром, в

котором мне приходилось жить, достигло в это утро какой-то критической точки. Я не мог рассказать дяде о своем внутреннем конфликте, и поэтому мне просто приходилось сидеть и слушать его.

Во время занятий, общаясь со многими ребятами разных рас и религий, я почти забывал об этом конфликте. У меня теперь было много друзей, и внешне я казался счастливым. Ребята больше не приставали ко мне со сложными религиозными вопросами. Я с большим удовольствием играл в крикет, футбол и принимал участие почти во всех спортивных состязаниях. Конечно, не обходилось без ушибов и других травм, но все это было естественно для спорта.

И вот однажды произошло нечто неожиданное. В самом разгаре игры в футбол, когда я бежал по полю, пытаясь завладеть мячом, вдруг что-то случилось. Я упал на траву, корчась от острой боли внизу живота. Вокруг меня тут же собрались товарищи.

– Почему он упал? Ведь его же никто не ударил! Что случилось? – спрашивали ребята.

– Отнесите его в тень, – сказал преподаватель.

Я, погруженный в океан боли, почувствовал руки, поднимающие меня, а затем все померкло.

Когда меня везли на машине, я видел все как во сне или в тумане. В больнице я уже перестал различать голоса и воспринимать течение времени. Последнее, что я помнил, это слова доктора о том, что если бы меня привезли на несколько минут позже, у меня был бы перитонит. Очнулся я в палате, на белоснежной постели. Боль в правом боку была еще весьма ощутима, хотя и стала слабее.

– Тебе повезло, Раби! – радостно сказал дядя Деонарин, когда пришел навестить меня на следующее утро. – Доктор считает, что твоя жизнь теперь вне опасности.

На третий день я чувствовал себя уже намного лучше, и мне даже разрешили встать и самому пойти в туалет. Когда я выходил оттуда, внезапно мой правый бок буквально разорвала нахлынувшая волна боли. Все вокруг закружилось и стало меркнуть. Стараясь не потерять сознание, я отчаянно попытался ухватиться за ручку двери, но не дотянулся до нее. В памяти промелькнула сцена со змеей на краю обрыва и то, что говорила мне Нани.

– Иисус, помоги мне! – закричал я.

Я почувствовал руку, поддерживавшую меня, хотя знал, что в туалете никого больше не было. Тьма рассеялась. Все встало на свои места. От боли не осталось и следа, и я ощущал спокойствие и силу.

Я вернулся в палату и лег на кровать, пытаюсь понять, что же произошло. Комнату наполнила странная тишина, и я заснул.

Когда я проснулся, то обнаружил, что мне на тумбочку кто-то положил маленькую христианскую брошюрку, которых я до этого никогда не видел. Она была написана Освальдом Смитом (я, конечно же, ничего о нем не слышал), и в ней рассказывалось об одном молодом человеке, который стал последователем Христа. И хотя эта история меня заинтересовала, мой ум, наполненный индуизмом, не смог воспринять сущность христианства.

Вскоре я снова забыл об Иисусе...

Каждый раз, возвращаясь из колледжа домой, я уединялся в комнате для молитв. Ровно в шесть часов вечера я с благоговением зажигал священное пламя дейи в самом центре алтаря. Перед тем как начать медитацию, я совершал арти. С маленьким колокольчиком в левой руке и с зажженной дейей, украшенной цветами, – в правой, я обходил три раза вокруг алтаря в

честь каждого божества, повторяя соответствующую мантру. И вот в один из таких вечеров случилось нечто страшное. Совершая арти перед Шивой, я нечаянно столкнул локтем статуэтку Кришны, и великий бог упал с алтаря на пол!

Содрогнувшись, я осторожно поднял маленькую латунную фигурку и с ужасом увидел, что она повреждена. Как я испугался! Я прижал Кришну к сердцу, полный раскаяния и желая объяснить богу, что мне очень жаль, хотя и знал, что никакие извинения не будут приняты. Мне не было прощения. Неизменный закон кармы говорил об этом. Расплата, которую я получу в следующей жизни, или даже в этой, будет так ужасна! Несомненно, она будет жестокой. Но если в этом маленьком идоле скрыто столько могущества, то почему же он так легко упал? Значит, фигурки богов абсолютно беспомощны и мой страх перед ними начинал казаться мне абсурдным.

Несмотря на растущий внутренний конфликт и все эти сложные вопросы, на которые я не мог ответить, каждую минуту, которая не была занята сном, учебой в колледже или работой над домашним заданием – что бывало достаточно редко, я выполнял свои религиозные обязанности. Я мог надеяться только на то, что моя верность будет отмечена и вознаграждена, хотя самосознание стало для меня уже больше мечтой, чем надеждой. Я много медитировал и все еще слышал небесную музыку, видел невероятные цвета, совершал астральные путешествия и встречался с духами. Но ощущение того, что я был Брахманом, господом вселенной, великим разумом, воплощенным во многих формах, которое существовало во мне долгие годы, сейчас оставило меня. Нирвана казалась недостижимой в этой жизни. Я боялся, что для этого потребуется

еще много перевоплощений. Но сколько? Почему будущее должно быть таким неизвестным?

Достижения моего отца казались еще более великими, чем когда-либо раньше. Ясно, что он был аватарой, а я – нет. Я решил стать великим гуру и в глазах многих уже был им. Но я не достигну нирваны в этой жизни. Я не был уверен ни в чем. Но я никогда ни с кем не смог бы поделиться своими сомнениями. Внешне я был уверен в своей религии, и индуисты все больше и больше почитали меня.

К концу третьего года моего обучения в колледже Нани и тетя Ревати пригласили к нам в дом многих соседей и родственников, чтобы совершить особую пуджу. Все гости старались выразить мне свое уважение и сказать что-нибудь хорошее о моем отце. Они превозносили мои заслуги, с обожанием смотрели на меня, и я снова подумал о том, что стану йогом, который принесет славу нашему городку, гуру, собирающим вокруг себя много последователей. Мои внутренние конфликты были забыты. И хотя мне еще не было пятнадцати лет, я знал, что добился высокого положения среди индуистов. Это давало мне твердую уверенность в том, что я не был в числе тех лицемеров, которых критиковал дядя Деонарин.

Церемонию совершал Баба, мой духовный наставник и вдохновитель, признанный на всем Тринидаде индуистский лидер. Я с гордостью помогал ему, и это было для меня значительным событием.

Перебирая яркие цветы в гирлянде, украшавшей мою шею, я стоял около алтаря. Одна из соседок положила к моим ногам несколько монет и склонилась, ожидая благословения. Я знал, что она была бедной вдовой и зарабатывала жалкие гроши тяжелым ежедневным трудом. Те приношения, которые я получал за

одну церемонию, во много раз превышали ее месячный заработок. Но если сами боги установили это правило – давать брамину деньги, и *веды* говорили, что это приносит большую пользу, то почему я должен чувствовать себя виноватым? У меня в памяти отчетливо всплыли гневные слова дяди Деонарина: «Это касается их всех, они ничего не делают бесплатно... они получают так много денег – особенно от бедных!» Я с чувством неловкости посмотрел на ее монетки.

Конечно же, я мог многое дать ей взамен и уже протянул руку, чтобы прикоснуться к ее лбу, но вдруг услышал голос, сказавший мне: «Ты не бог, Раби!» Моя рука застыла в воздухе. «Ты... не... бог!» Я был сражен.

Я инстинктивно почувствовал, что эти слова сказал мне истинный Бог, Творец вселенной, и задрожал. Притворяться, что я благословляю эту женщину, было бы наглым обманом. Я знал, что должен упасть к святым ногам истинного Бога и умолять его о прощении – но как объяснить это всем присутствующим?! Я резко повернулся и стал пробираться через толпу, оставив бедную женщину в полной растерянности. Зайдя в свою комнату, я запер за собой дверь, дрожащими пальцами разорвал висевшую на шее цветочную гирлянду, бросил ее на пол и, рыдая, упал на кровать.

Ма видела все это и смотрела мне вслед с состраданием и добротой, которых я не заслуживал. Уже около месяца я не разговаривал с ней. Однажды она спокойно попыталась убедить меня, что я должен извиниться перед тетей. Она считала, что произошедшее было результатом моей уверенности в собственной праведности, проявлением эгоизма. Я не поддался на уговоры Ма. Более того, я выбежал из ее комнаты, крича, что никогда больше не буду с ней разговаривать. Она послала ко мне моих двоюродных братьев и сестер, одного

за другим, они приносили от нее фрукты и подарки и говорили, что она умоляет меня о примирении, но я отвергал все предложения. Эти горькие воспоминания мучили меня, когда я лежал на кровати, пораженный словами истинного Бога. Мое сознание было разрушено: ведь я осмелился принимать поклонение, которого достоин только Он один. Весь мой мир гордыни раскололся на кусочки.

Я хотел попросить у Бога прощения за то, что так плохо обращался с тетей, и Ма, и со многими другими людьми, а больше всего я раскаивался в том, что крал у Него поклонение людей, которое было предназначено только Ему. Но я не знал, как к Нему обратиться, и, очевидно, мне не будет никакого прощения. Закон кармы накажет меня. Те преступления, которые я совершил, сделают мое следующее воплощение наихудшим. Может быть, для того, чтобы снова достичь касты браминов, мне потребуются тысячи или миллионы перевоплощений. Кто мог поведать мне о том горестном пути, который предстояло совершить, чтобы снова взобраться так высоко?

Но встретиться лицом к лицу с моим настоящим было еще больше, чем думать об ужасающем будущем. Я никогда не смогу больше принимать поклонение ни от одного живого существа. Как мне избежать этого? И как я вообще смогу найти в себе силы признать публично перед теми, кто поставил меня на пьедестал, что я был всего лишь вором, который крал славу, принадлежавшую только Единому Богу, бывшему над всеми нами? Я не мог даже представить себе, как смогу выйти из комнаты и снова увидеть людей. Они не поверят мне, если я скажу им, что ни один человек не является богом и не достоин поклонения. И неужели я смогу им признаться, что узнал о себе такую

горькую правду? Я не смогу преодолеть этот стыд. Но я также не мог больше жить ложью. Я видел только один выход – самоубийство. Снова и снова я возвращался к мысли, что, по-видимому, у меня нет иного пути. Я не мог точно представить, как это повлияет на мое следующее воплощение, но настоящего я боялся гораздо сильнее.

День за днем я не выходил из своей комнаты. Я ходил взад и вперед, заламывая руки, затем в изнеможении падал на кровать, чтобы забыться на короткое время беспокойным сном, а потом снова измерял комнату шагами или сидел на кровати, подперев голову руками. Иногда я плакал, жалея о том, что вообще родился на свет. В моей жизни все было не так, как надо. Мне всегда недоставало любви, нежности и заботы родителей. Мой отец никогда не разговаривал со мной и умер, когда я был еще совсем ребенком. Я столько лет не видел своей матери. И я еще когда-то гордился тем, что у меня хорошая карма! Но почему же она так ужасна? Ведь совершенно несправедливо наказывать меня за мои прошлые жизни, из которых я не мог вспомнить ни одного эпизода, несмотря на то, что очень старался и даже иногда притворялся, что могу.

На протяжении этих долгих часов одиночества я все больше углублялся в воспоминания о своем прошлом и не мог понять: как я мог быть настолько слеп? Как могла корова или змея – или даже я – быть богом? Как могло творение сотворить само себя? Как могло все на свете быть одной и той же божественной сущностью? Ведь мы же знаем, что есть разница между личностью и предметом, несмотря на то, что говорили *веды*. Если я имею ту же сущность, что и сахарный тростник, то, значит, между нами нет никакой разницы, – но это абсурдно!

Единство всего сущего, которое я познавал во время медитации, теперь казалось нелепостью. Я просто был ослеплен своей гордыней. Я настолько хотел быть господом вселенной, что верил чему угодно. Что могло быть отвратительнее? Я был наихудшим лицемером!

Когда-то я думал, что совсем скоро достигну самознания, а теперь все больше и больше обвинял себя во всех грехах. Я вспомнил все украденные мною сигареты, всю ложь, исходившую когда-либо из моих уст, всю мою горделивую и самовлюбленную жизнь, всю ненависть, с которой я относился к моей тете. Несколько раз я даже желал ее смерти, хотя сам всегда проповедовал ненасилие. И все мои добрые дела никогда не смогут перевесить это зло. Я ужасался при мысли о перевоплощении, уверенный, что карма сбросит меня на самое дно, на самый низ лестницы. Как я хотел найти способ обратиться к истинному Богу и сказать Ему о том, насколько я раскаивался! Может быть, Он сжалятся надо мною. Но в этом не было никакого смысла, ведь карму нельзя изменить.

Сейчас я боялся пускаться в астральные путешествия, несмотря на то, что раньше это доставляло мне радость, но я не знал никакого иного способа познать Бога. Моя религия, опыт, занятия медитацией – все говорило мне, что я смогу найти истину только лишь заглянув в себя, и я снова попытался это сделать. Однако это ни к чему не привело. Вместо того, чтобы найти Бога, я только разворошил осиное гнездо зла и почувствовал свою полную испорченность. Мои страдания усилились, и вина и стыд стали для меня невыносимой ношей.

Если я не смогу найти Бога в самое ближайшее время, мне придется совершить самоубийство, несмотря на то, что последствия такого малодушия будут ужасными. Я больше не мог жить без Бога...

Однако я боялся отнимать у себя жизнь, зная, что это испортит следующее воплощение. Будущее казалось темным и безрадостным. Мне необходимо было как-нибудь спасти свой рассудок.

На пятый день я вышел, помылся, немного поел и, ничего никому не сказав, вернулся в комнату. Но впервые я оставил свою дверь открытой. Это было маленьким знаком к примирению, и я надеялся, что семья поймет его правильно. На большее я пока еще не был способен.

ГЛАВА 13

КАРМА И БЛАГОДАТЬ

– Раби, к тебе пришли, – сказала Шанти, войдя ко мне в комнату.

– Кто?

– Моя подруга из школы. Она хочет с тобой поговорить.

В гостиной меня ждала девушка лет восемнадцати. Я остановился в дверях, вопросительно глядя на нее. Увидев меня, она быстро встала и на ее лице зажглась яркая искренняя улыбка, шедшая откуда-то изнутри. «Вряд ли она много понимает в жизни, – подумал я, – если так счастлива.»

– Привет, Раби, меня зовут Молли, – мягко произнесла она. – Я много слышала о тебе и захотела поговорить.

– Да? О чем? – спросил я нетерпеливо и добавил: – Садись, пожалуйста.

У меня не было для нее времени. Что ей нужно? Почему Шанти не осталась с ней? Она, наверное, ушла на кухню.

– Я узнала, что ты очень религиозен, и захотела с тобой познакомиться.

Она попросила меня немного рассказать о себе и о том, насколько полноценной я нахожу свою религию. Пытаясь скрыть внутреннюю пустоту за многими словами, я солгал ей, сказав, что вполне счастлив и что моя религия истинна. Она терпеливо выслушивала мои помпезные и даже высокомерные заявления. Без каких бы то ни было споров она выявляла мою опустошенность своими тактичными, умными вопросами.

В конце концов она спросила:

– У тебя в твоей религии есть какая-нибудь конкретная цель?

– Да, – ответил я, – я хочу стать ближе к Богу.

– А ты знаешь Его?

– Да! – солгал я, пытаюсь скрыть неуверенность.

Я верил, что истинный Бог существует, но не имел о Нем ни малейшего представления, не знал ни одной мантры, связывающей с Ним, и не мог встретить Его в медитации.

– А ты тоже индуистка?

– Нет, я была ею, но сейчас я христианка.

– Кто?! – ужаснулся я.

– Христианка. Я поняла, что можно узнать Бога и стать ближе к Нему только через Иисуса Христа.

– А я верю, что могу приблизиться к Богу только с помощью моей религии! – страстно крикнул я, в душе понимая, что опять лгу.

Ведь на самом деле я понял, что чем ближе я подхожу к индуистским богам, тем дальше отхожу от истинного Бога, которого искал. Но я никогда никому не признался бы в этом – особенно христианам! Многие из тех, кого я знал, называвшие себя христианами, вели такую жизнь, что я не хотел иметь ничего общего с их религией.

Я встал со стула, чтобы закончить разговор. Мне казалось, что мы не можем понять друг друга. Но она очень тихо и спокойно сказала такие слова, которые заставили меня сесть обратно:

– Библия учит, что Бог – это любовь. И я бы хотела рассказать тебе о том, как узнала Его.

Я был ошеломлен. За все те годы, которые я изучал индуизм, я ни разу не слышал ничего подобного.

– Из-за того, что Он любит нас, Он хочет приблизить нас к Себе.

Это потрясло меня. Я как индуст хотел приблизиться к Богу, а она говорила мне, что Бог с любовью сам пытается сделать нас ближе к Себе!

– А также Библия говорит о том, что грех мешает людям не только стать ближе к Богу, но и вообще познать Его. Поэтому Он послал Христа умереть за наши грехи. И если мы поймем это, то получим прощение и сможем познать Его.

– Эй, подожди-ка! – перебил я Молли.

Похоже, что она пыталась обратить меня в свою веру. Нужно было возразить ей.

– Я верю в карму. Что ты посеешь, то ты и пожнешь, и никто не сможет это изменить. Я не верю ни в какое прощение. Это невозможно! Что сделано, то сделано!

– Но Бог может все, – сказала Молли уверенно. – И Он дал нам путь прощения. Иисус сказал: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.» Иисус и есть этот Путь. И так как Он умер за наши грехи, Бог может простить нас!

Это я уже отказывался принять. Я всегда настаивал на том, что индуизм был единственным путем, но при этом я спорил с *гитой*, в которой говорилось, что все пути ведут к одному и тому же и что бы человек ни делал (даже без какой бы то ни было религии), карма и перевоплощения неизменно приведут его к Кришне. Но разве согласиться с тем, что Кришна – это всеобщая судьба, было легче, чем с тем, что Христос – это единственный путь? И был ли Кришна тем, кого я искал? Нет. В сердце своем я знал, что он не был тем истинным богом, которого я хотел узнать. Но я был слишком горд, чтобы признать это, и продолжал спорить, защищая многие противоречия индуизма, пытаясь при этом сохранять уверенный вид. Несмотря на ее терпение – или из-за него, – я не смог сдержать себя и начал

яростно жестикулировать и повышать голос, решив ни за что не стать переубежденным этой девушкой. Но она была так спокойна и казалась настолько уверенной в своих отношениях с Богом, что в конце концов мне захотелось выведать у нее этот секрет.

– А почему ты так счастлива? – неожиданно спросил я. – Ты, наверное, много времени проводишь в медитации!

– Я раньше занималась ею, – ответила Молли, – но перестала. С тех пор, как я пригласила Иисуса в свою жизнь, Он полностью изменил меня. Он дал мне радость и мир, которых я не знала до этого.

Затем она посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

– Раби, ты выглядишь не очень-то счастливым. Я права?

– Я совсем несчастлив. Я бы так хотел быть таким же радостным, как ты.

Неужели это сказал я? Я думал, что никогда не смогу даже Ма рассказать об этом, – и вот сейчас я проговорился незнакомому человеку. Могла ли она помочь? Ведь мне нужно было больше, чем радость. Я хотел знать Бога!

– Сам ты не сможешь стать по-настоящему радостным, – сказала Молли. – Если нет серьезной причины, то радость долго не продлится. Я счастлива оттого, что мои грехи прощены, и это изменило всю мою жизнь. Мир и радость дает Христос, когда мы узнаем Его.

– Перестань постоянно говорить об Иисусе! – перебил я ее нетерпеливо. – Он просто один из богов, такой же, как все остальные, да к тому же еще и христианский Бог. А я хочу знать истинного Бога, Творца всей вселенной!

– Так ведь Иисус и есть именно Он!

Молли была необычайно спокойна и говорила с твер-

дой уверенностью. Мое состояние было абсолютно противоположным. Я никогда не мог относиться к индуистским богам так, как она относилась к Иисусу – будто Он был ее другом и сидел тут же, в комнате, рядом с нею.

Мы полдня разговаривали, не замечая, как летит время. Я спорил, порой выходя из себя и даже повышая голос. За последние месяцы я все чаще и чаще терял самообладание. Несмотря на это, Молли оставалась спокойной и невозмутимой. Я продолжал описывать ей индуистских богов во всем их великолепии, блистал своим знанием древних философов, но все это не могло сравниться с тем, что чувствовала она сама. Я жаждал ее мира и радости, но не собирался уступить хоть в чем-нибудь, касавшемся моей религии! И хотя она этого не говорила, было понятно, что если я поверю в то, что Иисус был Богом, умер за меня и мог простить мои грехи, то вся моя прошлая жизнь лишилась бы всякого смысла.

– Ну, мне пора, – сказала она и встала, чтобы уйти.

Я вдруг почувствовал себя оскорбленным. Я, брамин, снизошел до того, чтобы разговаривать с женщиной, предавшей свою религию и пытающейся заставить меня сделать то же самое!

– Я ненавижу христиан! – закричал я. – Я никогда не стану христианином – даже на смертном одре! Я был рожден индуистом, и я умру индуистом!

Она посмотрела на меня с состраданием:

– Перед тем, как сегодня лечь спать, Раби, пожалуйста, встань на колени и попроси Бога открыть тебе истину, а я буду за тебя молиться!

Она помахала мне рукой на прощанье и ушла.

Через открытую дверь я видел, как солнце опускалось над водами залива. Скоро оно закатится за Пунта

Пенас – гору на севере Венесуэлы, и землю быстро покрывает ночная тьма. Я посмотрел на свои руки и увидел, что они были сжаты в кулаки так, что ногти врезались в ладони.

Вернувшись к себе в комнату, я стал шагать взад и вперед, чувствуя, как во мне сражались две армии. Никогда еще мой внутренний конфликт не доходил до такого состояния. Мне казалось, что предстоит сделать выбор между жизнью и смертью, и я был буквально раздираем на части теми силами, которые тянули меня в противоположные стороны. После разговора с Молли во мне появилось твердое убеждение, что этот истинный Бог абсолютно свят и чист. Как же Он сможет общаться со мной? Я в полной мере познал всю черноту своего сердца и, в конце концов, пришел к выводу, что все мои священные купания, и пуджи, и йога не смогут изменить меня.

Как было бы замечательно, если бы то, что говорила Молли, оказалось правдой! Тогда я смог бы надеяться, что Бог простит меня и допустит к Себе. Я хотел в это поверить, но Иисус – христианский Бог, а я никогда не стану христианином. Но если я останусь в том же положении, что сейчас, то не смогу жить! Я боролся за самосознание, но понял, что безнадежно потерял себя. От самоубийства меня удерживал только страх перед тем, что будет после смерти.

Молли говорила, что Бог любит меня и что она познала на себе Его любовь. Я завидовал ей и ненавидел ее за то, что она была христианкой. Гордость требовала, чтобы я не соглашался ни с одним ее словом, но мое положение было слишком безнадежным, и я старался только не упасть в собственных глазах. Я стал молиться, осознавая, что этим самым поддаюсь на ее уговоры. Молилась ли она сейчас за меня?

– Бог, истинный Бог и Творец, умоляю, пожалуйста, открой мне истину! Пожалуйста!

Это была моя последняя надежда.

Вдруг внутри меня что-то произошло, и я впервые в жизни почувствовал, что моя молитва услышана истинным Богом, Который любит меня и заботится обо мне.

Слишком усталый, чтобы думать, я упал на кровать и моментально заснул. Последнее, что я помню, – это твердая уверенность в том, что Бог услышал меня и ответит на мою молитву.

ГЛАВА 14

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

– Эй, Раби!

На кухню, где я разговаривал с тетей, готовившей ужин, зашел Кришна. Его манеры и внешний вид очень изменились за последнее время. Казалось, он был рад тому, что нашел меня.

– А ты знаешь, что для того, чтобы попасть на небеса, тебе нужно родиться свыше? – спросил он.

– Да, конечно. Я собираюсь родиться коровой. Вот это и есть мои небеса.

Но честное и открытое лицо Кришны остановило мою саркастичную реакцию. Он держал в руке маленькую книжку и листал страницы, пытаясь найти что-то.

– Это сказано в Библии. Я сейчас покажу тебе. От Марка... от Луки... от Иоанна... Вот, это здесь, третья глава. Послушай! «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Что ты на это скажешь?

Я не знал, что и подумать. Был ли это тот же Иисус, о котором мне давным-давно говорила Нани и Которого Молли называла истинным Богом, умершим за наши грехи? Наверное, это Он!

– Дай посмотреть! – сказал я, чувствуя странное волнение.

Кришна протянул мне книжку. По мере того как я читал, я начал понимать, что *это* и было мне нужно все три недели после разговора с Молли. Мой прежний мир полностью рухнул, но все встало на свои места. Родиться свыше! Именно это мне и необходимо! Я

очень хорошо понял, что имел в виду Иисус. Он говорил не о перевоплощении, дающем человеку новое тело, а о духовном рождении, которое изменяет человека изнутри.

Теперь я был действительно взволнован. Почему же я раньше не понимал этого? Перевоплощение дает *все* лишь новое тело, но мне нужно совсем не это. Я не мог представить себе лучшее воплощение, чем то, в котором нахожусь. Я родился в высшей касте, в богатой семье, сыном йога, имел все возможности получить образование и религиозное обучение – и не достиг того, к чему стремился. Наивно было предполагать, что я смогу исправиться, возвращаясь в этот мир в других телах...

Каждый новогодний вечер я, как и многие другие, принимал решения на предстоящий год. И всегда на первом месте в этом списке стояло решение бросить курить. Мой кашель становился все сильнее и сильнее, но я не мог остановиться. В первый день нового года я верил, что исправлюсь, но уже на следующий день снова возвращался к старым привычкам. Проходило совсем немного времени, и мой несносный вспыльчивый характер снова давал о себе знать – особенно после того, как я пытался найти успокоение в медитации. Что-то неправильное скрывалось во мне самом, и просто смена тела не решит этой проблемы.

Как бы замечательно было, если бы Бог не только простил меня, но и помог мне измениться! После того как я попросил Бога открыть мне истину, я постепенно начинал видеть себя в ином свете. Раньше я думал, что мир вращается вокруг меня и каждый должен подстраивать свою жизнь под мои желания и обращаться со мной, как с богом. Я был настоящим тираном и, конечно же, не был богом! И никогда им не стану. Для меня

было огромным облегчением осознать все это. Я больше не хотел быть богом, но и не мог оставаться в том положении, в котором находился. Я хотел стать новым человеком. И если Христос не сможет полностью изменить меня, тогда мне незачем было Его прощение.

Раньше я стремился к разным мистическим ощущениям как к средству избежать суеты повседневной жизни, которая называется майей – иллюзией. Но сейчас я нуждался в силе, чтобы прямо смотреть в лицо судьбе и идти тем путем, который предназначал мне Бог. Я хотел ощутить глубокие перемены в самом себе, а не просто спокойствие во время медитации, которое быстро сменяется на гнев и раздражение. Мне нужно было получить новое рождение – духовное, а не телесное...

За ужином все говорили о письме от Лари, из Канады, где он изучал философию в университете Мак-Гилл после того, как получил самый высокий балл на кембриджских экзаменах. Мы гордились им и хотели поскорее узнать о его дальнейших успехах. Потом беседа перешла на будущее Кришны, и дядя Деонарин настаивал на том, чтобы он пошел по стопам Лари. Возможно, ему удастся получить стипендию в университете, в Лондоне. Я был слишком занят своими мыслями и не принимал участия в семейных разговорах. Мне нужно было сказать им нечто очень важное, и я все пытался подобрать нужные слова. Меньше чем через неделю мне исполнится пятнадцать лет. Какой подходящий день для того, чтобы получить новое рождение!

Все уже встали из-за стола, а я еще колебался. Дядя Деонарин и Кришна приготовились отнести Ма в гостиную. Мне необходимо было сказать им все сейчас, но я боялся. Ну, ладно, самое главное я сообщу потом.

– Ма!

– Да, Раби?

Подумала ли она, что я внял ее мольбам о примирении? Или просто сам смягчился?

– Я не хочу, чтобы праздновали мой день рождения.

– Раби! – воскликнула Шанти. – Ты что, серьезно?

– Почему, Раби? – тихо спросила Ма. – Ты же знаешь, как все мы каждый год ждем этого дня.

В ее глазах было столько любви и грусти! Несомненно, она подумала, что моя просьба вызвана размолвкой между нами.

– Нет, вы, может быть, неправильно меня поняли, – сказал я. – Я просто хочу, чтобы в этом году все было по-другому.

Никто больше не возражал. Мое слово было законом, когда дело касалось всех религиозных и праздничных церемоний.

Как долго тянулось время! Наконец-то наступил мой день рождения. Я даже близко не подходил к комнате для молитв, где, по обыкновению, проводил большую часть дня. Наверное, семья удивится этому, но я боялся объяснять причину таких изменений. Я собирался пригласить Иисуса войти в мою жизнь и хотел получить рождение свыше.

Однако, несмотря на принятое решение, у меня не хватало храбрости выполнить его. Что подумает обо мне моя мать, если я стану христианином? А все пандиты, которые учили и наставляли меня, и все индуисты, которые поклонялись мне и верили, что я помогу им получить лучшее воплощение? Как мог я всех их предать? Что скажет Госин и соседи, которые ставили меня в пример своим детям?

В тот момент, когда я попрошу Христа стать моим Господом и Спасителем, я потеряю все: браминскую касту, статус молодого йога, благословение индуистских богов, доброе отношение моей семьи. Я сразу же

буду исключен из индуистского общества и стану ниже, чем низшая каста. А что если после всего этого Иисус не простит меня и не поможет мне? А вдруг через Него я не смогу узнать Бога? Мог ли я рисковать столь многим, если не уверен в результате?

Так пришел и прошел мой день рождения, день, в который я хотел быть рожденным свыше, но все еще боялся открыть свое сердце Иисусу. И в тот вечер, ложась спать, я чувствовал себя несчастнее, чем когда-либо до этого.

ГЛАВА 15

СМЕРТЬ ГУРУ

– Намахсте, намахсте, йог Рабиндранат Махараджа!

Я поднял глаза от книги Бертрана Рассела «Почему я не христианин» и увидел высокую тощую фигуру Бхаджу Радхая Говинды, который почтительно склонился передо мной, а затем медленными шагами стал отходить назад. Я с удовольствием заметил, что он никак не сможет попасть на ту часть веранды, где я сидел, если не пройдет через весь дом. А если он окажется внутри, то, несомненно, начнет разговаривать с Ма или тетей и уже не доберется до меня. Он был давним другом нашей семьи и жил неподалеку от нас, у залива Кали. Говинда часто приходил к нам и любил беседовать со мною об индуизме, но сейчас у меня совсем не было настроения для этого. В ярко-оранжевом дхоти, с длинными волосами и седой бородой, он был похож на индуистского святого. Говинда целиком и полностью вжился в эту роль и тщательно разыгрывал ее с соответствующими атрибутами, хотя действительно был настоящим индуистом. Я поклонился ему в знак приветствия, глядя с улыбкой, как он взбирается вверх по ступенькам, ударяя по каждой из них массивной тростью, которую носил не столько по необходимости, сколько для того, чтобы выглядеть эффектнее. Говинда, распевая, как обычно, высоким голосом мантры, скрылся внутри дома.

Книга «Почему я не христианин» разочаровала меня. Я взял ее в библиотеке колледжа и надеялся, что она поможет мне. Но аргументы Рассела были слабень-

кими и противоречивыми, и чем больше я читал о том, почему он не стал христианином, тем больше понимал, что *должен* им стать – этого требовали факты. Я отложил книгу в сторону и посмотрел на покрытое белыми облаками небо, давая отдых глазам и погружившись в размышления. Сколько еще я буду отказываться принять Христа, зная, что Он на самом деле является истинным Богом, Спасителем, умершим за мои грехи? Я был жалким человеком, боящимся потерять свое положение в индуистском обществе и уважение в семье. Но разве истина и мои отношения с Богом не были гораздо более важными? Конечно же, были, но я все еще боялся.

На веранде появился Кришна и взволнованно сказал:

– А, вот ты где, Раби. Я тебя искал. Сегодня вечером в Руэве будет одно собрание, на которое, по-моему, тебе стоит сходить.

– Что за собрание?

– Собрание небольшой христианской группы. Они будут объяснять Библию.

В последние дни Кришна очень изменился. Он был радостным, и с ним стало легко общаться. И вот сейчас он звал меня на христианское собрание. Неужели он подозревал, что творится у меня в душе? Как мне хотелось пойти! Но что будет, если меня там увидят мои знакомые? Тогда могут поползти разные слухи.

– Ну как, Раби? Было бы здорово, если бы ты пошел. Я выхожу в полседьмого.

– А почему бы и нет? – сказал я, к своему собственному удивлению. – Да, почему бы и нет!

На пути к Руэве к нам с Кришной присоединился Рамкаир, его новый друг.

– А ты знаешь, что будет на этом собрании? – спросил я его, желая подготовиться заранее.

– Совсем немного, – ответил он, – я ведь недавно стал христианином.

– Христианином? – спросил я, не веря своим ушам. – А скажи мне, Иисус действительно изменил твою жизнь?

Рамкаир широко улыбнулся:

– Ну конечно же! Теперь все совсем по-другому!

– И ты узнал Бога?

– Да, после того, как я попросил Иисуса войти в мое сердце.

– Это правда, Раб! – радостно добавил Кришна. – Я тоже стал христианином, всего несколько дней назад.

Он первый раз назвал меня так, как называли близкие друзья.

– Я так и думал! – воскликнул я.

К моему удивлению, я был рад за него. А потом радость вдруг сменилась настоящей паникой. Что творилось в последнее время с индустрами? Молли, Рамкаир, и вот теперь Кришна! Я ни разу в своей жизни не слышал ни о чем подобном! Неужели я был следующим?

Примерно через час мы дошли до окраин Кувы и свернули на короткую узкую улочку в бедном квартале. Об асфальте здесь уже давно никто и не мечтал. То, что осталось с давних времен, совсем растрескалось и расколослось, и трещины заросли травой. На этой улочке было всего три дома, и я сразу обратил внимание на самое бедное, ветхое строение, уже долгие годы нуждающееся в ремонте, со всех сторон заросшее бурьяном. Оно было покрыто ржавой крышей, которую, видимо, никогда не красили. Еле проглядывала бледная надпись: «Дом Сердца и Руки» – отголосок лучших времен. Не было никакого объявления о том, что здесь проходили собрания, но громкое пение, очень вдохновенное, разлива-

лось из открытых окон, не оставляя никакого сомнения, что мы пришли именно в то место, куда нужно.

С трудом сдерживая волнение, я неуверенно поднялся по разбитым бетонным ступенькам и вошел в дом. К моему удивлению, там было немногим больше десяти человек, а весь оркестр, который я представлял себе, слыша с улицы звуки музыки, состоял всего лишь из одной девочки лет шести (которая, как я узнал позже, была дочкой пастора), игравшей на маленьком дешевом тамбурине. Так мало людей – и какой энтузиазм! Я никогда не слышал такого пения.

Группа христиан состояла из нескольких индусов и негров вместе с подростками и детьми. И хотя я никого здесь не знал, но был уверен, что все знают меня и расскажут своим соседям-индуистам о том, что я приходил на христианское собрание. Остаться незамеченным в такой маленькой группе было просто невозможно. Я подумал, что надо действовать решительно, и пошел вперед по узкому проходу между пустыми деревянными скамейками, следом за мной – Кришна и Рамкаир. Я видел, как люди поворачиваются к нам с радостным удивлением, как они тихонько подталкивают при этом друг друга локтями. Но я невозмутимо прошел и сел на самой первой скамейке. Маленький хор с вдохновением пел:

*Он шел на Голгофу – Он шел за меня,
Он шел за меня, Он шел за меня.
Весь путь на Голгофу прошел за меня,
И умер Он, освобождая меня.
Хотя безнадежным я грешником был,
Грехи мои Он искупил и простил.
Весь путь на Голгофу прошел за меня,
И умер Он, освобождая меня.*

Это была первая в моей жизни христианская песня, которая заинтересовала меня. Голгофа – это, наверное, место, где Иисус умер за грехи мира, а значит, и за мои грехи тоже. В их пении было столько чувства – они, должно быть, очень любят Иисуса!

Маленькая девочка, игравшая на тамбурине, посмотрела на нас и застенчиво улыбнулась. Все присутствовавшие продолжали петь эту песню. Я немало удивился, когда заметил, что мы тоже присоединились к поющим, захваченные их энтузиазмом. На индуистских церемониях пение было обычным делом, но оно никогда не было наполнено такой радостью, как у этих христиан.

Девочка подняла свой тамбурин вверх, и все замолчали. Затем она ударила в него, и все начали новую песню. Слова повторялись, и я снова стал подпевать. Трудно было сдерживать свои чувства, если то, что пелось в песне, было правдой!

*Прекрасен и дивен Господь Иисус,
Всесильный Князь Мира, Советник и Друг!
Меня Он избавил от скорбей и мук,
Позора, стыда и греха моего.
Прославьте великое имя Его!*

Проповедь еще не началась, но я уже узнал очень многое. Отношения христиан с Иисусом были так непохожи на ритуальные умилоствления богов на индуистских церемониях! Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь назвал индуистского бога «прекрасным» или «советником». И конечно же, никто не станет так петь о Шиве, или о Кали, или об их сыне Ганеше, получеловеке и полуслоне. И они называли Иисуса – Князем Мира! Неудивительно, что Молли больше не нуждается

ся в занятиях йогой для того, чтобы в сердце был мир. Слова этой простой песни загорелись огнем в моей душе. Иисус спасет меня и оградит от греха! Истинно, это было благой вестью! Видимо, люди на собственном опыте убедились, что все, о чем они поют, было правдой, а иначе они бы не пели с таким воодушевлением и такой радостью.

Вскоре пришли еще несколько человек, и теперь нас было около пятнадцати. Девочка села на свое место, а вперед вышел молодой человек, которого я не сразу заметил.

– Добро пожаловать всем тем, кто пришел сегодня на наши евангельские встречи, – сказал он улыбаясь. – Пожалуйста, откройте в ваших сборниках гимн номер десять, последний.

Я не мог поверить своим глазам! Я узнал в этом молодом проповеднике Абдул Хамида, мусульманина, одного из самых отпетых хулиганов в школе, которого я очень не любил. Но сейчас он выглядел совсем другим! А гимн, который он предложил спеть, поразил меня еще больше, особенно припев:

*Горит огнем в душе моей любви Иисуса свет,
Горит, сияет радостно, ему предела нет.
Сияет ослепительно в душе моей со дня,
Когда Господь мой Иисус нашел и спас меня,
Когда омыл мои грехи в своей святой крови,
С тех пор во мне горит как солнце свет Его любви.*

Как глубоко задели меня эти слова! Несмотря на то, что каждый день я поклонялся солнцу, внутри оставались темнота и холод. А эти люди пели о солнечном свете в их душе. И притом это был свет любви! Я не мог скрыть своего удивления и восхищения. Свет люб-

ви Иисуса сияет в самой душе! А у меня не было никакой любви, о которой я мог бы петь. Я ненавидел многих людей, несмотря на свою религиозность. Я знал, что многие индуистские «святые» скрывали в своих сердцах немало обиды и злобы, а в отношениях между пандитами царила зависть и неприязнь. И конечно же, индуисты ненавидели представителей других религий и убили сотни тысяч мусульман в Индии. Но эти христиане пели о любви Иисуса, которая жила внутри них и была такой чистой, светлой и, главное, настоящей, что они сравнивали ее с солнечным светом. И я хотел, чтобы у меня в душе был такой же свет!

После того как все спели еще несколько гимнов, вперед вышел проповедник, а по рядам пустили небольшую тарелку для пожертвований. Я положил на нее мелкую монетку и услышал, как звякнуло еще несколько монет. Насколько несравнимо это было с тем, что я собирал во время пуджи! Наверное, проповедник сейчас возмутится.

Но как же я ошибался! Когда деньги были собраны и принесены проповеднику, он закрыл глаза и начал молиться:

– Мы от всего сердца благодарим Тебя, небесный наш Отец, за те благословения, которые Ты даешь нам по милости Твоей. Помоги нам использовать эти деньги осмысленно и с молитвой в служении Тебе для Твоей славы. Мы молим Тебя во имя Иисуса. Аминь.

Я чуть не рассмеялся, услышав, что он собирался использовать эти несколько монет «осмысленно и с молитвой». Что бы подумал какой-нибудь пандит, если бы ему предложили использовать те деньги, которые он собирал во время пуджи, для прославления Ханумана или любого другого бога? Он потратит их так, как ему заблагорассудится. Насколько же жадным и ме-

лочным я был по отношению к тем деньгам, которые дарили мне люди! Рамкаир тихо сказал, что Абдул Хамид, у которого есть жена и трое детей, ушел с хорошо оплачиваемой работы учителя, чтобы стать бесплатным пастором. Я был не в силах понять такое.

Темой проповеди был двадцать второй Псалом. Абдул Хамид говорил очень просто, и его слова проникали в самое сердце. Он говорил с глубоким убеждением, с какой-то духовной силой, которую я раньше никогда не ощущал. Каждое его слово относилось непосредственно ко мне. Я был удивлен, откуда этот человек мог знать о моих внутренних противоречиях, переживаниях и конфликтах? Ведь он не знал о том, что я приду!

Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться.

При этих словах что-то дрогнуло во мне. Я вдруг почувствовал, что истинный Бог и Пастырь зовет меня к себе, хочет, чтобы я стал одной из его овец. Но другой голос во мне спорил буквально со всем, что говорил проповедник. Он предупреждал меня, что я могу потерять все, и напоминал, какой престиж и какую славу я обрету, если стану великим пандитом, таким, как Джанкхи Прасад Шарма Махараджа. Сердце моей матери будет просто разбито! Как могу я опозорить доброе имя моего отца? Эти два голоса спорили во мне, но голос, призывавший меня к Доброму Пастырю, говорил с любовью, а другой голос был груб, коварен и угрожал мне. Но ведь истинно, что тот Пастырь, о Котором говорил Псалом, был Богом, Которого я искал! Даже если я потеряю все на свете, так ли это будет ужасно? Ведь если Сам Творец станет моим Пастырем, в чем еще я буду нуждаться? Если Он смог создать всю вселенную, неужели Он не сможет позаботиться обо мне?

Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Каким виноватым я себя чувствовал, и насколько же тщетными были все мои прежние попытки очистить свою душу! После тысяч святых омовений я по-прежнему остался грешным внутри. Но этот Бог обещал привести меня к истинной праведности, а не такой, когда я гордился тем, какой я хороший, или пытался исправить свою карму для лучшего воплощения. Он простит меня, и я смогу принадлежать Ему, даже несмотря на то, что не заслуживаю этого, а затем Он поможет мне жить той жизнью, которую Он предназначил для меня. Это будет Его праведность, данная мне в подарок, если я приму ее. И постепенно я начал верить в это чудо – в милость Божию, которая была так непохожа на все то, что я слышал раньше.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною.

Несмотря на непривычный язык, мне все было понятно. Я буду освобожден от всех страхов, которые сопровождали меня всю жизнь: страх перед духами, преследовавшими нашу семью, страх перед злыми силами, омрачавшими мою жизнь, страх перед тем, что могли сделать со мной Шива и другие боги, если я не буду постоянно ублажать их. Если Бог станет моим Пастырем, мне нечего больше бояться, так как Он всегда будет со мной, защитит меня, даст мне мир.

Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни.

Проповедник сказал, что здесь имеются в виду небеса и жизнь в присутствии Божиим. Это было так непохоже на все попытки самосознания!

– Господь Иисус Христос желает стать вашим Пастырем. Слышали ли вы Его голос, говорящий в вашем сердце? После Своего воскресения Иисус сказал: «Стою у двери и стучу – и это дверь вашего сердца. Если кто

услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною». Почему бы вам не открыть Ему двери вашего сердца прямо сейчас? Не откладывайте это на завтра – может быть слишком поздно!

Казалось, что проповедник говорит это лично мне. Я не мог больше ждать.

Решив покончить с битвой, бушевавшей во мне, я встал со скамьи, вышел вперед и упал на колени. Пастор улыбнулся мне и попросил христиан помолиться вместе с нами. Рядом со мной встали на колени несколько человек. Многие годы индуисты склонялись передо мной – но теперь я склонился перед Христом!

– Ты пришел не ко мне, а к Иисусу, – сказал пастор. – Только Он может простить тебя и очистить, изменить всю твою жизнь и дать тебе живое общение с Живым Богом.

Я вслух повторял за ним слова молитвы, приглашая Иисуса войти в мое сердце, – кроме слов «сделай меня христианином». Мне нужен был Иисус, а не это. Я еще не понимал тогда, что само по себе приглашение Иисуса в мою жизнь уже делает меня христианином, и никто не может стать настоящим христианином как-нибудь иначе.

Затем пастор сказал «Аминь» и предложил мне помолиться своими словами. Тихо, задыхаясь от волнения, я начал:

– Господь Иисус, я никогда не читал Библию и не знаю, о чем она, но слышал, что Ты умер на Голгофе за мои грехи, и теперь я могу быть прощен и примирен с Богом. Спасибо Тебе за то, что Ты умер за меня, и за то, что Ты вошел в мое сердце и простил меня! Я хочу быть новым, другим человеком!

По моему лицу катились слезы покаяния за то, как я

жил: за весь мой гнев, и ненависть, и эгоизм, и гордыню, и за то, что принимал поклонение, которое принадлежало только Богу. Теперь я знал, что Иисус не был *одним* из богов. Он действительно был Тем Самым Богом, Которого я так жаждал. Я с верою обратился к Иисусу и почувствовал, что Он Сам был Творцом и Создателем. Но Он настолько любил меня, что стал человеком, чтобы умереть за мои грехи. Когда я понял это, с моих плеч упали тонны груза, тьма отступила и чудесный свет наполнил мою душу. Теперь тот самый солнечный свет засиял и для меня!

Астральные путешествия к другим планетам, неземная музыка, все невообразимые цвета, видения – все это, когда-то восхищавшее и радовавшее меня, сейчас стало пылью и пеплом. То, что я ощущал сейчас, было совсем особым состоянием. Я был уверен в этом. Молли сказала, что Иисус докажет, что Он прав. Теперь я понял, *что* она имела в виду. Он теперь стал жить и во мне. Я знал, что Он избавил меня от моих грехов и сделал меня другим человеком. Никогда я не был так счастлив! Слезы покаяния сменились слезами радости. Первый раз в моей жизни я понял, что такое настоящий мир. Ощущение несчастья, горя и страдания покинуло меня. Я был в союзе с Богом. Теперь я был одним из Божиих детей. Я родился свыше.

Люди вокруг меня запели:

*Таков, как есть, во имя Крови,
За нас пролитой на кресте,
Во имя Божьих призываний,
Христос, я прихожу к Тебе!*

Я стоял на коленях и слушал, наполненный благодарностью к Богу за то, что Он простил меня, поража-

ясь, что слова этой песни как нельзя лучше выражали мои чувства. Я вспомнил, что говорила мне Молли о любви Иисуса. Теперь эта любовь наполняла мою душу.

Вся моя гордость брамина исчезла. Чтобы индуисту из высшей касты упасть на колени на глазах у христиан, потребовалось немало смирения, но это было только началом понимания того, как ничтожен я и как велик мой Бог. Это смирение не было для меня унижительным, и я не чувствовал неловкости и неприязни к себе из-за этого. Я просто принял как истину полную зависимость от моего Творца. Это признание открыло мне дверь в новую жизнь – в Иисусе.

Со слезами и счастливыми улыбками люди окружили меня и стали горячо поздравлять с тем, что я пришел в Божию семью, пожимать мне руку. Я никогда не ощущал такой любви ко мне других людей и такого чувства единения с ними. Представьте себе мою радость, когда ко мне подошла ликующая Шанти! Я и не знал, что она тоже здесь.

– Раб! – сказала она нежно. – Я так рада, что ты принял Иисуса в свою жизнь! Это – лучшее из всего, что ты когда-либо делал!

Мы были с ней близкими друзьями, но сейчас я почувствовал между нами какие-то новые отношения. Она тоже была в Божией семье!

Когда мы шли домой, по обеим сторонам дороги шелестел тростник и листья еле колыхались при лунном свете, будто танцуя на легком ветру с океана. А звезды! Я не помню, когда они сияли так ярко! Я всегда любил природу, но сейчас она казалась в десять раз прекраснее, чем раньше. Когда-то я поклонялся небесным светилам, но сейчас они предстали передо мной в совсем ином свете. Они были созданы Тем Самым Богом, Которого я только что узнал, и я наслаждался,

отдавая должное могуществу, мастерству и мудрости Творца. Главным моим желанием было стремление поклоняться Ему вечно, повторяя вновь и вновь, что я благодарен Ему за жизнь, подаренную мне. Раньше я жалел, что появился на свет, но теперь от этого чувства не осталось и следа. Я был счастлив оттого, что жив – и буду жить вечно! Мы пели песни, разученные на собрании, и обсуждали смысл стихов из Библии, что было для меня чем-то совсем новым и незнакомым.

Добравшись до дома, мы обнаружили, что вся семья – кроме дяди Деонарина и его жены – ждет нас в гостиной. Совсем недавно я боялся, что меня кто-нибудь узнает на собрании, но после того, как Иисус вошел в мое сердце, все страхи оставили меня. Я был не в силах скрывать такую радость в себе. Я хотел, чтобы все узнали о моем Господе.

– Сегодня вечером я попросил Иисуса войти в мою жизнь! – воскликнул я, смело глядя в глаза моим родным. – И это прекрасно! Вы представить себе не можете, как много Он теперь для меня значит! И я знаю, что Он сделал из меня нового человека.

– Я не могу в это поверить, – сказала тетя Ревати приглушенным голосом. – Как ты думаешь, что скажет твоя мать? Она будет просто в шоке.

Тетя Ревати повернулась и вышла из комнаты, но без негодования, которое так свойственно ей. Наоборот, мне показалось, что она была в полной растерянности.

Жаль, что тетя не дала мне возможности все ей объяснить. Теперь я любил ее и очень хотел, чтобы она обрела тот же мир, который нашел я. Интересно, а что думает Ма? Я посмотрел на нее и, к своему удивлению, увидел, что она сияла от счастья.

– Раби, ты совершил свой лучший поступок! Я тоже хочу следовать за Иисусом!

Я подбежал к Ма и обнял ее.

– Прости меня за то, что я так плохо себя вел!

Она закивала в ответ, не в силах произнести что-либо от волнения.

Шанти больше не могла сдерживаться и сказала:

– Я тоже отдала свое сердце Иисусу!

Мы долго разговаривали, радуясь данной Христом любви друг к другу. Я рассказал Ма о проповеди, а она – о том, что двадцать второй Псалом был ее любимым и что она читала многие Псалмы до того, как дедушка разорвал обе ее Библии. В конце концов, усталые, мы пожелали друг другу спокойной ночи.

В своей комнате я уничтожил весь запас сигарет. Желание курить оставило меня. На следующий день при первой же возможности я извинился перед тетей Ревати за свое поведение. Она очень удивилась. Перед ней был не тот Раби, которого она знала все эти годы. Я видел растерянность в глазах тети, и мне было жаль ее. Она выглядела такой несчастной. Казалось, в ее сердце шла какая-то борьба.

Я нашел дядю Деонарина во дворе, где он мыл свою машину, ту самую, которую я благословил. Мне было нелегко сказать ему о том, что произошло.

– Дядя Деонарин, я принял христианство.

Он выпрямился и посмотрел мне в глаза с нескрываемым изумлением и упреком.

– Твой отец был великим индуистом, и твоя мать тоже индуистка, – сказал он сурово. – Ничто не сможет ее так расстроить, как то, что ты стал христианином. Тебе бы стоило перед этим хорошенько подумать! Похоже, ты сделал серьезную ошибку!

Кришна поговорил со своей матерью так, как не смог бы никто из нас, и узнал, что она уже давно была разочарована в индуизме, но боялась показывать это.

Он дал ей адрес церкви, которая находилась достаточно далеко. Там ее вряд ли могли увидеть друзья и знакомые. В следующее воскресенье тетя Ревати отправилась туда одна. Когда она поздно вечером вернулась домой, мы все ждали ее и верили, что Бог услышал наши молитвы. Никто не стал спрашивать, что случилось, – все было ясно по выражению ее лица.

Они с Ма обнялись и заплакали вместе. Затем тетя Ревати выпрямилась, вытерла рукавом глаза и посмотрела на меня.

– Раби!

Мы бросились в объятия друг друга и долго простояли так. По нашим щекам катились слезы. Ненависть и обиды, которые разделяли нас, ушли навсегда.

На следующий день мы с Кришной решительно отправились в комнату для молитв и стали выносить оттуда во двор деревянных, глиняных и латунных идолов, которых мы раньше называли богами, индуистские писания и принадлежности религиозных церемоний. Пока тетя Ревати не стала христианкой, я не решался сделать это. Теперь же почти все члены семьи пришли на помощь, и мы были едины в своем желании поскорее избавиться от того, что может связывать с прошлым и с темными силами, которые ослепляли и порабощали нас всю жизнь. Вскоре наша комната для молитв опустела, и мы начисто ее вымели, а затем внимательно осмотрели дом в поисках всевозможных амулетов и религиозных картин. Нас было тринадцать человек, которые открыли свои сердца Иисусу и знали, что их грехи прощены, и мы действовали в согласии.

Радуюсь тому, что освободились от страха, который раньше сковывал нас, мы разбили идолов и разорвали картины, включая изображения Шивы. Совсем недавно я даже не осмелился бы подумать о таком, опасаясь,

что буду моментально уничтожен, но эта железная хватка ужаса, сжимавшая меня долгие годы, была разрушена могуществом Иисуса. Никто не говорил нам, что нужно делать. Наши глаза были открыты Самим Господом. Мы знали, что здесь не может быть никакого компромисса, никакой возможности смешения индуизма с христианством. Эти две веры были диаметрально противоположны. Одна была тьмой, другая – светом. Одна предлагала много дорог, которые вели к гибели, а другая была, как сказал Иисус, узким путем в вечную жизнь.

Когда все было свалено в одну большую кучу, мы подожгли ее и еще долго смотрели, как пламя уничтожает наше прошлое. Маленькие фигурки, которых мы когда-то боялись и называли богами, скоро стали пеплом. Злые силы больше не могли причинять нам вред. Мы радовались нашему единству и благодарили Сына Божьего, Который умер, чтобы освободить нас. И когда мы вместе пели, молились и прославляли истинного Бога, наши лица светились от свободы и радости. Это был незабываемый день.

Я вдруг вспомнил события восьмилетней давности – безутешные рыдания и чувство невозполнимой утраты, когда тело отца было сожжено, и мы молились тем лже-богам, тлеющие остатки которых лежали сейчас передо мной. Я вспоминал годы, когда я стремился стать таким, как мой отец. Трудно было поверить, что я с огромной радостью принимал участие в разрушении того, во что когда-то фанатично верил. И ведь на самом деле то, чем я жил, сгорело, перестало существовать – и я благодарил и славил Бога за это.

Это была церемония сожжения меня самого – меня вчерашнего.

Я почувствовал, что наступил конец того человека,

которым я был раньше. Это была *смерть гуру*. За несколько дней моей новой духовной жизни я начал понимать, что рождение свыше – через смерть и воскресение Христа – это смерть моего старого *Я* и воскресение нового человека.

Прежний Раби Махараджа умер со Христом, и восстал новый Раби, в котором теперь жил Христос.

Как дивно отличалось воскресение от перевоплощения! Старая жизнь закончилась, и я с нетерпением ждал, что принесет мне новая жизнь в Иисусе Христе, моем Господе.

ГЛАВА 16

НОВОЕ НАЧАЛО

Как сильно изменилась наша семья! Вместо ссор и раздражения в ней теперь царили покой и гармония. То, что делал с нами Христос, удивляло и радовало нас каждый день. Ненависть, долгие годы разделявшая меня и мою тетю, теперь уже казалась просто ночным кошмаром, который прекратился с пробуждением. Та религия, которую мы так ревностно исповедовали, только увеличивала антагонизм между нами. Но Христос изменил нас обоих. Теперь мы действительно очень любили друг друга. Она стала мне как мать, и даже больше, а ее сын Кришна, которого я раньше тоже ненавидел, стал мне ближе, чем брат. Ведь мы на самом деле были братьями во Христе!

Благодать Божия изменяла нас. Будучи индуистами, мы не умели прощать друг друга. Но так как Бог простил нас во Христе, мы узнали, что прощение должно стать частью и нашей жизни. Христос сказал, что тот, кто не будет от всего сердца прощать других, не получит прощения от Отца. Он Сам вложил в наши сердца Дух любви и прощения, и теперь я больше не смогу ни на кого держать обиду. Раньше мы были неспособны произнести искренно слова «извини», «я сожалею» и «я тебя прощаю», теперь же они раздавались в нашем доме везде и всюду, и радость в нашем сердце продолжала расти и крепнуть. Я с удивлением заметил, что мне вдруг понравилось заниматься утомительными и монотонными домашними делами! Мы выпалывали сорняки, стригли газоны, ухаживали за клумбами, сгре-

бали листья и подметали двор, который приобрел совсем иной вид. Невозможно было не заметить этих перемен!

Произошла и еще одна перемена, которая для нас значила очень много. Пугающие шаги на чердаке и за дверями наших спален, которые мы приписывали духу дедушки, прекратились и больше не тревожили нас. Исчез навсегда и отвратительный запах, который всегда присутствовал при таких «посещениях». И никакие предметы больше не падали неожиданно со стола или из шкафа. В конце концов мы пришли к выводу, что все это делал не дух дедушки, а существа, которых Библия называла бесами и которые пытались запутать и обмануть человека, чтобы заставить его присоединиться к ним. Они были реальной силой. И теперь я понял, что именно бесов я встречал во время медитации, когда они маскировались под Шиву или других индуистских богов.

Когда я читал Новый Завет, то находил ответы на многие трудные для меня вопросы – кто я, зачем существую, какую судьбу уготовил мне Бог. Встав на колени, я просил Бога открыть мне смысл Писания, затем внимательно читал каждый стих, пытаюсь вникнуть в него и веря, что Он даст мне понимание. Ежедневно по несколько часов я проводил в молитве и чтении Евангелия, вместо поклонения солнцу, корове, идолам на алтаре и занятий йогой и медитацией. Я перечитывал Новый Завет снова и снова, а познакомившись с Ветхим Заветом, обнаружил, что Библия не была противоречивой книгой мифов о выдуманных богах, которые, если и существовали когда-либо, были простыми людьми, и лишь позже им приписали божественную природу. Напротив, в ней рассказывалось о том, что происходило на самом деле. Документы и предметы,

подтверждающие это, хранились в музеях мира. Библия была реальной историей реальных людей, таких, как Авраам, Моисей, Петр, Павел, и настоящих народов и стран – Израиля, Египта, Греции, Рима. Я увидел, что Бог имел особый план для каждого и присутствовал в жизни отдельных людей и целых наций. В Библии также говорилось, что Бог приведет историю этой земли к завершению, и я начал видеть происходящие вокруг события в совсем ином свете, особенно исполнение пророчеств, касающихся Ближнего Востока.

Мы с радостью рассказывали друг другу о том, что нового узнали, а Ма, читая Библию, верила каждому ее слову. Иисус исцелял больных, и Ма не видела причин, мешавших Ему исцелить и ее.

– Господь, я верю Тебе! – говорила она. – Ты творил такие великие чудеса, и Ты жив и сейчас. Я бы так хотела снова начать ходить! Благодарю Тебя, Господь!

Она была уверена, что Христос исцелит ее, и постепенно чудо начало совершаться. Мы каждый день видели улучшение. Она окрепла, понемногу вставала и начала делать первые маленькие шаги, пока еще держась за что-нибудь. Через несколько недель Ма уже ходила по кухне и помогала готовить еду, а вскоре спустилась по лестнице и прошлась по двору, любуясь цветами и птицами.

– Слава Господу! – повторяла она снова и снова. – То, что не смогли сделать врачи и целители, сделал Иисус, Который и сегодня жив!

Теперь Ма каждый день проводила часов пять на коленях, в молитве. Похоже, что она имела особый дар и молилась за всю нашу семью, за соседей и знакомых. Она хотела, чтобы они тоже смогли узнать Христа и общаться с Ним. Несмотря на то, что ей было уже за семьдесят, Ма вставала в шесть утра, а в одиннадцать

все еще молилась. И когда она выходила из своей комнаты, ее лицо сияло так, что все знали – она была с Иисусом.

Молва о нас быстро распространялась по городку и его окрестностям. Поначалу почти никто не верил, что мы действительно стали христианами. Было намного проще думать, что мы все сошли с ума. К нам нескончаемым потоком шли все новые и новые посетители, желавшие лично проверить достоверность слухов. Некоторые из них горячо спорили с нами, другие были слишком ошеломлены, чтобы что-нибудь сказать после того, как слышали всю эту историю из наших уст. Но удивление и шок часто сменялись неприязнью и враждебностью. Те, кто раньше склонялись предомно и обращались с почтением и уважением, теперь презрительно усмехались или выкрикивали мне в лицо разные ругательства. Мы пытались спокойно и мягко рассказывать людям об истинном Боге, Который стал человеком, чтобы умереть за наши грехи, но поначалу соседи и родственники отказывались воспринимать это. Я хорошо понимал, что переубедить их будет очень трудно.

С помощью Молли мы узнали, что в нашем городке тоже собиралась небольшая группа христиан, и в следующее воскресенье отправились познакомиться с этой общиной.

– Эй, смотрите, идет сам Христос! – воскликнула одна женщина, когда я проходил мимо нее.

– Я не Иисус Христос, – ответил я с улыбкой, – но счастлив быть одним из Его последователей.

Община размещалась под навесом и была немногочисленной: несколько индусов из семей, принадлежавших к низшим кастам, и несколько чернокожих, которых я раньше не мог бы представить в обществе

индуистов. Но какой теплый прием они оказали нам! Как странно и чудесно было пожимать руки тех, кого я когда-то презирал и ненавидел! Теперь я любил их любовью моего Господа Иисуса Христа и считал своими братьями и сестрами. Я больше не делил людей на касты, как это делала религия, ревностным последователем которой я был раньше. Такое разделение практически невозможно изгнать из сознания индуиста. Кастовая система – это логическое следствие закона кармы и перевоплощения, и согласно этому принципу каждый человек в процессе своего развития должен взбираться все выше и выше по этой лестнице, чтобы достичь Бога. Когда-то эта идея казалась мне божественной, но сейчас я видел в кастовой системе величайшее зло, которое воздвигает между людьми барьеры жестокости и презрения, дает одним превосходство, а других осуждает на отчаяние и отчуждение.

* * *

На время рождественских каникул мой дядя Рамчанд пригласил меня провести несколько дней с его семьей. Я постоянно ездил к ним на каникулы и всегда радовался этому. Как только я приехал, он, не теряя ни минуты, сразу же решил все выяснить.

– Послушай, Раби, мне рассказывали про тебя какие-то странные вещи. Ты прекрасно знаешь, какую жизнь прожил твой отец. Он жил по наивысшим законам. Твоя мать – святейшая женщина, всецело преданная своей религии.

Я спокойно кивнул, понимая причину его озабоченности. Помнил ли он, как я огорчился, когда узнал, что он ест мясо? После того, как я стал христианином, моя диета изменилась. Теперь в нее входили яйца и небольшое количество мяса, необходимое для организма. Но

ведь для моего дяди есть мясо было отречением от самого важного принципа его религии – единства всего живого, делающего святыми даже низшие формы жизни. Он обвинял меня в том, что я отверг ту религию, законам которой он не очень-то следовал.

– Ты же знаешь, – продолжил он, – что все индуисты на многие мили вокруг с благоговением смотрели на вашу семью. Каждому известно, с какой преданностью вы соблюдали все ритуалы. Вы не можете позволить себе совершить такую ошибку и потерять все, над чем так долго и тяжело трудились!

– Но я верю в то, что Иисус – это единственный истинный Бог, Спаситель, Который умер за наши грехи.

Я говорил спокойно и уважительно, стараясь не обидеть дядю Рамчанда, которого очень любил. Он осторожно достал с полки *бхагавад-гиту*, открыл ее и сказал:

– Послушай, что говорит Кришна в четвертой главе: «Когда на земле религия приходит в упадок и воцаряется безбожие, я нисхожу сам... чтобы освободить праведников и уничтожить грешников, я сам спускаюсь на землю из века в век.»

Он медленно читал эти слова, следя за моей реакцией.

– Очевидно, когда-то Кришна пришел на землю в виде Иисуса, – продолжил он. – Каждый индуист, который знает об Иисусе, считает его одним из богов. Тебе вовсе необязательно становиться христианином, чтобы верить в божественность Иисуса. Христианство – это для тех, кто родился христианином, а ты родился индуистом. Верь, пожалуйста, во что угодно, но не изменяй своей религии. Ты в любом случае должен оставаться индуистом.

– Я не могу с этим согласиться, – ответил я вежливо,

но твердо. – Иисус сказал, что Он – единственный путь, а не один из путей. Он пришел не для того, чтобы уничтожить грешников, а для того, чтобы спасти их. Такое никому, кроме Него, не под силу. Иисус – это не просто один из богов. Он – единственный истинный Бог, и Он пришел на эту землю как человек, чтобы показать, как надо жить, а потом умер за наши грехи. Кришна никогда не делал ничего подобного. Более того, Иисус воскрес, чего не случилось ни с Рамой, ни с Кришной, ни с Шивой. Может быть, они никогда и не существовали на самом деле. Кроме того, я не верю теперь в переселение душ, потому что Библия говорит: «человекам положено однажды умереть, а потом – суд».

Моя тетя грустно слушала меня, едва не плача. Дядя Рамчанд выглядел очень расстроенным. Он был искренним и добрым человеком, и я уважал его, но не видел никакой возможности заставить его реально взглянуть на вещи и признать всю несостоятельность индуизма. Его главным доводом было то, что я не имею права отказаться от тех традиций, в которых рожден, и должен продолжать называть себя индуистом. Но для меня это был вопрос истины, а не просто традиций. Примерно после часа беседы стало очевидно, что дальнейшее обсуждение напрасно. Я вернулся домой в тот же день.

Госин тоже не мог принять то, что я стал христианином. Он, как и Рамчанд, верил, что Иисус был всего лишь одним из богов, еще одним путем, ведущим к Брахману.

– Что я тебе говорю, Бхай, – повторял он снова и снова, – все дороги ведут к одному и тому же месту!

Я пытался объяснить ему то, что понимал теперь, но все было бесполезно. Госин не собирался менять своих убеждений, несмотря ни на какие доказательства. Мы

не могли больше общаться, и это очень огорчало меня. И конечно же, к нам приехал наш друг пандит Джанкхи, чтобы проверить распространяющиеся слухи. Он опустился в кресло, набрал полную грудь воздуха и тяжело вздохнул.

– Я не могу понять этого, – грустно начал он. – Почему люди могут так бесстыдно лгать про вас? Они убеждают меня, что вы все теперь стали христианами, – на глаза Бабы навернулись слезы. – Я не верю этому! Объясните мне, почему люди говорят о вас такое?

– Баба, но ведь это правда, – сказала тетя Ревати.

Он повернулся ко мне и с горечью сказал:

– Твой отец... что бы подумал он? И ты, Рабиндранат Джи... Я не могу в это поверить! Кто обидел вас? Я знаю, что не все пандиты честны. Скажите мне, в чем же причина?

– Никто нас не обижал, Баба, – ответил я. – Мы просто поняли, что Иисус – это истина, и Он дал нам прощение и настоящий мир в душе. Он очень любит и тебя, и умер за твои грехи. В Нем ты можешь найти спасение.

Баба выглядел настолько озадаченным, как будто прощение было для него чем-то, что он неспособен понять. Он был смущен и не знал, что сказать. Посмотрев на дядю Кумара, он спросил:

– И ты тоже?

Дядя Кумар недавно, никого не предупредив, вернулся домой из Англии, но гораздо больше он удивил нас тем, что тоже стал христианином.

– Баба, – начал он почтительно, – ты прекрасно знаешь, что я был безнадежным алкоголиком, когда три года назад уезжал с Тринидада. Индуистские боги ничего не сделали для меня. Карма могла только сбросить меня вниз в новом воплощении. И ты прекрасно

знаешь, что многие находятся в том же положении, и их религия не помогает им. В Лондоне я попытался начать новую жизнь. Представь себе, как я испугался, когда ко мне с Тринидада приехал мой старый собутыльник. Но в тот момент, когда я его увидел, я понял, что он теперь – другой человек. Он сказал мне, что стал христианином и Иисус освободил его от алкоголя. Сначала я не поверил ему – ведь он и раньше был христианином. Но он объяснил мне, что есть много людей, называющих себя христианами только потому, что ходят в церковь, которые никогда не знали Христа по-настоящему и не являются Его последователями, и к которым он принадлежал в прошлом.

Я решил показать ему Лондон и повел его в первую очередь в Гайд-Парк. Мы переходили от одной группы к другой, слушая выступавших, и вот подошли к молодому человеку, который рассказывал о Христе. Внезапно я почувствовал, что он говорит правду! Я знал это...

Я долго размышлял обо всем, что услышал, а потом попросил Христа простить мои грехи, войти в мое сердце и стать моим Господом и Спасителем. И я с уверенностью говорю тебе, Баба, что Иисус дал мне настоящий мир и сделал меня новым человеком. Помнишь, как Ма постоянно жаловалась тебе на то, что я пью и просадил тысячи долларов на виски? Сейчас у меня нет ни малейшего желания выпить.

Баба, широко раскрыв глаза, с удивлением смотрел на своего друга. Видя, что он не в силах произнести ни слова, тетя Ревати вышла вперед и начала говорить:

– Баба, я расскажу тебе, что произошло со мной. Я была в комнате для молитв во время пуджи, когда услышала, как какой-то голос сказал мне: «Я есть Путь, и Истина, и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.» Я знала, что со мной говорит

Иисус. Несколько дней спустя я попросила Его войти в мою жизнь, и Он сделал меня новым человеком. Мои грехи прощены, и я знаю, что в вечности буду в Небесном Царстве! Слушай, что сказал Иисус: «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.» Это спасение дается всем кастам и людям любой национальности. Оно также дается и тебе. Бог простит тебя и подарит вечную жизнь, если ты примешь Христа в свое сердце и будешь верить только Ему.

Баба все еще был слишком ошеломлен, чтобы говорить. Он смотрел то на одного из нас, то на другого, понимая, что потерял своих самых верных учеников. Затем он медленно встал. Его лицо выражало горькое разочарование. Баба старался сохранить с нами дружеские отношения, но было видно, что он подавляет захлестывающие его чувства. Наше прощание было горьким, и больше я его никогда не видел.

Те же самые люди, которые повсюду рассказывали, что индуисты принимают все религии, яростнее всех набрасывались на нас за то, что мы стали христианами. И чем больше мы выслушивали тех, кто пытался вернуть нас обратно в индуизм, тем больше понимали, что они не стремились познать истину, а были просто привязаны к своим религиозным традициям. Многие индуисты каждый день повторяют мантры на санскрите, даже не задумываясь над тем, зачем они это делают. Большинство из тех, кто приходил к нам поспорить, не могли объяснить, почему они стали индуистами, и не разбирались даже в самых основных вопросах своей религии. Наше «преступление» заключалось для них в том, что мы оставили веру наших предков, а все разговоры об истине были бессмысленны. Но еще больше

удивило меня то, что многие мусульмане были тоже возмущены, хотя мы не имели отношения к их религии.

Поначалу было особенно трудно понять, почему у многих имя Иисуса вызывает такую неприязнь и ненависть. Позже мы прочитали в Евангелии, как Иисус сказал своим ученикам, что они будут ненавидимы за Него. Но все равно я не понимал, за что люди могут ненавидеть Иисуса, почему им хотелось Его распять. Он не делал ничего, кроме добра. Но Иисус говорил, что Он – это единственный путь к Богу, и вскоре мы поняли, что именно это и злило людей, так как означало, что им нужно расстаться со своими религиями и принять только Его. И эта ненависть к Иисусу была перенесена на нас – Его последователей.

* * *

– Вы позорите и бесчестите все индуистское общество! Лицемеры! Предатели!

Я вздрогнул, услышав раздававшийся на улице громкий голос, и выбежал на веранду, чтобы узнать, в чем дело. Кришна и Шанти уже были там. Рядом с нашим домом у дороги стояла большая американская машина, в которой сидел человек и выкрикивал в микрофон эти слова. Я узнал его – это был один из самых богатых людей на Тринидаде, брамин и известный индуистский лидер.

– Вы предали религию и богов ваших предков! Трудно придумать поступок хуже! Вы заплатите за это!

Он заранее приготовил свою речь и сейчас читал ее по бумажке, вдохновляемый толпой, собравшейся вокруг. Через несколько минут машина с ревом сорвалась с места и укатила.

Для дяди Деонарина это было уже слишком. У его жены и так-то не всегда ладилась отношения с нашей

семьей, а после всех этих перемен – и подавно. Теперь жить с нами под одной крышей стало для них невыносимо и они уехали.

* * *

Каждый день ездить в Порт-оф-Спейн на автобусе было трудно, и я, с помощью дяди Кумара, устроился жить в знакомую индуистскую семью, рядом с Королевским колледжем. В квартире было очень тесно. На две спальни нас было десять человек. Я и старший в семье сын, который учился вместе со мной, спали на полу в гостиной. Эти наши знакомые еще не знали, что я стал христианином. Но когда день за днем я не посещал семейную пуджу, мне пришлось объяснить, в чем дело.

– Я стал христианином, – сказал я им как-то вечером.

Вся семья уставилась на меня. Отец сначала засмеялся, думая, что это шутка. Но когда он понял, что я говорю серьезно, его смех сменился гневом.

– Ты хочешь сказать, что бросил величайшую в мире религию, чтобы стать христианином? – издевательски спросил он. – Почему же, интересно знать, ты так поступил?

– Я стремился найти истину и узнал, что Иисус – это и есть Истина, единый истинный Бог, Который умер за наши грехи.

Они изо всех сил старались переубедить меня, но когда поняли, что я сделал этот выбор вполне осознанно, их попытки прекратились. Они обвинили меня в том, что я стал предателем по отношению к религии моих предков, хотя сами продавали мясные закуски в своем магазинчике, что было прямым нарушением индуистских законов. Однако я не стал указывать им

на это. Отец семейства почти каждый вечер возвращался с работы пьяным. Все его оскорбления в адрес Иисуса были направлены на меня, а мне приходилось молчать. Но в трезвом состоянии он был вполне порядочным человеком и, несмотря на ненависть к христианству, старался быть добрым и гостеприимным.

Гораздо больше меня угнетало присутствие в этом доме бесов, которые вовсе не стремились стать добрее. Здесь меня со всех сторон окружали устрашающие идолы. Я хорошо знал, что за этими оскаленными масками кроется реальная сила, и всерьез подумывал о том, стоит ли мне оставаться в таком доме.

Жизнь в колледже тоже стала заметно труднее. К тому времени я сумел заслужить всеобщее уважение как индуистский лидер, а сейчас в мой адрес постоянно сыпались шуточки об Иисусе. Смеялись даже те, кого я считал христианами. Все это становилось настолько невыносимым, что однажды ночью, когда я лежал в гостиной и не мог заснуть, я взмолился:

– Господь мой! Почему же мне так трудно быть Твоим последователем? Я люблю Тебя, и сердце мое наполнено Твоим миром, но то, что мне приходится терпеть в колледже и в этом доме, становится уже выше моих сил. Неужели мне всегда будет настолько трудно?

В конце концов я заснул, подавленный этими грустными мыслями.

Вдруг я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Я с удивлением открыл глаза и увидел, что рядом со мной стоит Некто, окутанный ярким сиянием. Мгновенно проснувшись, я понял, что это Иисус, хотя Он и не был похож на те образы, которые я видел на картинах. Он протянул мне Свою руку и сказал: «Мир! Мир Мой даю Я тебе!» После этих слов Он исчез, и в комнате снова стало темно. Я сидел на полу, пытаюсь удосто-

вериться, что мне это не приснилось. Сомнений быть не могло. Я чувствовал себя так, что мне хотелось кричать «Аллилуйя!» И потом я еще долго лежал, устремляясь духом в небеса, радуясь в Господе.

То, что произошло со мной этой ночью, придало мне новые силы. Я снова уверился в том, что Христос был со мною, вел меня, направлял меня, заботился обо мне. Конечно же, я и раньше верил в это, но сейчас понял, что даже самые трудные обстоятельства не смогут поколебать меня. Эта уверенность никогда меня не покинет.

Представьте себе мою радость, когда однажды я увидел в колледже объявление о предстоящей встрече группы «Молодежь для Христа» со студентами. Оказывается, в нашем колледже это была достаточно многочисленная организация, а я по своему незнанию считал себя здесь единственным христианином. Когда я впервые пришел на эту встречу, меня очень тепло встретили, и вскоре у меня появилось много друзей-христиан. Самые близкие отношения у меня были с Бренданом Бейном, сыном известного спортивного судьи. Он тоже стал христианином совсем недавно. Вместе молясь и читая Библию, мы решили жить для Христа и рассказывать о Нем другим людям. И я с радостью видел, как многие обращались ко Христу после бесед с нами. Встречи группы «Молодежь для Христа» проходили каждую неделю, и я принял в ее работе активное участие. Одним из самых трудных дел было убеждать *рожденных* христиан в том, что им необходимо еще и *родиться свыше*.

Чтобы избежать столкновений в семье, в которой жил, я получил разрешение ректора допоздна задерживаться в комнате для занятий. Большую часть времени я изучал Библию и молился, а домой старался вернуть-

ся, когда все уже спали. Вскоре в этом доме начался ремонт, и мне пришлось переехать в другое место. Новый дом был гораздо удобнее для меня, хотя и заметно дальше от колледжа, но Брендан разрешил мне пользоваться его велосипедом. Более того, моя новая хозяйка была христианкой и постоянно укрепляла меня в вере.

Будучи ребенком, я часто из любопытства разбирал и собирал наручные часы. Теперь мне пригодились эти знания и опыт, и я чинил часы всем моим друзьям. На велосипеде Брендана я каждую пятницу ездил в центр Порт-оф-Спейна и покупал необходимые детали. Моя репутация часового мастера быстро росла, и мне сдавали в починку свои часы не только студенты, но и преподаватели. Этим я зарабатывал достаточное количество денег, чтобы оплатить жилье и питание. По выходным я ездил домой и преподавал в воскресной школе. Кришна в то время уже работал в Сан-Фернандо. Вместе с Шанти они тоже приезжали домой на выходные. Мы с удовольствием проводили время вместе, изучая Слово Божие и рассказывая, что Господь сделал нового в жизни каждого из нас. Больше всего вдохновляла нас Ма. Мы с ней очень любили друг друга и часто молились вместе о том, чтобы Господь дал мне знать, чего Он хотел бы от меня после окончания колледжа.

Во мне росло желание стать врачом. Я видел в этом реальный способ помогать страждущим людям и в то же время рассказывать им о Христе. Возможно, я поеду учиться в Англию.

ГЛАВА 17

ВСТРЕЧА И ПРОЩАНИЕ

– Раби! Твоя мама приезжает!

Тетя Ревати стояла на веранде и читала письмо, в то время как Ма пристально глядела на нее, не в силах поверить этой новости. Могло ли это быть правдой – после стольких лет?!

– Она написала из Лондона, – сказала тетя. – Она села на корабль до Тринидада. Ой! Так она же сегодня должна приплыть!

В это время у нас гостил Лари, приехавший на время из Соединенных Штатов, где он работал над диссертацией. Услышав наши голоса, он быстро вышел на веранду.

– Когда приплывает корабль? – спросил он.

– Да он уже, наверное, там! – воскликнула тетя. – Нам надо спешить!

Как мы ехали! Когда мы добрались до порта, корабль стоял на пристани, а все пассажиры уже разошлись. Матери нигде не было видно.

– Наверное, она взяла такси, – предположил Лари. – Надо быстро ехать обратно!

И мы помчались домой, в этот раз даже еще быстрее. Когда мы все взбежали по ступенькам и ворвались в гостиную, она была уже там, разговаривала с Нани и выглядела весьма растерянной. Видимо, она была удивлена тем, что ее мать выглядела по-прежнему молодо, да еще и могла ходить – хотя мы до этого писали, что Господь исцелил ее.

Мать повернулась к Лари, узнала его, и они обня-

лись. Затем подошел черед тети Ревати. Я стоял в дверях и наблюдал эту сцену, в душе очень жалея мать. Она уже, наверное, прошла по всему дому. Комната для молитв была пуста. На стенах больше не было изображений богов. Для нее, должно быть, это было очень тяжело. Возможно, она даже боялась встретиться с нами: полный дом христиан – и она, преданная индуистка. Это ее дом и ее семья, но сейчас мы, наверное, казались ей чужими.

Когда она посмотрела на меня, было видно, что она не понимает, кто перед ней. В конце концов она спросила:

– Но где же Раби?

Никто не ответил ей, и я тоже молчал.

– А это кто? – сказала мать, указывая на меня.

Опять никто не ответил, так как все хотели, чтобы она сама меня узнала. Молчание стало невыносимым. Тетя Ревати не выдержала:

– Это Раби!

Я, не скрывая больше своих чувств, бросился к ней, обнял и поцеловал ее. Она тоже обняла меня, но в этом жесте не было той теплоты и любви, которых я ждал после долгой разлуки. Мы как будто впервые видели друг друга.

– Ты так сильно вырос, Раб! Я тебя не узнала.

Несмотря на всю мою любовь к ней, я ощущал между нами пропасть.

– Мы, наверное, разминулись, – сказала тетя Ревати, извиняясь. – Ты уже давно дома?

– Не больше пятнадцати минут. Не переживай из-за этого.

– Мне очень жаль! – воскликнула тетя. – Прodelать весь этот путь через столько лет, и никто не пришел тебя встретить!

– Да, я знаю, на почту не стоит рассчитывать, – ответила мать, стараясь скрыть разочарование.

Мы понимали, что грусть, которая была в ее глазах, была вызвана вовсе не тем, что ее не встретили.

Вот наконец-то произошла та встреча, на которую мы почти и не надеялись. Нам о столь многом нужно было поговорить! Но между нами была стена. Мать много лет училась у Бабы Муктананды, гуру, в храме которого жила, и теперь была квалифицированным инструктором по йоге и хотела рассказать нам о контроле над телом и технике восточной медитации, которая, как мы теперь знали, открывает сознание человека и делает его зависимым от злых духов. Казалось, что ей хочется говорить со мной об индуизме, – но она знала, что я больше не соглашусь с ней, и мы оба пытались избежать споров. Чисто теоретически многие люди считали, что индуизм принимает все религии и что все дороги ведут к одному и тому же, но в действительности все было совсем по-другому.

Моя мать была предана индуизму и верила, что есть только одна реальность – Брахман и что закон кармы предусматривает неминуемую будущую расплату за грехи прошлого. Мы же были убеждены в том, что добро и зло – это не одно и то же и что Творец – это не то же самое, что творение. Мы познали прощение, которое даровал нам Иисус, и мы больше не верили в переселение душ. Между этими абсолютно противоположными верованиями нет ничего общего. Я прекрасно понимал, как тяжело моей матери признать, что мы больше не были индуистами. В нашем присутствии она выглядела растерянной и неуверенной. Изменились все, кроме нее. Она все еще была предана старым традициям, которые мы отвергли.

Через три дня мать уехала в Порт-оф-Спейн, чтобы

занять высшую должность в самом большом храме Тринидада, которую ей предложили перед отъездом из Индии. Нам тяжело было расставаться с ней, несмотря на пропасть между нами.

– Ты должен жить со мной, в храме, – убеждала она меня перед отъездом. – Как только ты приедешь, обязательно приходи ко мне! В храме есть прекрасные комнаты, к тому же это совсем недалеко от Королевского колледжа!

Даже возможность быть рядом с любимой матерью не могла заставить меня согласиться, но я никак не мог подобрать слова, чтобы сказать ей об этом. Я содрогался при одной только мысли о посещении храма...

Как хорошо я запомнил свой первый визит к матери! Мне показали, где ее можно найти. Когда я вошел, мать сидела в позе лотоса перед большим зеркалом, поклоняясь своему Я. Над ее алтарем висела большая фотография гуру Муктананды. Мое сердце сжалось при виде этого.

Она радостно приветствовала меня:

– Я так счастлива, что ты смог прийти, Раби! Пойдем, я покажу тебе комнату, которую приготовила для тебя. Когда ты переедешь сюда?

– Ну, вообще-то, – я попытался уклониться от прямого ответа, – отсюда дольше добираться до колледжа...

– Всего минут на пять, – сказала мать с разочарованием.

– Ну, я еще подумаю.

Каждый раз, когда я приходил к ней, она с новыми силами начинала убеждать меня переехать к ней. Я не знал, что сказать на это, и старался сменить тему. Прямой отказ казался мне жестоким. Насколько же тяжело ей было! Она так мечтала о том, чтобы я стал известным индуистским лидером, а вместо этого я стал

позором для нее. Мою мать очень уважали на Тринидаде, она ездила по всему острову с лекциями, и я знал, что ее постоянно спрашивали обо мне. Очевидно, ей приходилось стыдиться меня.

Но моя скорбь о ней была гораздо сильнее, чем ее переживания обо мне. Я думал о том, что ждет ее в вечности. Она была очень предана ложным богам, – но Бог, по Своей милости, нашел меня, и, конечно же, Он мог открыть Себя и моей матери. Я каждый день молил Бога о ее спасении, понимая, что ей будет гораздо тяжелее, чем другим, вступить на этот путь. Гордость могла полностью ослепить ее. Забывать о своем престиже и славе и испытать ненависть окружающих было немыслимо трудно. Всего лишь раз я попытался убедить ее, опираясь на слова Иисуса: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь».

– Ну конечно же, я верю в это! – отвечала мать. – Иисус говорил о том, что каждый из нас – это единственный путь. *Веды* говорят то же самое: каждый человек уникален и ни в чем не похож на других, и каждый должен пытаться найти свою истину в самом себе.

– Но, мама! Иисус-то ведь имел в виду, что Он – это один единственный путь для любого человека!

После недолгого обсуждения стало понятно, что вести разговоры о религии было бесполезно, и мы сменили тему. Она не чувствовала себя счастливой, и я продолжал молиться о том, чтобы она смогла серьезно отнестись к своему духовному состоянию и найти истинного Господа.

– Я через несколько минут должна ехать на телестудию, – сказала мне мать как-то утром, когда я в очередной раз зашел к ней. – Я очень рада тебе. Пожалуйста, поехали со мной!

Я не хотел огорчать ее и согласился, хотя в этом слу-

чае должен был выслушать целую лекцию по индуизму и затем прокомментировать ее, что вызвало бы только споры. На телевидении моя мать, сидя перед камерой, очень красноречиво рассказывала о ценности йоги и медитации для достижения мира в сознании. Я был уверен, что она не вкусила того мира, о котором так авторитетно говорила. Мой собственный опыт показал, что все эти способы обрести мир очень мало помогают. Мир может быть достигнут только с помощью Создателя, Которого она пока не знала.

После своего выступления она с энтузиазмом спросила меня:

– Ну как, Раби, что ты думаешь обо всем этом?

Как гордился бы я своей матерью, останься я индуистом! Но сейчас ее религиозное рвение только усиливало мое чувство горечи.

– Ты хорошо умеешь говорить, мама, – сказал я после небольшой паузы, тщательно подбирая слова. – У тебя хороший голос, и ты хорошо держишься перед камерой.

Ее глаза, полные разочарования, сказали мне, что она надеялась на большее. Просто уйти от ответа было недостаточно. Неужели она никогда не перестанет надеяться на то, что я вернусь в индуизм?

После окончания колледжа меня стали приглашать в разные церкви по всей стране. Мы с Кришной часто пели вместе, рассказывали историю своего обращения и проповедовали. Мы радовались этому и наслаждались каждой минутой, но мне все чаще начинало казаться, что Бог собирался увести меня далеко от Тринидада. И чем больше времени я проводил в молитве, прося Бога открыть мне Его волю, тем сильнее во мне росла уверенность в том, что Он вел меня в Англию. Тетя Ревати и Ма говорили мне то же самое. Я хотел

получить медицинское образование. Ведь будучи врачом, я мог бы помогать людям и в то же время рассказывать об Иисусе Христе.

– Раби, тебе письмо от дяди Кумара, – сказала тетя Ревати, когда в очередной раз просматривала почту.

Он вернулся в Лондон за несколько месяцев до приезда моей матери.

– Он пишет, чтобы я ехал учиться в Лондон, а жить смогу у него! – воскликнул я с нескрываемым волнением.

Незадолго до этого я провел четыре дня в посте и молитве, прося Бога открыть мне Свою волю. Это письмо вселило в меня уверенность в том, что Он хочет, чтобы я поехал в Лондон. Я не знал, где взять денег на дорогу, но если на то была воля Божия, Он поможет мне найти их.

Следующий пароход в Англию отправлялся четырнадцатого февраля. В глубине души я был уверен, что уплыву именно на этом пароходе, но день шел за днем, а надежды раздобыть денег по-прежнему не было. Тем не менее утром двенадцатого числа я понял, что ждать дольше уже не могу, и отправился в Порт-оф-Спейн – сначала за паспортом, а затем в Британское представительство за визой.

– Мы не можем дать вам визу, пока не будем уверены в том, что вы берете с собой минимум полторы тысячи долларов, – сказали мне в представительстве.

А у меня еще не было денег даже на дорогу! Когда я вышел оттуда, моих финансов хватало только на то, чтобы доехать до дому. Дома я узнал, что независимо друг от друга Лари, Кришна и моя мать подарили мне деньги, и их было как раз полторы тысячи! В тот же вечер один из моих друзей предложил оплатить дорогу, и это было еще одним свидетельством Божией воли. Те-

перь двери в Лондон распахнуты для меня – есть и место, где я буду жить, и необходимое количество денег.

– Я отправляюсь в Лондон четырнадцатого числа, – сказал я своей семье в тот же вечер.

– Четырнадцатого? Так это же послезавтра! Как тебе удалось все так быстро устроить?

– Сегодня я получил паспорт, а завтра, по воле Божией, мне дадут визу и я куплю себе билет.

Но я не думал, что получение визы может быть связано с какими-либо трудностями.

– Извините, но мы не можем дать вам визу, – сказал мне чиновник на следующий день.

– Но, сэр, у меня ведь есть те полторы тысячи долларов, которые я должен буду взять с собой!

– Это не дает вам права автоматически получить визу.

– Но почему?

Чиновник ничего не хотел объяснять. Он просмотрел мой паспорт и положил его на стол передо мной. Но я не стал его брать, а, отвернувшись, смотрел в окно и молился про себя: «Господь, пожалуйста, помоги мне! Сделай так, чтобы все получилось!»

Вдруг чиновник взял мой паспорт и поставил в нем штамп визы.

– Благодарю Тебя, Господи! – воскликнул я про себя.

Когда я вернулся домой в тот вечер, то увидел соседей, родственников и друзей, которых Ма и тетя Ревати пригласили на прощальный ужин. По этому поводу моя мать приехала из Порт-оф-Спейна. Это был непростой вечер для всех нас, и противоречивые чувства обуревали меня. Мать только что вернулась, и вот теперь уезжал я. Ма старела, и я не хотел оставлять ее. А тетя Ревати – как близки мы стали во Христе, какую истинную любовь друг к другу дал нам Бог! А Шанти и Кришна – как нам было хорошо вместе! Да еще и все

остальные мои братья и сестры, которые тоже стали христианами, и родственники, которые еще не знали Христа... И мой дядя Деонарин, который когда-то был для меня как родной отец и который не пришел сегодня... я не хотел расставаться ни с кем из них. Но я верил в то, что Бог приготовил для меня особый план и Сам вел меня. Я слушал прощальные речи, полные любви, почти все очень искренние. Со слезами на глазах тетя Ревати сказала, что любит меня. Она говорила о том, как хорошо мы жили вместе и как ей будет недоставать меня и моей помощи, включая и помощь в домашних делах. Я вспомнил те далекие дни и поблагодарил Бога за чудесное перерождение, которое произошло с каждым из нас. Ма говорила простые и нежные слова, и даже некоторые соседи-индуисты сказали о том, как они уважали меня. Затем поднялась моя мать.

– Раби – мой единственный ребенок, – сказала она, – и я горжусь тем, что у меня такой сын. С тех пор, как я вернулась на Тринидад, я внимательно следила за его жизнью. Я могу сказать, что очень довольна. Ведь на самом деле я тайком восхищалась им! Я наблюдала за Раби, в нем есть что-то особенное, в его жизни появился какой-то свет.

Сдерживать слезы было непросто. Зная то, что моя мать – немногословная женщина, я высоко ценил ее слова. Я даже не мог предположить, что она так думает обо мне, и был очень растроган. Это еще сильнее побуждало меня молиться за нее. То, что она видела во мне, была не *моя* праведная жизнь, или *мой* свет, но только лишь жизнь и любовь Иисуса Христа, поселившиеся во мне после моего нового рождения. Она прославляла не мои качества. Все это было достигнуто Иисусом. Он изменил меня. И как же я хотел, чтобы и моя мать вошла в эту новую жизнь во Христе!

ГЛАВА 18

ГДЕ ВОСТОК ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЗАПАДОМ

В Лондоне моя жизнь повернулась так, как я не мог и предполагать. Произошли события, показавшие мне, что Бог все предусмотрел и готовил меня к этому.

Но еще раньше в нашей семье на Тринидаде случилось несчастье, и я очень страдал из-за того, что не мог быть с Ма и утешать ее. Вскоре после моего приезда в Лондон мы получили телеграмму, в которой сообщалось о внезапной смерти дяди Деонарина. Как и его отец, он умер от сердечного приступа, но когда смерть настигла дядю Деонарина, он был намного моложе своего отца – всего тридцати семи лет. Ма очень тяжело переживала это.

Позже мы получили известие, которое нас приободрило. Тайком от всех дядя Деонарин общался с молодым христианином, бывшим индуистом, и разговаривал с ним об Иисусе Христе. «Молись за меня, пожалуйста,» – часто просил его Деонарин. Мы также узнали, что однажды во время пуджи в его честь мой дядя вдруг встал и, не сказав ни слова, ушел, оставив пандита и всех остальных в полном недоумении. Больше он не посещал ни одной пуджи. Я всем сердцем надеялся, что Деонарин успел принять Спасителя до того, как это стало слишком поздно. Его внезапный уход заставил меня еще раз задуматься, как непрочна и коротка жизнь.

Я был счастлив, что уже отдал свою жизнь Богу и доверял Ему делать со мной все, что Он пожелает.

До осени я проработал на фабрике, а потом посту-

пил в колледж, который порекомендовал мне дядя Кумар, чтобы получить медицинское образование. Вскоре моя преданность Христу стала известной и обсуждалась совсем не так, как я того ожидал.

Я сидел в первом ряду на лекции по химии. Вдруг преподаватель подошел ко мне и стал рассматривать мою булавку для галстука, на которой была надпись: «Иисус всегда поможет».

– Иисус всегда поможет? – спросил он насмешливым тоном, полным сарказма. – Ты действительно в это веришь?

Твердым, уверенным голосом я ответил:

– Да, я верю в это всем сердцем. Иисус всегда помогает мне.

– Ну и ну! – воскликнул лектор.

То, что выражали лица студентов, можно было описать словами: «Неужели возможно, что в нашей группе кто-то верит в Библию?» Новость быстро облетела весь колледж, и на меня стали показывать пальцем.

Во время завтрака или обеда вокруг меня стали собираться студенты из разных стран. Они приносили стулья, садились и начинали задавать свои вопросы: «Ты что, действительно веришь в Бога? Почему? А как насчет эволюции? Зачем нам нужен Бог, если все можно объяснить с помощью науки? Как ты можешь верить в воскресение? А почему ты не веришь в переселение душ?» Большинство из них просто хотели поспорить и поиздеваться, но было несколько человек, которые действительно пытались найти истину. Все свои ответы я основывал на Слове Божиим и был готов обсуждать все – от науки до религии, политики или психологии, но моя цель была в том, чтобы обратить этих людей ко Христу. И некоторые из них приняли Его.

Несмотря на то, что я был очень занят учебой и пре-

подаванием в воскресной школе, я находил время для того, чтобы регулярно ходить в Гайд-парк, на Пикадилли, Трафальгарскую площадь и рассказывать о Христе тем, кто хотел меня слушать. Я познакомился со многими наркоманами и сделал потрясающее открытие: они с помощью наркотиков добивались тех же ощущений и переживаний, что и я с помощью йоги и медитации! Я с удивлением слушал их описания того «чудесного и прекрасного мира», в который они входили, принимая ЛСД, мира, чьи неземные цвета и звуки были так хорошо мне знакомы. Конечно же, иногда они в подобных опытах переживали и нечто ужасное, но относились к этому без должного внимания, как и я раньше. Тот факт, что я испытывал все, что и они, но без помощи наркотиков, заставил многих ребят серьезно задуматься.

– Мне не нужны были наркотики, чтобы увидеть подобный мир, услышать его звуки, ощутить единство со всей вселенной и почувствовать, что я – это бог, – говорил я им. – Я добивался всего этого с помощью трансцендентальной медитации. Но все это было ложью, меня, как и вас, обманывали злые духи, которые завладевали моим сознанием, когда я переставал его контролировать. Единственный путь, который ведет к истинному миру и совершенству, – это Христос.

Я подружился с одним наркоманом и часто приходил к нему домой, чтобы поговорить о Христе. Как-то раз я подошел к его двери и услышал громкую рок-музыку. Никто не ответил на мой долгий, настойчивый стук, и я открыл дверь, оказавшись незапертой. Комната была освещена мерцающими огнями, а на полу лежал мой друг, извиваясь, совершая какие-то странные телодвижения.

– Пэт! – закричал я.

Мне показалось, что он так же не замечает меня, как и мой отец в течение восьми лет.

– Пэт! – снова и снова звал я его, но безрезультатно – он был в другом мире.

Вернувшись домой, я упал на колени и обратился к Богу, моля спасти моего друга. Меня ошеломили его движения, похожие на танец в индуистском храме, – и все это делали наркотики! Я знал, что он продавал свою душу и разрушал тело ради тех переживаний, которыми его обильно снабжали бесы.

В доме моих знакомых я иногда встречался с молодым человеком, тоже увлекавшимся наркотиками. Он с отличием закончил Кембриджский университет и был талантливым музыкантом. Мне очень нравилось слушать, как он играет на фортепиано классическую музыку. Мы с ним несколько раз долго и серьезно говорили. Несмотря на то, что Майкл никогда не изучал индуизм и не общался с индуистами – я специально выяснил это у него, – его взгляды на мир, человека и Бога были во многом похожи на те, которые раньше были у меня. Я был удивлен, узнав, что и его наркотические переживания были каким-то образом связаны с индуизмом.

Меня очень заботила судьба этих людей, и я все больше и больше времени проводил с наркоманами. Я понял, что почти все они разными способами добиваются того же, что и йоги, и, следовательно, нет разницы между действием наркотиков и восточной медитацией. Очевидно, те же самые злые духи, завладевавшие мною в медитации, действовали и в наркотическом дурмане, с теми же дьявольскими целями. Я видел, что за наркотиками, медитацией, свободным сексом и бунтом молодежи, выраженным в движении хиппи, стояли одни и те же сатанинские силы. В те дни хиппи

еще только начали появляться, и они были тесно связаны с особой музыкой, например с «Битлз». Я помню концерт группы «Роллинг Стоунз» после смерти Брайана Джонса от большой дозы наркотиков, когда в Гайд-парке собралось более двухсот пятидесяти тысяч человек. Музыка на них действовала так же, как гашиш и ЛСД. Больше всего меня поражало то, что философия, стоявшая за всей этой контркультурой наркотиков, рок-музыки и вызова всему обществу, была внешне похожа на индуистскую. Чтобы отключиться от мира, многие пользовались не только наркотиками, но и трансцендентальной медитацией, и йогой. Все мышление этих людей было пронизано восточным мистицизмом. Постепенно я все больше и больше убеждался в том, что сатана с его помощью осуществлял вторжение на запад. И я видел, что некоторые христиане понимали эту опасность и были готовы к бою. Могло ли случиться так, что Бог готовил меня, недавнего индуиста, стать тревожным набатом для жителей Запада, подпавших под влияние восточной философии? Я стал молиться о том, чтобы Бог дал мне лучше понять Его план.

Я с радостью чувствовал Божию заботу обо всех моих нуждах и знал, как верно ведет Он меня по жизни.

Первая христианская проповедь, которую я услышал, была о Добром Пастыре из двадцать второго Псалма, и Бог часто показывал мне, что я – одна из Его овец и нахожусь под Его защитой. Как-то раз мне надо было ехать на экзамен, а у меня не было денег на автобус. Я, как всегда, помолился, пошел на остановку и встал в очередь. Перед самым приходом автобуса ко мне подошла женщина, сунула мне в руку пятифунтовую банкноту и настояла на том, чтобы я взял деньги. Около месяца назад я помог ее мужу обратиться ко

Христу, и она была мне очень благодарна. Однако она не знала, что мне нужны деньги. Только Господь мог внушить ей это и привести сюда как раз вовремя.

В другой раз я стоял на остановке в ожидании автобуса, но вдруг решил вернуться домой и помолиться о том, чтобы Бог хранил меня в этот день. Когда я снова встал в очередь, то неожиданно для себя решил сесть в автобус номер шесть, который как раз отходил, хотя всегда ездил на пятьдесят втором. Как только автобус тронулся с места, я услышал жуткий визг тормозов и, обернувшись, увидел, как какая-то машина, потеряв управление, врезалась в очередь на остановке. Я выскочил из автобуса и бросился на помощь. Это было ужасно! Но ведь и я должен был лежать там, мертвый или тяжело раненный! И хотя сердце мое разрывалось от жалости к жертвам аварии, я был благодарен Богу за то, что Он спас мне жизнь. Мне стало ясно, что Он приготовил для меня важное дело. На следующий день все газеты сообщали о произошедшей трагедии.

* * *

Я старался не пропускать ни одного выступления Билли Грэма по радио, и его проповеди очень помогали мне, побуждая к действию. Однажды он рассказал о готовящейся в германском городе Дортмунде евангелической программе, которая будет транслироваться на больших стадионах в тридцати девяти городах – от Амстердама до Загреба. Билли Грэм призывал всех христиан Европы объединиться для осуществления этой программы. И когда я молился о том, чтобы Бог нашел тысячи помощников, которые будут необходимы, я понял, что одной молитвы недостаточно. Неужели надо бросить учебу и поехать в Дортмунд? Мне было трудно согласиться с этим. К тому времени я учился на

третьем курсе и с нетерпением ждал, когда же смогу стать врачом.

Мне на память пришли те далекие времена, когда я только стал христианином. С самого начала я хотел рассказывать миру об Иисусе Христе. Я на коленях просил Господа, чтобы Он дал мне возможность проповедать Евангелие миллиону людей. Тогда это было невыполнимо, так как на всем Тринидаде не набралось бы столько человек, но я искренно верил, что Бог поможет мне.

Когда в Порт-оф-Спейне была встреча с Освальдом Смитом, я пошел туда, так как запомнил это имя из брошюрки, которую мне дали в больнице. В конце встречи он призвал всех, кто хотел бы посвятить всю свою жизнь христианской работе, помолиться вместе с ним. Откликнулось всего несколько человек, слишком старых, как мне казалось тогда, чтобы посвятить долгие годы служению Господу.

– Я верю в то, что здесь есть молодой человек, которого Бог призывает сегодня, – сказал мистер Смит. – Бог хочет использовать его для того, чтобы приводить тысячи людей ко Христу. Мы подождем еще минуточку, чтобы он вышел сам.

Никто не шелохнулся. «Господи, – молился я про себя, мне неизвестно, тот ли я молодой человек, но я хотел бы им быть!»

Я встал и подошел к мистеру Смигу. Когда мы молились вместе с ним, я почувствовал, что действительно стану евангелистом. В то время я был очень молод, а сейчас мне уже двадцать два года. Я как бы услышал, что Господь говорит мне: «Раби, твое время пришло!» И в сердце своем ответил: «Да, Господи!»

Это должно было изменить весь ход моей жизни, и сделать такой шаг было нелегко. Но я научился дове-

рять Господу, и в сердце моем был мир, хотя я не ведал, что ожидало меня впереди. Я знал, что решение должен буду принять раз и навсегда. Я не стану врачом, но боль, которую причиняла мне эта мысль, была с лихвой компенсирована знанием того, что Добрый Пастырь будет направлять каждый мой шаг, как Он направил и этот.

В ту же ночь я увидел сон. Я стоял на зеленом лугу рядом с Иисусом. Он взял меня за руку и повел на высокий холм. Когда мы достигли вершины, я увидел внизу тысячи людей, с ожиданием смотревших на нас. Иисус указал на них и произнес: «Проповедуй!» Проснувшись, я понял, что снова получил очевидное подтверждение и теперь достаточно уверен в правильности такого важного решения.

– Бог хочет, чтобы я поехал в Германию помогать Билли Грэму с его программой в Дортмунде, – сказал я дяде Кумару в то же самое утро. – Я уезжаю через несколько дней.

– А как же твоя учеба, Раби? – воскликнул он. – Ты вернешься к началу следующего семестра?

Как я мог сказать ему, что отказался от намерения стать врачом? Ведь он очень хотел этого.

– Я не уверен, – сказал я, надеясь, что дядя Кумар не будет продолжать расспросы. Будет легче, если я расскажу ему обо всем позже.

Меня очень беспокоило расставание с теми молодыми людьми, которых я привел ко Христу. Я знал, что в этом городе, полном искушений и ловушек, жить христианину очень трудно. Мне было нелегко оставлять новообращенных, которые так много значили для меня. Но я верил, что Господь Сам направит их на путь истины.

Предстоящий отъезд был, наверно, моим самым

серьезным шагом. Я немного зарабатывал в обувном магазинчике на Оксфорд Стрит, хотя и не смог сделать никаких сбережений. И я сжег за собой все мосты – оставил работу и попрощался с дядей Кумаром, Лондоном и своей карьерой. С маленьким чемоданчиком, в который поместилось все, что я имел, со скромной суммой, которой вряд ли хватило бы на неделю, я сел в поезд до Дортмунда, не зная ни слова по-немецки. Кроме того, у меня не было ни одного знакомого человека во всей Германии. Я был похож на маленького ребенка, который отправляется в большое путешествие и доверяет все заботы своему отцу.

Сначала я растерялся от такого большого числа людей, разговаривавших на непонятном мне языке, но Бог милостиво направил меня прямо к миссии Билли Грэма, хотя я и не знал адреса. В дверях меня встретил молодой человек и на чистейшем английском поприветствовал меня:

– Доброе утро! Вы проделали долгий путь из Индии?

– Нет, всего лишь из Лондона, – радостно ответил я, – а вообще-то я с Тринидада.

– Где вы остановились?

– Прошлую ночь я провел в гостинице.

– О, мы не позволим вам жить в гостинице! Мы найдем для вас какую-нибудь квартиру. А сейчас, через несколько минут, мы с вами пообедаем.

То, что он назвал «квартирой», оказалось прекрасным домом рядом с большой церковью – Мариенкирхе. Мои хозяева – семья Клитчке – были более чем гостеприимны, и я вскоре почувствовал себя как дома.

В миссии Билли Грэма собирались христианские лидеры со всей Европы, и я тоже был любезно приглашен туда. Среди хорошо одетых, цветущего вида людей я чувствовал себя неловко в своем единственном

дешевом светло-коричневом костюмчике, купленном еще на Тринидаде. Однако тот факт, что я в прошлом был индуистом, сделал меня известным. Мне было предложено посетить многие церкви Европы, чтобы проповедовать Слово Божие и рассказывать историю своего обращения ко Христу. Для провинциального юноши с Тринидада это была большая честь, особенно когда доктор фон Штиглиц, один из организаторов Дортмундской программы, представил меня Билли Грэмму. Я знал, что Билли Грэм проповедовал Евангелие на всех континентах большему числу людей, чем любой другой евангелист, проповедовал в Белом Доме, был в хороших отношениях с президентом США и губернаторами многих штатов, и я был почти уверен, что он – важный человек, общаться с которым будет непросто. Но Билли Грэм оказался дружелюбным скромным человеком и очень тепло встретил меня. Он проявил ко мне большой интерес, расспрашивая, кто я, откуда приехал, чем занимался. Высокого роста и приятной наружности, он был вынужден наклоняться, чтобы смотреть мне в лицо своими ясными голубыми глазами.

– Раби, я проповедовал Евангелие в твоей стране, когда ты был еще совсем маленьким, – сказал мне великий евангелист.

Эти слова глубоко запали мне в душу. Билли Грэм проповедовал Евангелие в моей стране, и, может быть, вследствие этого сейчас я – христианин. Один из его последователей привел ко Христу Молли, а она пришла с Евангелием ко мне. Он также проповедовал в Индии, и многие индуисты обратились ко Христу после этого, и он продолжает проповедовать Благоую Весть. Может быть, по милости Божией и я когда-нибудь буду проповедовать Евангелие любви Христовой во

многих странах, особенно в Индии. Эти надежды казались сейчас несбыточными.

В Дортмунде я снова начал общаться с хиппи, принимавшими наркотики. Многие спрашивали меня о смысле жизни и о существовании Бога, и, возможно, они думали, что я как бывший индуист помогу им. От них я постоянно слышал живое свидетельство того, что ЛСД является билетом в восточное мистическое путешествие, как и медитация. Однако молодые люди, пользующиеся этими способами познания мира, не получили ответа на самые глубинные вопросы человеческой души и просили меня помочь им. Имея богатый опыт в области медитации, я мог вполне компетентно разговаривать с людьми, ищущими истину с помощью наркотиков.

Вскоре я пришел к выводу, что необходимо получить какое-нибудь богословское образование, и стал просить Бога, чтобы Он помог мне в этом.

Проповеди Билли Грэма были вдохновляющими, побуждающими к действию и динамичными. Он говорил очень просто, и любой человек мог понять его. В середине проповеди, посвященной открытию программы, Билли Грэм неожиданно сказал:

– Я хочу призвать молодых людей, сидящих здесь, поступить в библейские колледжи. Необходимо получить образование, прежде чем приступить к работе, которую приготовил для вас Бог.

Эти слова, которые, казалось, были сказаны специально для меня, вошли в мое сердце. И я еще раз твердо решил посвятить всю мою жизнь Господу. Позже, преклонив колени у себя в комнате, я молился: «Господи, возьми мою жизнь и используй меня. Я не могу отплатить Тебе за мое спасение, но хочу служить Тебе. Помоги мне быть готовым к тому, чтобы указывать

тысячам людей дорогу в вечность. Используй меня по максимальной возможности».

Вдруг в моей памяти всплыло название «Лондонский библейский колледж», и я решил, что Бог хочет, чтобы я отправился именно туда. На следующий день я уже заполнял анкету.

Когда я жил в Дортмунде, мне советовали обязательно познакомиться с Хайнцем Струплером, студентом одной библейской школы в северной Германии. «Вы очень похожи с ним в ваших намерениях,» – говорили мне. Вскоре мы встретились, но ни один из нас не знал языка другого и поэтому мы практически не познакомились. Нам тогда было неизвестно, что Бог приготовил для нас двоих особое дело и мы станем очень близки в служении Господу через много лет. Мы бы очень удивились, если бы узнали тогда, где и как пересекутся наши пути.

ГЛАВА 19

УМИРАЯ, МЫ ЖИВЕМ

Я много путешествовал по Швейцарии и Австрии, навещая друзей, с которыми познакомился в Дортмунде, и увидел такие красивые места, которые раньше не мог бы даже представить. Была весна. Все вокруг зеленело. Самые разные цветы необыкновенной окраски и формы, которых я раньше никогда не видел, покрывали землю. И, возвышаясь над всем распускающимся, цветущим и поющим раем, стояли вечные Альпы, окутанные зимним снежным покрывалом, что делало эту весну еще более чудесной. Наслаждаясь этой красотой, я был преисполнен благодарности Богу, Великому Творцу и Художнику.

Когда я приехал в Цюрих, который называли Меккой наркоманов, то направился по адресу, полученному мною в Дортмунде. Это был дом для престарелых, в подвальном этаже которого проводились занятия с хиппи, желающими узнать что-нибудь о Христе. Спустившись в подвал, я увидел пожилого, но весьма энергичного человека с Библией в руках, беседующего по-немецки с несколькими хиппи. После занятий ко мне подошел юноша и представился по-английски:

– Доброе утро, меня зовут Мартин Хеддингер. Я надеюсь, что вы еще нигде не поселились, и приглашаю вас жить в нашей семье.

Я поблагодарил его и спросил:

– А как к этому отнесутся ваши родители?

– Я позвоню им и скажу, что вы приехали. Они

будут рады, если вы будете жить с нами столько, сколько вам будет нужно.

Хеддингеры оказались не менее добрыми и гостеприимными, чем Клитчке. Они так радостно приветствовали меня, чужеземца из далекой страны! Я на деле увидел в них любовь Христа и вскоре стал называть родителей Мартина мамой и папой. Они относились ко мне, как к родному сыну.

Через две недели в Цюрих приехал Хайнц Струплер со своей невестой Анналис и с четырьмя друзьями из его библейской школы. Они тоже намеревались работать с хиппи. Я был очень рад, когда узнал, что Хайнц разделяет мои опасения по поводу молодых людей, которые были втянуты в восточную мистику наркотиками. У нас была еще одна общая задача – убеждать молодых христиан во всем мире заниматься распространением Евангелия.

– Когда я летом познакомился с миссией *«Операция Мобилизация»*, – рассказывал мне Хайнц через переводчика, активно жестикулируя, – мне очень понравилось, как они работают с молодыми людьми. Они проповедуют на улицах, разносят по домам Библии и разную христианскую литературу, помогают работе местных церквей. И теперь, когда я закончил библейскую школу, я хочу посвятить мою жизнь этой работе. Это работа для каждого христианина! – добавил он громко.

Он всегда так говорил, когда начинал волноваться, что происходило нередко. Несмотря на то, что у него было очень хорошее чувство юмора и он мог запросто, не стесняясь, расхохотаться над какой-нибудь шуткой, лицо его обычно оставалось серьезным. Я редко встречал людей, полных такого энтузиазма и желания служить Христу.

– Я не всегда был таким, – сказал он мне. – Ты ведь

знаешь швейцарцев, они очень тяжелы на подъем. Но когда несколько лет назад я стал христианином, Христос полностью изменил меня – и я хочу, чтобы весь мир узнал, на что я теперь способен! Да, я именно так и думаю. Нам необходимо пробудить церкви в Швейцарии. Большинство из тех, кто называет себя христианами, никогда не были рождены свыше. Европа – это самое подходящее место для миссионерской деятельности. Африканские церкви гораздо сильнее европейских – в них больше настоящих христиан, чем в Германии, Франции или Австрии.

Хайнц был хорошим организатором, человеком дела, который хотел, чтобы все, что можно, было сделано сегодня, а не отложено на завтра. Но он не был бы таким, если бы не знал волю Божию и не полагался целиком на Его силу.

Мы все провели неделю в посте и молитве, прося Бога, чтобы Он открыл нам, что нужно делать в этом городе. И в конце недели мы были убеждены, что Господь хочет, чтобы мы занялись теми слоями населения, на которые не обращали внимания цюрихские церкви. Мы единогласно решили выступить от имени «*Операции Мобилизация*» и войти в эту организацию как одна из миссионерских групп. Все, что у нас было вначале, кроме преизобильной любви Христа, – это небольшая сумма денег и старая гитара, принадлежавшая Анналис.

Вскоре мы узнали, что убедить христиан, выросших в лоне церкви, работать с «*Операцией Мобилизация*» было не так-то просто. Немногие из них соглашались оставить свои комфортабельные дома и высокооплачиваемую работу. Более того, не в каждую церковь нас допускали. Некоторые пасторы думали, что мы стремимся похитить молодежь из их церкви, так как после общения с нами многие уезжали в библейские школы и миссии.

С самого начала моего пребывания в Цюрихе я начал работать почти круглосуточно. Днем мы ходили по барам и местам сбора хиппи, пытались убедить этих молодых людей покончить с алкоголем, наркотиками и аморальным образом жизни, говоря о том, что Христос даст им силы сделать это, если они примут Его. Мы в основном вращались среди проституток, гомосексуалистов и преступников. Как же мы радовались, когда видели, что поведение некоторых из них изменялось под воздействием Святого Духа!

Каждый вечер, когда молодые люди приходили в наше подвальное помещение, я рассказывал им, как и почему я стал христианином, и проповедовал Евангелие. Мартин Хеддингер был моим переводчиком. Когда эти встречи заканчивались, мы отодвигали столы, чтобы люди могли разместиться на полу – ведь многим было просто негде ночевать. Я часто оставался там же, с ними. Порой их набиралось более тридцати человек. Это было тяжело для меня, так как в помещении стоял ужасный запах – многие из этих людей не мылись месяцами. Но самое страшное начиналось тогда, когда кто-нибудь из них снова начинал принимать ЛСД и под его действием полностью терял контроль над собой. Для большинства Цюрих был всего лишь промежуточным пунктом в их далеком путешествии к наркотикам – в Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан, к прекрасным пляжам Гоа на западе Индии. Одни надеялись поселиться в индуистском храме и учиться у какого-нибудь гуру, другие отдавали предпочтение буддизму. Но конец их ожидал один и тот же: вера в переселение душ, занятия медитацией – и злые духи полностью овладеют ими. Многие никогда не вернуться – они просто умрут от чрезмерной дозы наркотиков или болезней. Рай, который они стремились найти в Индии, окажется для

них воротами в ад! Вечер за вечером, стараясь говорить как можно убедительнее, я рассказывал этим людям, как Бог вывел меня из такого же сатанинского обмана. Я изо всех сил старался убедить их открыть сердца Христу. Некоторые откликнулись, другие – нет. Но все они с интересом слушали, как и почему индуст стал последователем Иисуса Христа. Я проводил дни и ночи, разговаривая со многими из них, подтверждая свои слова цитатами из Библии и призывая на помощь здравый смысл. Я пытался объяснить им, что наркотики и медитация открывали их разум для вторжения злых духов, а прекрасные переживания, которые они испытывали с помощью ЛСД, были лишь бесовскими трюками, направленными на то, чтобы завлечь их поглубже. Но убедить тех, кто уже полностью поддался на эти уловки, было очень непросто.

С этими людьми у меня связано также и много трагических воспоминаний. Я никогда не забуду Питера – прекрасного мальчика из богатой семьи, который ненавидел отца и даже хотел убить его за то, что он интересовался только своим бизнесом, успехом, машинами и развлечениями. Питер знал, что жизнь на самом деле была совсем другой, но он хотел расстаться с наркотиками и своим образом жизни не больше, чем его отец – со своим. Поначалу Питер заявлял, что он – атеист, но в конце концов поверил в то, что Бог существует и Иисус Христос – это Спаситель мира. Но как только все шло к тому, чтобы принимать какие-либо серьезные решения, он уклонялся. Я провел с ним много часов, пытаясь убедить его обратиться ко Христу. Как-то вечером я попросил его не откладывать больше это решение:

– Питер, все твои умные аргументы не помогут тебе, – сказал я ему. – Твоя проблема не интеллектуаль-

ная, а моральная. Ты прекрасно знаешь, что есть истина, а что – ложь. И ты сам должен принять решение – жить или умереть. Я не могу сделать это за тебя. Сейчас, без Христа, твоя жизнь не имеет никакой цели и никакого смысла. Ты всегда должен решать сам: учиться или не учиться, работать или нет, принимать ли наркотики, любить или ненавидеть и, конечно же, – принять или отвергнуть Христа. Выбор стоит между Христом и сатаной, вечной жизнью и вечной смертью. Тебе не избежать этого решения. Здесь нет нейтральной полосы. Ты должен сделать этот выбор.

На следующий день Питер раздобыл пистолет и покончил с собой. Мне было очень трудно перенести это известие. Неужели он убил себя из-за того, что я ему сказал? Неужели я неправильно вел себя? Может быть, мне надо прекращать работу с наркоманами? Как я мог ее продолжать, если опасался, что может повториться нечто подобное? Я был очень расстроен и несколько дней после этого никуда не ходил и почти ни с кем не разговаривал. Мое состояние было трудно описать, я постоянно думал о самоубийстве Питера и о том, что, может быть, я своими словами побудил его к этому. Через несколько дней, проведенных в молитве, Господь дал мне понять, что я предлагал Питеру не смерть, а жизнь. Тот, кто отказывался от Христа, выбирал смерть, даже и не поднося при этом пистолет к виску. Они уничтожали себя наркотиками, алкоголем и половыми извращениями. Но ведь многие выбирали новую жизнь во Христе, и я не мог отказаться от попыток вернуть заблудших к Спасителю. Мое сердце еще долго болело, когда я вспоминал о Питере. Казалось, что над всеми этими истерзанными душами стояло какое-то непреодолимое зло. Я был уверен, что те же самые бесы, которые преследовали нас в нашем доме, принудили

Питера совершить самоубийство. Когда он отказался от Христа, то автоматически отдал себя в их руки.

Каждый день я сталкивался с тем, что злые духи действуют на жизнь людей через наркотики и медитацию.

Как-то я остался с двумя моими друзьями в том самом подвале, где мы обычно собирались, чтобы поговорить с молодым человеком по имени Рэймонд, который в этот вечер дважды пытался покончить с собой и вряд ли сейчас контролировал себя. Кроме нас, в подвале никого не было. Три недели назад я убеждал его бросить наркотики и принять Христа, но тогда он посмеялся надо мной. И вот, когда мы вчетвером сидели и разговаривали, Рэймонд неожиданно схватил меня и толкнул за дверь, которая вела в погреб, заперев ее за нами еще до того, как я понял, что произошло. Он был гораздо выше и сильнее меня, и физически я не мог ему противостоять. Как только мы оказались внутри, за запертой дверью, он начал душить меня. Но несмотря на то, что он изо всех сил сжимал мое горло, я ничего не чувствовал. Удивленный этим, Рэймонд ослабил хватку. Я вырвался и метнулся к двери, чтобы отпереть ее, но он бросился на меня как тигр.

– Я сатана! – кричал он дико. – Сатана во мне!

Он отбросил меня от двери и стал шарить глазами вокруг в поисках какого-нибудь подходящего предмета. Схватив большую бутылку, он снова начал наступать на меня, крича:

– Я сатана! Не двигайся, а не то я разобью эту бутылку о твою голову!

Он приготовился к броску. Я не сомневался в том, что Рэймондом овладели бесы, проникнув в него посредством наркотиков, так же, как и во время занятий медитацией мною владели злые духи, которые однажды дали

мне нечеловеческую силу, чтобы поднять тяжелую штангу. Сила, которая сейчас находилась в Рэймонде, была огромной. Но я знал, что вся власть злых духов надо мною исчезла, когда в мое сердце вошел Христос.

– Если ты и вправду сатана, я не собираюсь подчиняться тебе, потому что принадлежу Иисусу Христу! – сказал я и сделал шаг навстречу ему.

В тот же миг Рэймонд, размахнувшись, швырнул в меня бутылку. Я успел увидеть, как она летит прямо мне в лицо, и призвал на помощь Иисуса. У меня не было времени даже пригнуться. Через миг бутылка разбилась о дверь позади меня. Я почувствовал движение воздуха, и мне показалось, что она облетела мою голову, как бы отскочив от невидимого щита.

– Рэймонд, Иисус любит тебя и хочет помочь тебе, – сказал я, медленно подходя к нему. – Иисус – это Победитель. Во имя Господа Иисуса Христа я даю тебе освобождение!

Бесы, которые были в нем, не могли вынести имени Иисуса Христа. Рэймонд, зажав уши руками, начал бегать и кричать:

– Нет! Нет! Нет!

В этот момент я смог открыть дверь и впустить моих друзей. Рэймонд схватил стул и поднял его над головой.

– Во имя Иисуса, брось этот стул! – приказал я.

Стул упал на пол позади него.

Мы начали молиться, прося Бога изгнать духов, которые овладели Рэймондом. Он забился в угол, как затравленный зверь, и начал издавать какие-то странные звуки. Мы продолжали молиться Иисусу Христу, Господу нашему. Вдруг Рэймонд закричал:

– Что-то темное оставило меня, но что-то еще осталось внутри!

Он упал на колени и начал молиться вместе с нами,

обращаясь за помощью к Иисусу Христу. В конце концов Рэймонд воскликнул со слезами:

– Все прошло! Теперь все прошло! Прошу тебя, Господи, прости меня за все те наркотики, которые я принимал, за то, что я был гомосексуалистом, чтобы заработать деньги...

По милости Божией Рэймонд стал другим человеком.

Когда об этом узнал Хайнц, он сказал:

– Самые разные церкви говорят, что работать здесь трудно и что обратиться ко Христу хиппи, наркомана или проститутку просто невозможно. Государственная церковь считает, что если люди крещены в детстве и прошли конфирмацию, то с ними в вечности будет все в порядке. Ха! Но Бог сказал нам, чтобы мы шли на улицы и приводили людей ко Христу. Пусть все говорят, что это невозможно. Но никто, кроме «Армии Спасения», не занимается такими людьми. Посмотрим, что сможет сделать здесь Бог.

Ежедневно мы видели живое доказательство того, что «невозможное человекам возможно Богу». Мы проповедовали толпам на вокзальной площади, где пересекались четыре дороги. Число слушавших обычно составляло несколько сотен человек. И мы с радостью видели, как медлительные швейцарцы выходили к нам в ответ на предложение принять Иисуса Христа. Мы понимали, что это не было результатом наших стараний или наших талантов – это было действие Святого Духа. Казалось, что мы со стороны наблюдаем за тем, как все это происходит.

Один новообращенный, которого Христос освободил от наркомании, проявил свою благодарность Богу тем, что подарил нам свой «Фольксваген», давший возможность расширить нашу работу. Когда известный в Цю-

рихе хиппи обратился ко Христу и принял крещение, это стало сенсацией. И по мере того как распространялась эта новость, к нам стали приходить молодые люди из разных церквей, некоторые из любопытства, а некоторые для того, чтобы предложить свою помощь. Например, одна девушка, решив посвятить свою жизнь Христу, отдала нам все свои сбережения, и на эти деньги мы смогли купить подержанный микроавтобус. А те, чье христианство не было личным убеждением, наоборот, уходили к хиппи и начинали жить их жизнью: наркотики, мистицизм, беспорядочные половые отношения и извращения. Как ясно понимали мы теперь слова апостола Павла: «Облекитесь во всеоружие Божие... потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего». Мы находились в самой гуще битвы день и ночь и видели так много на первый взгляд безнадежных людей, которые были крепко связаны силами тьмы, но освобождались и изменялись силою Иисуса Христа. Никто из тех, кто открыл Ему сердца, не оставался более во власти своих старых привычек, которые прежде руководили их жизнью. Все теологические споры между богословами были бессмысленны: мы каждый день видели подтверждение тому, что Иисус Христос – это действительно единственный путь и больше ничто в мире не могло принести истинное освобождение. Теперь я понимал, что Христос умер не только для того, чтобы простились мои грехи, но и для того, чтобы у меня началась новая жизнь. Я начинал ощущать это. Во Христе я умер для всего того, чем жил раньше. Благодаря Своему воскресению Он теперь живет во мне. Это и был секрет моей новой жизни, и я видел то же самое в жизни тех, кто казался безнадежным.

Со временем я все лучше и лучше понимал, что бла-

годаря смерти и воскресению Христа рождалась абсолютно новая жизнь – это было главной темой всей Библии, от книги *Бытия* до книги *Откровения*, грандиозный план, который Бог претворял в жизнь начиная еще со дней грехопадения Адама и Евы. Христос воскрес не для того, чтобы вернуть потерянный рай. Люди снова совершили бы грехопадение. Христос воскрес из мертвых для того, чтобы жить в нас, чтобы создать новую расу возрожденных людей, чье сердце стало Его тронном, создать в нас самих Свое Царство. Я долго размышлял над словами из Послания апостола Павла к Галатам: «Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос». Насколько же истинными оказались эти слова!

Мне очень помогли книги Эндрю Мюррея, А. У. Тоузера и Освальда Смита. Благодаря им я еще лучше смог понять разницу между уходом от мира, к которому стремились йоги и буддийские монахи, и силой жизни, сораспятой Христу и воскресшей с Ним. Тот метод, с помощью которого мой отец подавил в себе желания плоти, был в корне неверен, и только Иисус Христос указывал правильный путь. Мне очень нравится, как эта мысль выражена в книге Тоузера «Корни Праведности»:

«Есть такие люди, которые думают, что для того, чтобы изменить свою жизнь, необходимо уйти из общества; таким образом они отвергают все человеческие взаимоотношения ради борьбы за умерщвление их плоти... Но Писание не учит нас тому, что ветхая Адамова природа может быть побеждена подобным образом... Эта победа может быть только лишь посредством креста.

Мы хотим быть спасены, но продолжаем считать, что все, что сделал Христос, – это то, что Он умер за нас... Мы продолжаем оставаться царем в своем маленьком царстве человеческой души и с гордостью Цезаря носим нашу бутафорскую корону... Если мы не умрем, то наша

нераспятая плоть украдет чистоту нашего сердца, благочестивость наших помыслов, духовную пронизательность и обилие плодов в нашей жизни.»

Чем больше я чувствовал жизнь Христа во мне, тем яснее понимал ту ошибку, которую совершил мой отец и которую я готов был повторить. Практика самоотречения в восточном мистицизме была основана на ложном представлении о том, что единственной проблемой любого человека является неправильное мышление и ему нужно только понять, что он – бог. Но если бы я действительно был Брахманом, то с самого начала знал бы это. Каким образом я осознаю то, что когда-то знал, но почему-то забыл? Очевидно, я снова все забуду. Это вовсе не решение проблемы, а ложь сатаны, который хочет ослепить людей и не дать им понять, что их грехи являются результатом их разделения с Богом.

Смерть Христа за наши грехи вернула нас к Богу, простившему нас, а Его воскресение дает нам новую жизнь, которая никогда не кончится. Если мы хотим умереть во Христе, то получим настоящую жизнь – и только тогда, и никак иначе. Я был так благодарен Богу за то, что во Христе я умер для всех моих эгоистичных амбиций! Мои молитвы к Богу больше не были направлены на то, чтобы Он благословил мои собственные планы. Я стремился узнать и исполнить Его волю. Я понимал, что Христос умер на кресте, чтобы даровать мне победу. В Послании апостола Павла к Римлянам с необыкновенной силою выражена эта мысль: «Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.» Теперь я всем сердцем верил этим словам.

ГЛАВА 20

«НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Богословское образование, которое я получал в Лондонском Библейском колледже, было очень серьезным и просто бесценным для меня – ведь я собирался учить других. Совместная учеба и молитва с молодыми людьми из двадцати пяти стран мира, посвятивших свою жизнь Христу, вдохновляла и направляла меня. Почти все выходные были заняты тем, что я проповедовал в евангелической группе нашего колледжа. Плата за проживание составляла около пятисот фунтов в год, но я периодически получал извещения о том, что деньги внесены вперед. Так продолжалось все время, пока я учился, и я до сих пор не знаю, кто же был моим благодетелем.

Каждые каникулы – Рождественские, Пасхальные и летние – я проводил в Цюрихе. Мы решили отремонтировать наше подвальное помещение и устроить там христианское кафе, максимально привлекательное для молодежи. В этой работе нам помогали многие молодые христиане, в том числе и деньгами. С общего согласия наше кафе получило название «Новая Жизнь», которое лучше всего выражало то, что произошло со мной, или с бывшими наркоманами, преступниками, проститутками, а также с христианами, которые были крещены в детстве и следовали всем церковным традициям, но только с нашей помощью познали Христа и получили новое рождение. Христианство здесь было, как правило, всего лишь культурной традицией, а не личными отношениями с Богом через Иисуса Христа.

В нашей дальнейшей жизни мы решили руководствоваться некоторыми принципами.

Первый из них – никогда не просить материальной поддержки, не собирать никаких пожертвований на наших собраниях и никому не рассказывать о наших нуждах. Мы будем надеяться только на Бога. Если нам и будут помогать, то только по своей доброй воле.

Следующий принцип – действовать только в соответствии с Христовой любовью. По Своей любви Бог дал нам Своего Сына, Который любил нас и умер за наши грехи. Мы просили Бога помочь нам проповедовать Христа и служить Ему из-за нашей любви к Нему, а не в надежде на награду.

Наш третий принцип был взят из Послания к Тимофею: «И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить.»

Мы понимали, что наша главная задача – воспитывать учеников, которые, в свою очередь, смогли бы обращать и учить других людей. Для этого нужно хорошее образование и опыт христианской жизни. Новообращенные должны были знать, во что они верят и почему. Одно дело – с большим энтузиазмом начать христианскую жизнь, но совсем другое – ежедневно возрастать и крепнуть в вере и приводить других людей ко Христу. Первая радость может продлиться несколько дней или даже недель, но когда мы встречаемся лицом к лицу с реальной жизнью, когда приходят сомнения, а старые знакомые стремятся затянуть нас обратно, искушение вернуться к прошлому может стать очень сильным. На одном энтузиазме преодолеть все трудности этой жизни невозможно. Мы постоянно делали ударение на том, что Христос пришел в мир также и для того, чтобы изменить жизнь людей на зем-

ле, здесь и сейчас. Он хочет, чтобы Его ученики следовали Ему, а не просто верили в Него. Мы проповедовали слова Христа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Ев. Матфея, 16:24). Мы пытались сделать эти слова предельно ясными.

Хайнц и Анналис, которые поженились сразу после приезда в Цюрих, приглашали в свою маленькую квартиру молодых людей, даже незнакомых, чтобы вместе поужинать и поговорить о Христе. Впоследствии эта работа проводилась в большом старом четырехэтажном доме. Этот дом стал постоянным местом сбора нашей группы и временным жильем для сотен хиппи, которые оставались здесь, чтобы провести две-три ночи. Многие из них решали не продолжать свое путешествие к наркотикам и возвращались назад, чтобы повиниться перед родителями, которых они раньше ненавидели, а теперь полюбили любовью Христа. В этом доме мы проводили свои занятия восемь месяцев, а потом нам отдали все здание, где раньше размещался дом престарелых, и мы открыли трехлетнюю Библейскую школу. Мы набирали учеников после того, как внимательно наблюдали за ними во время летней миссионерской деятельности. Впоследствии почти у всех выпускников нашей школы основным занятием стала христианская работа, которую они изучали на практике в разных городах Европы.

* * *

Вся наша группа разделяла мои опасения по поводу усиления влияния восточного мистицизма, захлестнувшего почти все круги стран Запада, что привело к глубоким изменениям в мышлении, верованиях и образе жизни. Многие приняли искаженные восточные

доктрины, в частности законы кармы, перевоплощения, как собственные религиозные убеждения, другие присоединились к различным сектам, таким, как Общество сознания Кришны, Общество самореализации йогананды, Миссия божественного света, а также к многочисленным группам, экспериментирующим с сознанием.

Как бывший индуист, я, путешествуя по всему Западу, был поражен тем, что многие западные секты, такие, как Христианская наука, Наука о сознании, Религиозная наука и единство, имеют индуистско-буддистские корни и являются сложной смесью восточного мировоззрения и того, что христианство называет ересью. Даже классическая американская Мормонская церковь, которая может показаться похожей на христианскую, основана на индуистских доктринах о существовании души, многочисленности богов и стремлении каждого человека стать богом.

Чувствуя, что необходимо всеми силами пытаться остановить это мощное вторжение восточных религий, я начал чаще выступать публично, предупреждая тех, кто был втянут в занятия йогой, медитацией, а также в использование других способов воздействия на сознание, о той опасности, которой они подвергают себя.

Меня приглашали выступать в колледжах и университетах разных стран. Тематами моих лекций было сравнение религиозности и живой веры во Христа, или противопоставление христианства индуизму и другим восточным религиям.

Когда я, совершая большой тур с лекциями, находился в Израиле, то почувствовал во время молитвы, что Бог велит мне ехать на Тринидад, впервые после того, как я покинул его. И хотя приближались Рождественские каникулы и все билеты на самолет были

проданы, по милости Божией мне удалось достать билет из Тель-Авива в Лондон, а оттуда – в Порт-оф-Спейн. В аэропорту я встретил знакомого, который довез меня до нашего дома. Это поистине было чудом, когда я поднялся по ступенькам и вошел в гостиную за пятнадцать минут до полуночи. Ведь это была Рождественская ночь!

– Раби! Вот так подарок дал нам Бог! – воскликнула Ма. – Я молилась Ему о том, чтобы Он помог нам увидеть тебя на это Рождество!

Со времени моего отъезда Ма очень постарела, но по-прежнему была спокойной и радостной. Дома я провел много прекрасных часов в совместной молитве и изучении Слова Божиего, вспоминая те далекие дни, когда мы стали христианами, и радуясь тем изменениям, которые совершил Христос в жизни нашей семьи. Я с удовольствием встречался со старыми друзьями – и христианами, и индуистами, и для меня было большой честью проповедовать Евангелие по всему Тринидаду.

После возвращения в Европу я получил известие о том, что Ма серьезно больна. Она еще несколько недель держалась, и ей вроде бы стало лучше, но затем мне сообщили, что Господь забрал ее к Себе. На похоронах не было и тени тех стенаний и горя, которые сопровождали смерть моего отца. Мы знали, что она была с Христом, в совсем другой жизни, на небесах, она не перевоплотилась в какое-нибудь живое существо, чтобы пройти новый круг страданий и боли на земле. Я снова увижу Ма в тот день, когда Христос придет на Землю, а это может произойти в любую минуту. И я был благодарен Богу за то, что Он дал мне еще раз увидеть Ма перед тем, как взять ее от нас. Воспоминания о ее жизни, отданной Христу, и тех долгих часах, кото-

рые она проводила, преклонив колени в молитве, всегда будут поддерживать меня и вдохновлять на служение Христу.

* * *

Вскоре мы начали готовить миссионерское путешествие на Восток, о чем я давно мечтал. Одной из наших целей было научить молодых людей проповедовать Благоую Весть Христову в восточных странах, особенно в Индии и Пакистане, и я усиленно работал над этой программой.

В Югославии два из трех наших микроавтобусов были остановлены, а все их пассажиры арестованы за распространение христианской литературы. Через несколько часов их отпустили, и мы поехали дальше, в Турцию. Я впервые проповедовал в мусульманской стране и с радостью наблюдал, как некоторые мусульмане обращаются ко Христу. В Стамбуле для нас большой поддержкой было то, что мы остановились в доме молодых супругов, которые стали христианами три года назад, в Цюрихе. Мы увидели, что их стремление служить Господу не ослабело и они заметно выросли в вере.

В Пакистане мы также проповедовали Евангелие. Моими переводчиками были два молодых швейцарца, которые несколько лет назад, будучи хиппи, решили проделать путь в Индию, к наркотикам, но задержались в Пакистане. Бог чудесным образом повлиял на них, и они приняли Христа, вернулись в Швейцарию, закончили Библейский колледж «Новая Жизнь», а затем отправились с нами. Через некоторое время часть нашей группы вернулась обратно, а мы продолжали работу, продвигаясь в сторону Индии. Я хотел установить необходимые контакты, проповедовать

Евангелие и, конечно же, посетить мою мать, которая жила под Бомбеем, в ашраме своего гуру.

* * *

Проникнуть в Пакистан было совсем нетрудно, но когда я попытался пересечь границу с Индией, то был арестован. Пограничники, очевидно, думали, что в их сети попала «крупная рыба», и быстро доложили об этом в штаб, в Лахор.

Меня оставили наедине с самим собой в ожидании приезда начальника. Мне сказали, что он – очень религиозный мусульманин, три раза совершавший паломничество в Мекку. Эти сведения вряд ли могли помочь мне, так как ничего не говорили о нем как о начальнике полиции. Вся моя надежда была только на то, что мне удастся убедить его, что я христианин. Более того, я стремился рассказать о Христе каждому, кто пожелал бы меня слушать.

Пока я в течение трех часов сидел под арестом, я вспомнил всю свою жизнь. Я не жалел о том, что приехал в Пакистан. Если я помог хотя бы одному человеку получить прощение грехов и вечную жизнь, то уже из-за одного этого стоило рискнуть. А таких людей, которые приняли Христа, было много.

Возможно, мне не удастся убедить начальника, что я не шпион и не индуист. Все остальные офицеры были твердо уверены в том, что я лгу. Как они ненавидели индуистов! Для них моя смерть станет частичным возмездием за тысячи их друзей-мусульман, убитых индуистами.

Нет лучшей возможности испытать веру человека, чем перед лицом смерти, и сейчас я был твердо убежден – Христос любит меня, а физическая смерть приведет мою душу к Нему, где меня уже ждет Ма. Мое серд-

це наполнялось радостью, когда я думал о том, что сделал в моей жизни Христос, а также в жизни тех людей, которые преображались, благодаря вере в Него. Я был в руках Божиих и желал только исполнить Его волю, чтобы все, что ни произойдет, послужило к Его славе. И я помнил о тех словах, которые написал апостол Павел, когда был в тюрьме: «Возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью.» Я вспоминал о прочитанных мною книгах Тоузера, одна из которых лежала в моем чемодане, и о двадцатом стихе второй главы Послания апостола Павла к Галатам, о котором я так много размышлял: «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос.»

Я уже умер в нем, и теперь смерть не могла повредить мне. Я больше не боялся того, что могли со мной сделать эти люди.

– Зачем вы шпионите в нашей стране? – спросил меня приехавший начальник полиции.

– Я не шпион, – сказал я, – и никогда не стал бы этим заниматься.

– А почему?

– Потому что я христианин.

– Вы христианин? Это что, не ваш паспорт? Имя Махараджа никогда не было христианским.

То, что выражали его глаза, показывало, что он поверит такой лжи только в том случае, если лишится рассудка.

– Да, мое имя Махараджа, но я христианин, – настаивал я.

– Докажите, – теперь он улыбался, как будто наслаждался тем, какую шутку задумал.

Я не ожидал этого. Я никогда и не думал об этом раньше. Как я мог доказать то, во что верил? Здесь не

было никого, кто знал меня и мог засвидетельствовать, кто я такой.

– Вы мусульманин? – спросил я с уважением.

– Да.

– А вы можете доказать это?

Очевидно, теперь-то он должен понять, насколько бессмыслен был его вопрос.

– А почему я должен что-либо доказывать? Я же не шпион!

– Но я-то ведь тоже не шпион!

– Ну тогда докажите, что вы христианин! – снова улыбнулся он.

– Хорошо, – сказал я, открывая свой чемодан, – вот моя Библия. Станет ли индуист носить с собой Библию?

Начальник засмеялся:

– Конечно, если этот шпион неглуп!

Я стал листать страницы перед самым его носом.

– Но посмотрите, сэр, посмотрите, как у меня здесь все подчеркнуто, исписано, страница за страницей, выделены стихи, которые имеют для меня особенное значение, посмотрите на все мои пометки на полях!

– Ну, так может сделать каждый шпион!

Я снова открыл свой чемодан.

– Вот, посмотрите, у меня здесь много разных христианских книг, и письма от тех людей, которых я привел ко Христу, почитайте, что они пишут.

Он даже не стал смотреть на мое последнее доказательство.

– Вы думаете, что я совсем ничего не соображаю? Как будто все это невозможно подделать!

Я был ошеломлен. Я никак не мог доказать, что был христианином. И вот мне в голову пришла еще одна мысль.

– У меня есть доказательство, – сказал я. – Вот руко-

пись, история моей жизни, – я положил пачку листов на стол перед ним. – Здесь все рассказано подробно: как я жил, будучи индуистом, и как я стал последователем Иисуса Христа. Ни один шпион не сможет придумать что-либо подобное!

Посмотрев на меня скептически, начальник начал читать. Это было моей последней надеждой. По мере того как он перелистывал страницы, я молился и следил за выражением его лица. Дойдя до четырнадцатой главы, «Смерть гуру», он начал читать гораздо медленнее, видимо, заинтересованный историей моего обращения ко Христу. Внимательно дочитав рукопись, начальник сказал:

– Теперь вы убедили меня в том, что вы христианин. Но что же тогда вы делали в нашей стране?

Что я мог ответить на это? Я знал, что в Пакистане недавно были расстреляны многие христиане, которые проповедовали Евангелие мусульманам, а многих заключили в тюрьму на большой срок. Я попросил Бога о мудрости и, тщательно подбирая слова, начал:

– Я с уважением отношусь к вашей стране, но в ней хватает проблем. Я был здесь с группой из двадцати двух человек из Швейцарии и Западной Германии. Мы посещали больницы, детские дома и лепрозории, пытаюсь помогать людям и физически, и духовно. Мы любим ваш народ и вашу страну. Конечно, наша помощь очень мала, но мы делали все, что могли.

Начальник посмотрел на меня, откинулся в кресле и глубоко вздохнул. Выражение его лица стало доброжелательным. Он открыл мой паспорт, медленно достал печать из ящика стола и поставил штамп. Протягивая мне паспорт, он сказал:

– Можете идти.

Преисполненный благодарности, я вышел из комна-

ты свободным человеком! Офицеры были очень удивлены, увидев меня. Ведь до этого они утверждали, что мне не на что надеяться.

Пересекая стометровую нейтральную территорию по направлению к индийской границе, я благодарил Бога за Его милость и молился о том, чтобы этот офицер-мусульманин обратился ко Христу после того, как познакомился с моей историей, в правдивость которой он поверил.

Мои трудности, однако, еще не кончились. Когда я достиг индийской территории, меня сразу же отвели на допрос. Конечно, они приняли меня за пакистанского шпиона.

– Очевидно, вы пакистанец, – настаивал офицер. – Ни один индус не будет разгуливать по Пакистану. Что вы там делали?

– Я последователь Иисуса Христа и занимался христианской работой.

– Но вы же брамин, а говорите, что христианин. Христианами становятся неприкасаемые, а не брамины. Я не верю вам.

– Но я могу рассказать вам, как это произошло.

Я постарался изложить историю своей жизни как можно короче и интереснее. Он очень внимательно слушал меня. Когда я закончил, он задумчиво покачал головой, открыл мой паспорт, поставил штамп о въезде в страну и расписался.

– Счастливо вам добраться, – сказал он дружелюбно.

Трудно описать те чувства, которые волной захлестнули меня, когда я впервые вступил на землю Индии, землю моих праотцев. Здесь были те религиозные корни, которые я оставил в прошлом, но я по-прежнему чувствовал свою культурную и этническую принадлежность к этой стране. Это был мой народ и моя земля, со

всеми этими разноцветными поющими птичками, порхавшими с ветки на ветку, и манговыми деревьями, медленно раскачивавшимися на ветру. Земля, простиравшаяся передо мной, пробудила воспоминания о детстве, когда мать рассказывала мне о Раме, Кришне и других богах и героях индуистской мифологии. Воздух был наполнен такими же запахами, как и в больших индусских деревнях на Тринидаде, а также звуками индийской музыки, с пронзительно высокими женскими голосами. Здесь также были и другие люди, радовавшиеся тому, что попали в Индию: к моему великому удивлению, несколько хиппи с Запада целовали индийскую землю.

Но вскоре мой восторг и восхищение красотой индийской земли сменились грустью при виде некоторых вещей, не заметить которые было невозможно. Бедность, нищета, болезни просто подавляли. Многие люди влачили свою жалкую жизнь на улицах города, не имея даже глиняной мазанки или землянки, которую можно было бы назвать домом. Они умирали там, где и рождались, – в подворотне или на грязной дороге, под палящими лучами солнца, тщетно умоляя своих богов проявить хоть немного любви и заботы. Жить и умереть в ужасной нищете, постоянно слыша о том, что ты на самом-то деле Бог и тебе нужно только «осознать» этот факт, – кто мог выдумать такое? Пытаться понять, что покрытое язвами тело, голод и пустота в душе – всего лишь иллюзия... возможно ли это? Мое сердце сжималось от жалости. Я удивлялся тому, что жители Запада искали в Индии корни духовности. Насколько же слепы они были! Сейчас Индия могла дать им только такой же поддельный рай, как и наркотики.

* * *

Встреча с матерью была для меня очень радостным и волнующим событием. После моего отъезда в Лондон она неожиданно ушла из храма в Порт-оф-Спейне, оставив это престижное место, где, казалось, была так счастлива. При помощи друзей, которые купили помещение, мебель, книги и необходимое оборудование, она открыла школу для девочек. Все были уверены, что под ее руководством школа станет первоклассным учебным заведением. Предполагалось, что особого упора на религию делаться не будет. Моя мать отводила много времени на занятия йогой и вела уроки сама. Неожиданно, в один из выходных, она собрала чемоданы и уехала. Вскоре стало известно, что мать находится в нью-йоркском ашраме Бабы Муктананды, где она провела год, занимаясь с учениками из богатых американских семей, а затем вернулась в Индию, в храм своего гуру, где ей была предоставлена высокая должность.

Когда я приехал в этот храм, большая часть европейской молодежи, живущей там, отсутствовала, так как Муктананда был в Соединенных Штатах, где обучал тысячи своих учеников новой Кундалини-йоге. Снова жить в индуистском храме – какие воспоминания всплывали в моей памяти! Я был благодарен Богу за данную мне возможность откровенно поговорить со многими европейцами, жившими здесь.

– Посмотрите на окружающую вас нищету! Индия, с ее богатейшими ресурсами, могла бы быть одной из самых процветающих стран, но она разрушена. Разве это не трагедия? И как же вы, несмотря на все это, продолжаете верить индуизму?

– Нам надоели западные денежные отношения, – отвечали они.

– Сегодня Индия безнадежно старается угнаться за западной технологией и, конечно же, за деньгами, –

напоминал я им, – чтобы хоть как-то спасти от голода миллионы людей. И подобное мировоззрение существует не только на Западе – многие богатые индийцы также весьма материалистично смотрят на жизнь. Вам сможет принести освобождение не индуизм, а только один Христос. Посмотрите на дворцы, которые построил себе Муктананда, получая деньги на Западе. Много ли из этих денег он потратил на голодных и нищих людей, живущих в маленьких хибарках вокруг его владений? Христос является единственной надеждой для вас, для меня, и для Индии!

Моя мать похудела и выглядела не очень здоровой. Режим дня в храме был очень жесткий – подъем каждое утро в половине четвертого, а затем несколько часов йоги и медитации.

Мне очень хотелось поговорить с матерью о Христе, но я пока не решался, опасаясь, что это разрушит наши хрупкие отношения. Я ждал удобного момента и каждый день молился о том, чтобы Господь дал мне возможность провести с ней хоть несколько дней за пределами храма.

Вскоре наши знакомые предложили нам пожить в их доме, пока они были в отъезде. К моей великой радости, мать согласилась поехать со мной в Бомбей.

Это было похоже на сон. Напряжение между нами начало ослабевать, и мы снова становились друзьями, живя вместе, как и много лет назад. Я старался не делать ничего, что могло бы нарушить мир между нами, наслаждаясь каждой секундой нашей близости, отгоняя от себя мысли о том, что скоро все это должно кончиться. Мы вместе ходили по магазинам, гуляли, осматривали окрестности и начинали все лучше и лучше понимать друг друга после такой долгой разлуки, открывая друг другу свои сердца.

Но однажды наши взаимоотношения, которые мы так старательно строили вместе, разбились вдребезги. Я постоянно сдерживал себя, чтобы не сказать ничего, что могло бы ее обидеть. Даже намек на то, что я был христианином, не сорвалось с моих губ, только лишь осторожные вопросы о причине нищеты, окружавшей нас. Могло ли все это быть результатом тысячелетней кармы и развитием в направлении к Богу, о котором она постоянно твердила? Она не отвечала на эти вопросы, а только возбужденно и нервно продолжала говорить о своем, что ставило под сомнение ее душевное равновесие. Она рассказывала мне о йоге, медитации, о своих обязанностях в храме и все время так превозносила своего гуру, Муктананду. В тот самый день я понял, что уже не в силах терпеть это. Ведь если я буду и дальше молчать, она подумает, что я соглашаюсь с ней, а это не соответствовало действительности.

– Но, мама, твой гуру – это же не Бог, – сказал я. – Ни один человек не имеет права называть себя так.

– Но ведь Иисус говорил, что был Богом, – быстро ответила она, как будто уже была готова к тому, что я скажу ей. – Баба говорит о себе то же, что говорил о себе Иисус.

Я с сожалением посмотрел на нее.

– Мама, когда Иисус говорит, что Он Бог, то это значит, что Он действительно является Богом, и Библия вполне ясно показывает нам, насколько это верно, а твой гуру – всего лишь человек.

При этих словах мать резко повернулась ко мне.

– Ты оскорбил моего гуру и мою религию, и я больше не намерена терпеть это! Если ты приехал, чтобы обратить меня в христианство, то не утруждай себя и никогда больше не возвращайся!

Она выскочила из кухни и побежала в свою комнату,

в то время как я приходил в себя, чтобы что-либо предпринять. Она спустилась с чемоданом, и я попытался удержать ее.

– Я уезжаю, – отрубил она.

– Мама, ты не можешь сейчас уехать, – запротестовал я, беря у нее из рук чемодан и ставя его на пол. – Пожалуйста, не уезжай!

Она взяла чемодан и решительно вышла через парадную дверь. Я видел в окно, как она попрощалась с соседями и затем исчезла в толпе.

Я чувствовал себя беспомощным и разбитым. Это не укладывалось у меня в голове, я не верил в то, что произошло. Я так долго и терпеливо ждал, и вот! Это был один из самых тяжелых моментов в моей жизни. Слишком подавленный, я кое как доплелся до кровати и упал на нее. «Господи! – умолял я. – Неужели это все, что я успел сказать ей о Тебе? Если она не вернется, то я могу никогда не увидеть ее! Прошу, верни ее мне!»

Я продолжал молиться, но душа моя была в таком смятении, что я незаметно забылся сном.

Когда я проснулся, было уже темно. Я услышал в спальне матери какие-то звуки. Затем все стихло, и я ничего не слышал, кроме собственного дыхания. Я подождал еще немного, а потом поднялся в ее комнату. На кровати лежала моя мать...

– Тебе принести чего-нибудь поесть? – сказал я первое, что пришло мне в голову.

Она что-то тихо и недовольно буркнула и отвернулась к стене. Я спустился вниз, но через некоторое время снова поднялся к ней и спросил, не хочет ли она пить. Ответ был отрицательным.

В ту ночь я много молился о ней. На следующий день она снова отказалась есть и пить и не выходила из своей комнаты. Ко мне пришел друг из миссии «*Опера-*

ция *Мобилизация*», и мы вместе с ним молились за мою мать.

На следующее утро она пришла на кухню и начала готовить завтрак, как будто ничего не произошло. В нашем разговоре мы старательно избегали всего, что могло напомнить о недавнем инциденте. Это был день перед Рождеством, которое мы впервые собирались отметить вместе. У меня были кое-какие дела в христианском книжном магазине, и после обеда я направился туда. После того как мы с владельцем магазина все обсудили, я пошел к выходу и вдруг увидел на прилавке книгу «Теология: индуизм и христианство». Я решил купить ее, так как она могла оказаться полезной в моей работе.

Когда я вернулся домой, мать готовила ужин, а меня ожидал мой друг. Мы с ним сели на кухне.

– Раби, я приготовил тебе подарок, – сказал он, протягивая мне книгу. – Я знаю, что ты интересуешься подобными вопросами.

Взглянув на книгу, я рассмеялся.

– Большое спасибо, но я час назад купил точно такую же. Какое совпадение!

Я принес и положил на стол купленный мною экземпляр.

– Ну и что же мне делать с двумя одинаковыми книгами? – спросил я весело.

Моя мать подошла, прочитала название и сказала:

– Ты можешь одну из них подарить мне.

Я чуть не задохнулся от радости! Мне захотелось во все горло кричать «Слава Господу!» Ведь сам я никогда бы не осмелился подарить ей такую книгу.

Когда ужин закончился, мать взяла книгу и пошла к себе в спальню.

Теперь я решил сделать то, о чем мечтал долгие

годы, и, позвонив домой владельцу христианского книжного магазина, попросил его об особом одолжении.

– Я знаю, что по праздникам ваш магазин не работает, но мне очень нужно купить Библию для моей матери!

Он с радостью согласился помочь мне.

Мы с матерью провели вместе прекрасное Рождество, а на следующий день нам уже нужно было прощаться – она уезжала в храм своего гуру, а я улетаю обратно в Швейцарию, где должен был выступить на молодежном христианском конгрессе. И когда мы расставались, я протянул ей Библию, завернутую в красивую бумагу.

– Пообещай мне, – сказал я загадочно, – что ты не развернешь мой подарок до того, как приедешь в храм.

– Обещаю, – радостно ответила она, – но, по-моему, я знаю, что там.

– А по-моему, нет! – рассмеялся я. – Ты, наверное, очень удивишься, но, надеюсь, тебе понравится.

* * *

Через несколько недель я получил письмо от матери. В постскриптуме она написала: «Раби, большое тебе спасибо за Библию. Я читаю ее каждый день.»

ЭПИЛОГ

Со времени первого издания этой книги произошло очень много разных событий. Чтобы подробно описать их, потребовалась бы еще одна книга.

Объединение «*Новая Жизнь*», одним из основателей которого мне посчастливилось быть, выросло и развилось гораздо больше, чем ожидалось. Библейский колледж теперь находится в швейцарской деревне Вальценхаузен, расположенной в живописнейшем месте, над горным озером Констанца. Сотни выпускников этого колледжа отправились в разные страны проповедовать Евангелие.

Я много работал, совершая многочисленные поездки по тем местам, куда меня направлял Бог. В тридцать один год я познакомился с прекрасной девушкой, Франци, и вскоре мы поженились. Она тоже христианка и играет важную роль в нашем служении – идти к людям и нести им Благоую Весть Иисуса Христа.

Для нас были широко открыты двери университетов Европы и Северной Америки. Большой радостью было видеть ту духовную жажду, которую испытывают студенты, и то, какой отклик в их сердцах находит Евангелие. Мы никогда не встречали полупустых залов или равнодушных слушателей.

Кроме того, мы расширяли и укрепляли связи с государственными церквями Европы, где можно было проводить необходимую работу и рассказывали о Христе всем, кто искал истину.

Я получил тысячи писем от людей, которые обратились ко Христу, прочитав мою книгу, причем боль-

шинство из них получали ее в подарок от христиан. Господь снова и снова творил в моей жизни поразительные чудеса...

Я часто ездил в Индию и удостоился чести быть первым христианином, который проповедовал Евангелие в университете, в Бенаресе, где раньше училась моя мать.

Индия притягивала меня, и после долгих размышлений мы с Франци решили поселиться там. Я рассказал об этом Фрэнсису Шейферу – известному христианскому писателю, автору более двадцати книг, который уже многие годы ведет работу среди европейской интеллигенции. Он посоветовал мне еще раз все обдумать и молиться о правильном решении.

Я провел несколько дней в молитве и в конце концов понял: Бог дал мне вполне конкретное дело на Западе – и я должен остаться здесь, чтобы помогать людям.

Сразу после этого я стал получать огромное количество приглашений выступить на самых разных встречах и конференциях по всей Европе, что подтвердило правильность моего решения.

Но мы также продолжали работать на Востоке и часто ездили в Индию. Нам удалось создать фонд стипендий для нуждающихся студентов и молодых христиан, которые хотели получить библейское образование.

Моя мать до сих пор не стала христианкой. Гуру Муктананда присвоил ей звание Свами. Мы по-прежнему молимся за нее...

Тетя Суминтра, у которой я в детстве часто проводил каникулы, приняла Христа, тетя Ревати работает очень серьезно и плодотворно в христианской миссии. Ее сын Ананда после окончания германского христианского колледжа успешно проповедует в Индии. Несмотря на фанатичное противостояние, непрекращающиеся нападки и постоянные угрозы, они смело продолжают

свое служение Господу. Сандра несколько лет работала медсестрой в Швейцарии, вышла замуж за врача, и они вместе работают миссионерами-медиками в отдаленных районах Африки. Кришна окончил колледж и защитил диссертацию в Гарварде по специальности «Философия и религия». Сейчас он работает со студентами разных национальностей в христианской миссии, в районе Бостона.

* * *

Я благодарен Богу за то, что все эти годы Он вел меня по правильному пути и не давал отклониться в сторону. Тщательно изучая Библию и понимая, насколько верно каждое написанное в ней слово, видя те чудеса, которые творит Бог в жизни людей, я убедился, что Иисус Христос – это и есть единственный Путь, и Истина, и Жизнь.

Я благодарен Богу за то, что Он дал мне возможность проповедовать Евангелие в университетах, церквях, на улицах, по радио и телевидению в пятидесяти шести странах мира. И я буду продолжать эту работу до последнего вздоха – или до того, как Сам Иисус придет за Его народом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКИЙ СПРАВОЧНИК ПО ТЕРМИНАМ ИНДУИЗМА

АВАТАРА. В самом широком смысле – это воплощение Бога в каждом живом существе. В узком смысле аватара – это воплощение Вишну. Некоторые индуисты говорят, что Вишну воплощался бесчисленное количество раз, другие – что всего девять: в виде рыбы, черепахи, человеко-льва, вепря, ребенка-карлика, затем Рамы, Кришны, Будды и Христа.

Роль аватары – быть учителем, показывающим людям путь к спасению. Многие индуисты считают аватарами своих гуру.

АХИМСА – учение о ненасилии по отношению ко всему живому. Индуисты верят в то, что насекомые и животные благодаря хорошей карме могут достичь уровня человека, а люди из-за плохой кармы могут снова опуститься до уровня животных или насекомых, поэтому насилие и употребление в пищу всего живого, кроме растений, считается убийством и каннибализмом. Индуист должен быть вегетарианцем.

Однако индуистская практика не всегда соответствует ахимсе. В храмах часто приносят в жертву разных животных, а во время войн и восстаний индуисты так же убивали людей, как и те, кто не следует ахимсе.

АШРАМ. Сегодня этим словом называют различные религиозные общины и объединения в Индии, в которых человек обучается у какого-нибудь гуру.

БАРАХИ – религиозная церемония, совершаемая на двенадцатый день после рождения мальчика-брамина, на которой пандиты и астрологи делают свои предсказания относительно его будущего.

БРАМИН – представитель высшей индуистской касты, посредник между Брахманом и остальными людьми. Пандитами могут быть только брамины. Это дает браминам большую власть над другими кастами, но и требует вести религиозную жизнь. Каждая их ошибка наказывается строже, чем у низших каст.

На санскрите каста – это «варна», что переводится как «цвет». Возможно, брамины являются потомками светлокожей расы арийцев. Даже в наши дни кожа у браминов обычно чуть светлее, чем у представителей других каст.

БРАХМА. Брахма-созидатель – это первый из трех главных индуистских богов, далее – Вишну-хранитель и Шива-разрушитель. Считается, что примерно раз в 432 миллиарда лет Шива уничтожает всю вселенную, Брахма снова создает ее, а Вишну снова воплощается, чтобы указать путь к Брахману. Брахма обычно изображается с четырьмя головами и четырьмя руками.

БРАХМАН – высшая реальность, мировая душа, без формы, непознаваемая, неопишная; одновременно и творец, и творение. Брахман – это все, и все – это Брахман.

Самое большое достижение для индуиста – это осознать, что он сам является Брахманом, что он и вся вселенная – это единое целое.

БРАХМАЧАРЬЯ – название первой из четырех ступеней индуистской религиозной жизни. На этой ступени необходим полный отказ от половых отношений, то есть принимается обет безбрачия. Человек, живущий соответственно принципам брахмачарьи, называется **БРАХМАЧАРИ**.

БХАГАВАД-ГИТА – самое известное индуистское писание, часть *махабхараты*, наиболее читаемая священная книга как на Востоке, так и на Западе. Известная также под названием *песнь господ*, *бхагавад-гита* представляет собой диалог между воином Арджуной и господом Кришной.

БХАГВАН – бог или господь.

БХАДЖАН – песни преданности и любви, обращенные к индуистским богам.

БХАИ – буквально «брат», уважительное обращение как к равному. Индуист очень редко называет так какого-нибудь ребенка.

ВЕДЫ – основные индуистские писания, о которых говорят, что они более великие, чем сами боги, так как боги когда-то исчезнут, а *веды* останутся. Считается, что *веды* – это слова самого Брахмана, абсолюта, существовавшие всегда. В состав *вед* входят четыре книги.

ГУРУ – буквально «учитель», но в каком-то смысле – проявление Брахмана. Считается, что индуистские писания могут быть поняты только в том случае, если их истолкует гуру, который сам узнал их смысл от своего гуру. И именно через цепь гуру древнее знание дошло до наших дней. Ученики поклоняются своему гуру даже после его смерти. Считается, что когда гуру попадает в высшие миры, общение с ним продолжается. Место кремации гуру считается лучшим местом для медитации.

ДАКШИНА – одно из многих имен Шивы, также обознача-

ющее денежные приношения браминам, которые принято давать правой рукой.

ДЕВАТЫ – боги или божества.

ДЕЙЯ – небольшая глиняная чашечка с фитилем, наполненная каким-либо маслом, которая зажигается во время религиозных церемоний и обрядов.

ДХОТИ – длинная полоса ткани, прикрывающая бедра мужчин. В индийских деревнях дхоти носят и в наше время. Дхоти является традиционной одеждой священников.

ИНДУИЗМ – совокупность религиозных учений и связанных с ними обычаев, культов и правил поведения, характерных для большинства населения Индии. Индуистом считается каждый, имеющий по крайней мере одного родителя индийца и не исповедующий иной религии. В индуизме чрезвычайно сильны требования общественно-бытовых традиций. Исповедующим индуизм свойственно представление о том, что вечная индивидуальная душа (Атман) стремится к слиянию с мировой душой (Брахманом). На пути к конечному спасению Атман переживает непрерывные перевоплощения, которые определяются кармой. Спасение по благодати Божией абсолютно противоположно учению индуизма.

ЙОГА – различные системы упражнений, дающие возможность соединиться с Брахманом.

Истинный йог отказывается в своей жизни от всего. Он должен быть вне пространства, времени, касты, государства, религии, и даже добра и зла. Как сказал в *бхагавад-гите* Кришна, для йога нет ничего важнее самой йоги.

КАРМА – причинно-следственный закон индуизма, предопределяющий дальнейшую судьбу живого существа. Учение о карме говорит, что за каждое моральное, духовное или физическое действие, будь то слово, мысль или поступок, карма воздает соответственно. Это может произойти не в текущей жизни, а в следующих. В законе кармы нет прощения. Каждый несет ответственность за свои поступки.

КАСТЫ – группы, на которые разделено население Индии. Существует четыре касты: брамины, кшатрии, вайшьи и шудры. По преданию, касты произошли из разных частей тела Брахмы. Считается, что если представители низших каст будут стойко переносить все тяготы жизни и исполнять свои обязанности, то они смогут улучшить свою карму и надеяться на более высокое рождение в следующей жизни.

Неприкасаемые находятся ниже кастовой системы. Многие неприкасаемые перешли в ислам и христианство, так как это сразу давало им определенный статус.

КРИШНА – самый популярный и любимый индуистский бог, герой бесчисленных легенд и преданий. Как и Рама, Кришна является одним из воплощений Вишну.

КУНДАЛИНИ – имя богини, представляемой в форме змеи, свернувшейся в три с половиной раза, которая спит, держа в пасти кончик хвоста. Считается, что эта «змея жизни, огня и мудрости» располагается в теле человека, у основания позвоночника. И если ее пробудить без соответствующего контроля, разъяренная змея вздымается с силой, которой трудно противостоять.

МАЙЯ – иллюзорность бытия, вселенной. Так как Брахман – это единственная реальность, то все остальное – иллюзия. Невежественный человек не может увидеть истинную реальность и воспринимает только иллюзорный мир страданий. Спасение приходит через озарение.

МАНТРА – магическое сочетание звуков, используемое для призывания богов. Считается, что повторение мантр дает человеку возможность соединиться с высшими силами.

МАХАБХАРАТА – грандиозный эпос древней Индии, содержащий богатейшие сведения о ее философии, религии, экономике, общественно-политическом строе, военном деле и других сторонах жизни.

МЕДИТАЦИЯ – особая техника отделения самого себя от мира вещей и мыслей, ведущая к успокоению, гармонии, состоянию транса или мистического экстаза.

МОКША – освобождение из круга бесчисленных перевоплощений и соединение с Брахманом. Индуисты стремятся к мокше, так как это означает конец страданий, которые они испытывают в каждой новой жизни.

НАМАХСТЕ – традиционное индуистское приветствие, сопровождаемое поклоном.

НИРВАНА – высшее состояние, которое по-разному трактуется в восточных религиях. Иногда – синоним мокши.

НЬЯСА – церемония приглашения божества.

ПАНДИТ – брамин, который специально занимался изучением индуизма и может выполнять религиозные обряды и церемонии. Далеко не все брамины становятся пандитами. Большинство браминов имеют обычные профессии.

ПУДЖА – буквально «поклонение» – ритуальная религиозная церемония.

РАМА – воплощение Вишну. Для каждого индуиста Рама – это пример наивысшего благородства, и его именем часто называют детей.

РАМАЯНА – великая эпическая поэма, описывающая земную жизнь бога Рамы, воплощения Вишну.

РИГ-ВЕДА – самая важная и почитаемая из четырех *вед*. Она представляет собой сборник старинных легенд, мантр и гимнов.

САМОСОЗНАНИЕ – освобождение от иллюзий и соединение с Брахманом.

САНЬЯСИН – бродячий монах в Индии.

СВАМИ – высокое звание, которое обычно присваивается гуру или главе религиозной группы.

УПАНИШАДЫ – комментарии к *ведам*.

ШАКТИ ПАТ – прикосновение посвященного ко лбу поклоняющегося, часто дающее сверхъестественный эффект: получивший его может увидеть яркую вспышку и ощутить внутреннее просветление или испытать какое-либо другое мистическое переживание.